

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр УрО РАН»
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Н.И. Гуляева

**ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ
КОМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ФУНКЦИИ, СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА**

*Ответственный редактор
кандидат филологических наук С.А. Сажина*

Сыктывкар, 2019

УДК 811.511.132'367.322
ББК 81.664.2-2:83.3(2Рос=Коми)
Г 940

Гуляева Н.И. **ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ КОМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ФУНКЦИИ, СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА.** Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 108 с.
ISBN 978-5-906394-52-1

Монография представляет собой опыт комплексного исследования вопросительных конструкций коми литературного языка. В работе рассмотрены коммуникативные функции данных синтаксических единиц, выявлены и проанализированы их функционально-семантические и структурные особенности, предпринята структурная классификация вопросительных предложений и описаны общие закономерности функционирования данных синтаксических единиц в языке коми художественной литературы. Научное исследование проводилось на большом фактическом материале, собранном автором из драматических и прозаических произведений коми литературы.

Книга представляет интерес для специалистов в области финно-угорской филологии. Адресована научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 811.511.132'367.322
ББК 81.664.2-2:83.3(2Рос=Коми)

Рецензенты

кандидат филологических наук М.С. Федина
(Коми республиканская академия госслужбы)

кандидат филологических наук Т.В. Якубив
(Коми республиканский институт развития образования)

ISBN 978-5-906394-52-1

© Н.И. Гуляева, 2019
© Ин-т языка, литературы и истории,
Коми НЦ УрО РАН, 2019

*С глубочайшей любовью и благодарностью
книга посвящается моей маме,
Раисе Ивановне Гуляевой,
и светлой памяти моего папы,
Ивана Егоровича Гуляева*

Благодарности

Выражаю благодарность моим коллегам за помощь в написании этой книги: Евгении Авенировне Айбабиной, Галине Александровне Некрасовой, Ольге Ивановне Некрасовой, Элеоноре Николаевне Поповой, Анатолию Николаевичу Ракину, Галине Васильевне Пунеговой, Елене Николаевне Федосеевой, Галине Валерьяновне Федюновой и Евгению Александровичу Цыпанову.

Особую признательность выражаю Светлане Александровне Сажиной и Алексею Геннадьевичу Мусанову за помощь в подготовке книги к печати.

Также хочу поблагодарить моих близких за любовь и поддержку.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается все более возрастающее внимание языковедов к коммуникативному синтаксису, который, как известно, связан с анализом специфики реализации и функционирования языковых единиц в речи, закономерностями их употребления, обусловливаемыми ситуацией общения, прагматической направленностью высказывания. В этом контексте вопросительные предложения представляют особый интерес, так как они являются основной движущей силой коммуникации, выступая в качестве иницилирующих реплик и реплик-реакций, выражая запрос информации, побуждение к действию и эмоциональное состояние коммуниканта. В нашем исследовании предпринята попытка описать функционально-семантические и структурные особенности вопросительных конструкций в прозаических и драматических произведениях коми художественной литературы.

Понятие о вопросительном предложении

В лингвистической науке существует значительное количество различных определений и характеристик вопросительного предложения.

По мнению И.П. Распопова, вопросительные предложения представляют собой один из типов предложений, которые выделяются по характеру отношения высказываемого в них содержания к реальной действительности и выражают не констатирование фактов, как повествовательные предложения, а только стремление говорящего выяснить нечто неизвестное. Со стороны своей семантической природы вопросительные предложения характеризуются тем, что заключают в себе и грамматически оформляют особую логическую форму мысли, содержащую не суждение, а вопрос. Исследователь подчеркивает, что при выражении вопроса в речи необходимо побудить собеседника к высказыванию для того, чтобы он удовлетворил потребность говорящего в определенных сведениях, и указать на то, какие именно элементы мысли, отражающей тот или иной факт действительности, являются для говорящего неизвестными (Распопов 1958).

А.И. Пешковский рассматривает вопросительные предложения как одну из разновидностей побудительной речи. Он отмечает: «если мы общаемыми мыслями желаем повлиять на своего собеседника, подействовать на его волю, побудить его поступить так или иначе, нашу речь можно назвать побудительной речью. Последний случай разбивается на два: мы можем побуждать слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на наш вопрос – речь вопросительная, и можем побуждать его сделать то именно, что мы ему приказываем или о чем просим, – речь повелительная» (Пешковский 1938: 356).

Вопросительное предложение имеет сложную семантическую структуру, включающую две составляющие: запрос компетентности, т.е. запрос относительно наличия у адресата информации о некоторой составляющей ситуации в целом, и предмет запроса (Почепцов 1979: 8–9), является специфическим атрибутом коммуникативной техники (Серебренников 1983: 62). По своей коммуникативной функции вопросительное предложение является таким сообщением, которое стимулирует появление другого сообщения (ГСРЯ 1970: 545), это синсемантическая единица (Блох 1983: 5).

По мнению Л. Теньера, неопределенность выбора между двумя альтернативными решениями и испытываемая сознанием говорящего потребность выйти из этой неопределенности составляют мыслительную установку вопроса (Теньер 1988). В исследовании он отмечает: «Вопрос может носить внутренний характер, если он задается говорящим самому себе с целью найти удовлетворительный ответ путем интроспективного размышления. Вопрос носит внешний характер, если он обращен к другому лицу, от которого говорящий ждет ответа, – при этом может либо принять этот ответ безоговорочно, либо принять его лишь к сведению, оставляя за собой в дальнейшем свободу согласиться или не согласиться с собеседником. Во всех этих случаях вопрос выражается в различных языках при помощи специальных вопросительных конструкций» (Теньер 1988: 206).

«У вопроса есть четыре так называемых условия успешности: 1) предполагается, что говорящий не знает ответа, 2) он хочет знать ответ, 3) адресат речи знает ответ, 4) он готов этим знанием поделиться» (Власян 2006: 125).

Основными признаками вопросительных предложений являются: логический – характер вопроса как формы мысли, выражаемой вопросительным предложением, функциональный – наличие у вопросительного предложения вопросительной целеустановки, структурные признаки – интонация, порядок слов, вопросительное слово (Платоненко 1989: 4).

Рассматривая коммуникативные типы предложений в аспекте актуального членения, М.Я. Блох писал, что актуальное членение вопросительного предложения характеризуется такими своеобразными чертами, которые делают его в корне отличным от актуального членения других коммуникатив-

ных типов предложения. Принципиальное своеобразие актуального членения вопросительного предложения обусловлено тем, что это предложение вместо непосредственной передачи некоторого относительно самодовлеющего содержания (сообщение о ситуации или событии; волеизъявление, побуждающее к действию) выражает запрос об определенной информации, т.е. содержит обращение за получением сведений, которыми говорящий, по типическим условиям вопроса-ответной речевой ситуации, не располагает. Рема вопросительного предложения, являясь центром запроса информации, оказывается в содержательном плане открытой: ее функция сводится лишь к тому, что бы точно наметить рематическую позицию ответного предложения и дать программу заполнения этой позиции в строгом соответствии с семантическим характером запроса (Блох 1976: 18).

Первичными функциями вопросительного предложения являются: 1) выражение желания спрашивающего получить знание и обращение к информанту с тем, чтобы тот удовлетворил это желание; 2) сообщение предполагаемому информанту знания того, чем интересуется спрашивающий (о чем он в данный момент думает), и соответствующего аспекта, исходя из которого следует удовлетворить недостаток знания (Фирбас 1972: 58).

В связи с употреблением в различных условиях вопросительные конструкции выработали вторичные функции: такие, как выражение побуждения, различных эмоциональных реакций и т.д. В вопросительных предложениях могут содержаться и пересекаться как значения вопроса, так и утверждающего сообщения, а также значения чрезвычайно разнообразных видов побуждения к действию и значения состояния (Жинкин 1995: 24, Шмелев 1993: 86). «Подлинное коммуникативное намерение спрашивающего нередко не ограничивается простым запросом информации, а передает сложное эмоциональное состояние коммуниканта» (Воробьева 2009: 52).

Таким образом, вопросительные предложения – это такие синтаксические конструкции, прямым коммуникативным предназначением которых является выражение стремлений адресанта получить от адресата какую-либо информацию, которой сам не обладает, но считает, что ею располагает адресат. В то же время вопросительные предложения используются и в непрямых функциях, а именно в функции побуждения к какому-либо действию, реакции на какой-либо факт действительности, для выражения эмоционального состояния, установления контакта.

Необходимо отметить, что все вопросительные предложения содержат вопрос, но не все предложения, содержащие вопрос, могут называться вопросительными. К таковым относятся косвенные вопросы. Они, как известно, представляют собой передачу чужого вопроса от лица автора в форме сложноподчиненного предложения, где авторские слова выступают в качестве главного предложения, а вопрос – придаточного, при этом, если в нем

имеются вопросительные слова, то в косвенном вопросе они сохраняются в роли союзных слов, при их отсутствии, в частности, в коми языке, употребляется частица *-õ* 'ли', вопросительный знак в конце предложений данного вида не ставится.

Исследование вопросительных предложений в финно-угорском языкознании

Несмотря на широкую распространенность, вопросительные предложения остаются слабоизученными синтаксическими единицами в финно-угорских языках Российской Федерации, в том числе и в коми. Имеющиеся работы в основном посвящены формальной организации предложения, а его содержательная сторона остается менее исследованной.

Одной из первых работ, посвященных изучению синтаксиса коми языка, где содержатся сведения о вопросительных предложениях коми языка, является «Грамматика зырянского языка» П.И. Савваитова. Автор пишет: «Сообщая другим свои мысли и чувствования, мы обыкновенно из отдельных слов составляем предложения сообразно с духом того языка, на котором говорим. Предложением называется суждение, выраженное словами» (Савваитов 1850: 9). Далее продолжает «<...> предложения, по выражению своему, разделяются на изъявительные, вопросительные и повелительные» и отмечает, что в вопросительных предложениях спрашивающий не произносит окончательного суждения о предмете, а предоставляет другому выразить оно утверждение» (Савваитов 1850: 98). Порядок расположения слов в вопросительных предложениях описывается следующим образом: «сначала полагаются те слова, на которые требуется ответ, как то: вопросительные местоимения, наречия и др., а потом остальная часть предложения» (Савваитов 1850: 11).

А.С. Сидоров в работе «Твердый порядок расположения слов в предложении коми языка» отмечает, что в вопросительном предложении логическое ударение совпадает с ударением слова, выражающего вопрос (Сидоров 1947: 197–198). Важные замечания, касающиеся вопросительных предложений коми языка, нашли отражение в исследовании ученого «Синтаксис коми языка». В первой части работы отмечено, что «категория вопроса в вопросительном предложении может быть выражена четырьмя способами: порядком расположения слов, вопросительным местоимением, частичкой *õ* и интонацией. <...>. Во всех четырех формах выражения вопроса логическое ударение с вопросительной интонацией падает на слово, выражающее вопрос, причем наибольшая сила ударения необходима в том случае, когда вопрос кроме интонации не выражен больше никаким способом» (Сидоров 1950: 100–102). В учебнике для педвузов «Синтаксис коми языка» А.С. Сидоровым

подчеркнуто, что «вопросительные предложения связаны в своем содержании с последующим предложением, так как всякий вопрос требует себе ответа» (Сидоров 1952: 24).

Н.А. Колегова в учебном пособии для вузов «Современный коми язык», рассматривая вопросительные предложения, отмечает, что средствами оформления вопросительных предложений являются: вопросительная интонация, вопросительные слова, порядок слов, при этом слово, на которое падает вопрос, обычно выносится на первое место (СКЯ 1967: 23).

В.М. Лудыковой впервые была предпринята попытка классификации вопросительных предложений коми языка и описана модальность коми инфинитивных вопросительных конструкций (Лудыкова 2000: 114–121, 2009: 86–88).

Краткое описание вопросительных предложений удмуртского языка и их классификация приводится в «Грамматике современного удмуртского языка». Там же указывается, что основными и специфическими средствами оформления вопросительных предложений являются интонация, специальные вопросительные слова и порядок расположения слов в предложении. Обычно все эти средства выражения функционируют одновременно (ГСUY 1970: 26–28).

А.Ф. Шутов, анализируя роль порядка слов в развитии гипотактических отношений в удмуртском языке, приводит несколько важных замечаний о порядке слов в вопросительных предложениях. Так, исследователь отмечает, что в удмуртском языке имеют место реликтовые проявления того случая, когда вопросительные слова ставятся не в начале вопросительного предложения, а внутри него перед сказуемым (Шутов 2000: 323–324).

Ю.С. Юфкин, рассматривая некоторые структурные особенности вопросительных предложений в мокша-мордовском и удмуртском языках, приходит к выводу, что «в оформлении вопросительных предложений в мокша-мордовском и удмуртском языках принимают участие разнообразные лексико-грамматические, интонационные и синтаксические средства» (Юфкин 1990: 101). В другой своей работе, посвященной проблеме категории вопросительности в мокшанском языке, он отмечает, что первым и основным средством выражения категории вопроса в мокшанском языке является интонация (Юфкин 1988: 62). Здесь же им рассмотрены вопросительные слова и частицы, используемые в качестве основной формы выражения вопроса.

Важные сведения о вопросительных предложениях в мордовских языках содержатся в трудах М.Н. Колядёнкова и Н.М. Алямкина (Колядёнков 1954, 1956, Алямкин 2006).

Л.П. Водясова, описывая сложное синтаксическое целое (ССЦ) в современном эрзянском языке, приводит ряд ценных сведений о риторических

вопросах. Исследователь, в частности, отмечает, что для связи компонентов ССЦ употребляются единичные и повторяющиеся риторические вопросы, частым релевантным признаком структуры которых в эрзянском языке является использование в них вопросительных местоимений и местоименных наречий. В сложном синтаксическом целом они обладают ретроспективной направленностью своих смысловых связей и помогают сформулировать, обосновать и усилить экспрессивно-эмоциональную сторону высказывания, повысить накал произведения в целом. Вопросительные риторические предложения в качестве средства связи между ССЦ широко распространены в текстах различных стилей. Эти конструкции позволяют сосредотачивать внимание читателя на главном. (Водясова 2001: 10–30).

В работе Е.И. Ромбандеевой рассмотрены особенности вопросительных предложений мансийского языка и приведена их классификация (Ромбандеева 1979: 25–26).

К. Венде, описывая роль интонации в опознавании вопроса в эстонском языке, пришел к выводу, что интонация – недостаточное средство для опознавания вопроса. В беседе вопросительность очень часто выражается средствами, находящимися вне самой вопросительной фразы, а именно речевым контекстом и / или речевой (коммуникативной) ситуацией (Венде 1969: 163–164).

Л. Хакулинен в работе «Развитие и структура финского языка» делает существенные замечания, касающиеся вопросительных предложений финского языка. Исследователь пишет, что в вопросительном предложении, на которое ожидается простой положительный или отрицательный ответ, к любому члену предложения можно присоединить вопросительную частицу *-ko*, *-kõ*. При этом утвердительный ответ на приведенный выше тип вопроса дается путем повторения соответствующего члена предложения, т.е. того к которому присоединена вопросительная частица. Л. Хакулинен отмечает, что такой способ вопроса и ответа также характерен для уральских и алтайских групп языков (Хакулинен 1955: 27).

Необходимо отметить, что, несмотря на небольшое количество специальных работ по вопросительным предложениям в финно-угорском языкознании, в них содержатся ценные наблюдения по данной проблеме.

Классификация вопросительных предложений

Не менее сложной является проблема типизации вопросительных предложений. В зарубежной и отечественной научной литературе представлены различные классификации конструкций данного вида.

Так, Ш. Балли в своей работе отмечает: «вопрос может относиться либо к части диктума или ко всему диктуму, либо ко всему модусу или к одной из его частей, но никогда не относится к диктуму и модусу, вместе взятым»

(Балли 1955: 47). Он выделяет следующие виды вопросов в зависимости от типа информации, которую желает получить коммуникант:

1) частный диктальный вопрос (желают лишь дополнить представление диктума, их обычно принято называть просто частичными): Кто вышел?

2) полный диктальный вопрос (спрашивая, устанавливают существово факта; знают, что что-то произошло, но не знают что именно): В чем дело?

3) полный модальный вопрос (фактически это не полный вопрос, а всего лишь требование утверждения; диктум целиком фигурирует в вопросе, и вопрос имеет целью установить правильность или неправильность диктума): Павел здесь?

4) частичный модальный вопрос (выражают сомнение в реальности части диктума): Ты ли это сделал? (Балли 1955: 48).

Французский языковед Ж. Марузо описывает целый ряд разновидностей вопросов: общий (абсолютный), частный (относительный), разделительный, двойной (содержит одновременно два вопросительных слова), обсуждающий (вопрос, обращенный к самому себе), риторический, косвенный (когда он содержится в придаточном предложении) (Марузо 2004: 59–60).

Классификация вопросительных предложений, предложенная Д. Уилсон и Д. Спербером, включает в себя риторические вопросы, экзаменационные вопросы, догадки, вопросы-удивления, вопросы-объяснения, вопросы, адресованные себе, звукоподражательные вопросы (см. Власян 2006: 126).

Вопросительные предложения являлись объектом изучения в работах И.П. Распопова. Ученый дифференцирует вопросительные предложения русского языка:

1) в зависимости от «модального качества» на собственно-вопросительные, удостоверительно-вопросительные и предположительно-вопросительные (Распопов 2009: 90–94).

2) «по характеру и назначению в речи» – местоименные и неместоименные вопросительные предложения. И.П. Распопов утверждает, что различие между этими типами вопросительных предложений, в первую очередь, обусловлено тем, что в них по-разному выражается неизвестное – интересующий говорящего предмет, признак, явление и т.п. В местоименных вопросительных предложениях неизвестное не называется, при помощи вопросительно-го местоимения на него только указывают (Распопов 1958: 35).

Согласно В.А. Белошапковой, в современном русском языке по характеру средств выражения вопросительности различаются:

1) предложения, в которых вопросительность выражается специальными словами;

2) предложения, в которых вопросительность выражается интонацией.

По типу заключенного в них вопроса и предполагаемого ответа вопросительные предложения делятся на общевопросительные (или неместоименные) и частновопросительные (или местоименные).

По значению, а именно, характеру коммуникативной функции, вопросительные предложения разделяются на собственно вопросительные и несобственно вопросительные (Белошапкина 1977: 95–96).

Большой интерес к изучению вопросительных предложений проявлял П. Рестан. В своей работе он анализирует вопросительные предложения и выделяет следующие типы: чисто информативные (общевопросительные), презумитивные (предположительные), риторические, эмоционально-констатирующие (выражают эмоциональную реакцию говорящего на какой-то замеченный факт), дубитативные (они, как и презумитивные, выражают предположения, но, подобно риторическим вопросам, имеют смысл, противоположный высказанному) (см. Арсланова 2006: 26).

О.С. Ахманова приводит такие типы вопросов: альтернативный (предлагающий подтвердить одну из допускаемых возможностей); восклицательный (восклицание, которому в лингвостилистических целях придается вопросительная форма); встречный (вопрос, задаваемый вместо ответа); вторичный (вопрос, относящийся специально к одному из членов предложения); двойной (вопрос с двумя вопросительными местоимениями в разных падежах); делиберативный (вопрос, адресуемый риторически к самому себе); косвенный (вопрос, переданный в косвенной речи); местоименный (вопрос, имеющий в своем составе вопросительное местоимение); непосредственный (вопрос в собственном смысле слова, т.е. содержание вопросительного предложения как обращения к слушающему за информацией (в отличие от косвенного вопроса, лишь сообщающего о такой ситуации)); общий (вопрос, предлагающий подтвердить или опровергнуть основное содержание высказывания); разделительный (вопрос альтернативный или вопрос, эмфатически сопровождающий высказывание в форме, противоположной последнему, и состоящий, таким образом, из двух частей – развернутой и сокращенной, – вторая из которых подчеркивает, усиливает его в целом); риторический (фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию вопросительной формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон); специальный (вопрос, основное (вопросительное) содержание которого заключено в вопросительном местоимении, указывающем на то, какая именно требуется информация); утвердительный (вопрос в форме утвердительного предложения, но с вопросительной информацией) и чистый (высказывание, имеющее вопросительную форму, но тем более приближающееся к простому сообщению, чем яснее говорящий представляет себе ответ) (Ахманова 2005: 84–85).

В фундаментальной работе «Русская грамматика» Е.А. Брызгуновой по «степени неизвестности и характеру неизвестного» выделены пять типов вопросов:

- 1) все неизвестные одинаково вероятны: **Когда** он придет?
- 2) одно из неизвестных наиболее вероятно: Он придет **во вторник?**
- 3) одинаково вероятно наличие или отсутствие действия, состояния, признака: Он **придет** во вторник?
- 4) неизвестное сопоставляется с предшествующим, уже известным: Ходить он может уже давно. А **бегать**
- 5) неизвестное в том или ином смысле уподобляется предшествующему, уже известному: Ходить он уже давно может. – **И бегать может?** (РГ 1980: 397).

Там же представлена классификация вопросительных предложений русского языка, основанная на первичных и вторичных функциях вопросительных предложений. Отмечая, что первичной функцией предложений данного вида является поиск информации, а вторичной – передача информации, всегда экспрессивно окрашенной, ученый выявляет следующие функционально-семантические типы вопросительных предложений.

В своих первичных функциях:

- 1) в зависимости от характера и объема той информации, которая должна быть получена, вопросительные предложения делятся на общевопросительные и частновопросительные;
- 2) в зависимости от осведомленности говорящего о том, что спрашивается: собственно-вопросительные (полная неосведомленность), неопределенно-вопросительные (предположение), констатирующе-вопросительные (утвердительные);
- 3) в зависимости от ожидаемого ответа: требующие ответа-подтверждения или ответа-отрицания и требующие в ответе какой-либо информации;

В своих вторичных функциях:

- 1) вопросы, в которых заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение;
- 2) вопросы, в которых заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание (риторический вопрос);
- 3) вопросы-уяснения, повторяющие словесный состав предшествующей реплики и обычно осложненные эмоциональной окраской удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения;
- 4) вопросы-побуждения к чему-либо;
- 5) вопросы, выражающие эмоциональную реакцию говорящего: эмоциональную констатацию факта, оценку, отношение, аффективное состояние;
- 6) вопросы, имеющие целью активизировать внимание, заинтересовать, обратить внимание на форму выражения мысли (РГ 1980: 393–396).

Согласно классификации Я.Г. Тестельца, в русском языке вопросительные предложения делятся на два основных класса – общевопросительные и частновопросительные, отдельной разновидностью общих вопросов являются альтернативные вопросы (Тестелец 2001: 244–245).

Дифференцируя вопросительные предложения русского языка в семантико-прагматическом аспекте, В.З. Санников выделяет собственно вопросы (общие вопросы, альтернативные и специальные), которым противопоставляются псевдovoпросы (риторические, недоуменные, эмоциональные, вопросы со значением побуждения либо запрета), не содержащие компонента «незнание» (Санников 2008: 528–533).

Вопросительные предложения французского языка являются объектом исследования в работе А.С. Хлепитько. Ею приводится следующий вариант классификации вопросительных предложений на основе формальных и прагматических показателей: собственно-вопросы – вопросы с лексическими пробелами; общие вопросы, вопросы с признаками косвенных речевых актов; несобственно-вопросы – вопросы, выражающие побуждение (прескриптивы, реквизитивы, суггестивы); собственно риторические вопросы; игноративные (застывшие речевые формулы) и интродуктивные (вводят новую информацию) вопросы; вопросы, выражающие модальную оценку (имеют речерегулирующую направленность) (Хлепитько 2008: 7–19).

Описывая вопросительные предложения в русском и немецком языках, В.С. Григорьева предлагает типизацию вопросительных конструкций по целевой направленности: информационные (для получения информации); альтернативные, наводящие (для направления беседы в определенное русло); косвенный вопрос, или вопрос-ловушка (используется тогда, когда говорящий не может прямо запросить ответ); риторический контрвопрос, или вопрос-уточнение (осуществляет частичную проверку первого высказывания); провокационный вопрос (побуждает собеседника выйти из себя, «раскрыться»); шоковый вопрос, или вопрос-нападение (используется для выманивания собеседника из ситуации умалчивания, чтобы заставить его делать непреднамеренное высказывание); контролирующий, или констатирующий вопрос (для проверки заинтересованности слушающего); вопрос Сократа, или вопрос по-Сократски (формируется из трех-пяти вопросов, выстроенных в логическую цепочку, на которые спрашивающий явно получит положительный ответ, и последний, на который адресат даст утвердительный ответ, на что в обычной ситуации ответил бы «нет») (Григорьева 2006: 21–22).

М.Н. Орлова выделяет следующие функционально-семантические типы: собственно-вопросительные, удостоверительно-вопросительные и предположительно-вопросительные (Орлова 1966: 118–122).

К изучению вопросительных предложений чувашского языка обращалась А.П. Долгова. По функционально-коммуникативной направленности,

содержанию и формальному плану выражения исследователь подразделяет их на два класса: а) класс собственно-вопросительных: чистовопросительные (выражающие частный, достоверительный и дизъюнктивный вопрос) и вопросительные в сочетании со значениями субъективной модальности (выражающие предположительный и утвердительный вопрос); б) класс несобственно-вопросительных. Ко второй группе исследователь относит информирующие (экспрессивные, когнитивные – экспрессивно-утвердительные и экспрессивно отрицательные, вопросы-размышления) и побудительные вопросительные предложения (Долгова 1999: 10–13).

Анализируя вопросительные предложения современного башкирского литературного языка, М.С. Арсланова предлагает похожую классификацию. Она также разделяет вопросительные предложения на два класса – собственно-вопросительные, выражающие вопросительность, и несобственно-вопросительные, употребляемые в невопросительной функции. К первому классу ученый относит верификативные, специальные и альтернативные, ко второму – вопросительно-отрицательные и вопросительно-утвердительные, риторические, императивные и эмоциональные вопросительные предложения. В данной работе она анализирует также структурные типы вопросительных предложений и выделяет простые и сложные вопросительные предложения, цепочки вопросительных предложений, вопросительные слова предложения и вставочные вопросительные конструкции (Арсланова 2006).

Э.В. Усенкова, исследуя вопросительные предложения в татском языке, по смысловому объему вопроса, соответствующему ему характеру ответа и модальному качеству предложения делит их на собственно-вопросительные, достоверительно-вопросительные, предположительно-вопросительные, вопросительно-побудительные и риторико-вопросительные предложения (Усенкова 2002: 12–13).

В грамматике финского языка выделяются альтернативные, поисковые вопросы и вопросительные предложения с частицами (Iso 2005: 1587–1611).

В грамматике удмуртского языка вопросительные предложения по своему характеру и общему значению делятся на: 1) собственно-вопросительные; 2) вопросительно-утвердительные; 3) вопросительно-отрицательные; 4) вопросительно-побудительные; 5) вопросительно-риторические (ГСУЯ 1970: 26–28).

Более подробную классификацию удмуртских вопросительных предложений предлагает Т.А. Краснова. С точки зрения синтаксической организации, они разбиты на две группы: специальные и общие вопросы. По коммуникативному типу вопросительные предложения могут быть разделены на три группы:

1) предложения с нейтральными вопросами, содержащие: а) специальный вопрос, б) общий вопрос, в) альтернативный вопрос;

2) формально-вопросительные предложения, выражающие: а) риторический вопрос, б) вопрос-побуждение, в) переспрос;

3) предложения с вопросами, имеющими модально-экспрессивные оттенки: а) вопрос-удивление, б) вопрос-сомнение, в) вопрос-предположение, г) вопрос-подтверждение.

По участию лексико-грамматических средств в выражении вопроса в удмуртском языке имеются четыре группы вопросительных предложений:

1) с вопросительными словами;

2) с вопросительными словами и частицами;

3) с вопросительными частицами и модальными словами (с вопросительным лексическим элементом);

4) без вопросительных лексических элементов (Краснова 2009: 88–89).

О.Ю. Цыпляковой в мордовских языках по структуре и средствам выражения вопросительного значения выделены местоименные (частновопросительные), неместоименные (общевопросительные) и альтернативные вопросительные предложения. По значению исследователь разделяет собственно-вопросительные, вопросительно-побудительные и вопросительно-риторические (Цыплякова 2012: 46–47).

Ю.С. Юфкиным в мокша-мордовском и удмуртском языках дифференцированы общевопросительные и частновопросительные предложения (Юфкин 1990: 94–101).

Подобную классификацию вопросительных предложений карельского языка предлагает В.П. Федотова (Федотова 1990: 25–27).

К.Е. Майтинской в венгерском языке выделены следующие типы вопросительных предложений: вопросительные предложения без местоимений и местоименных наречий; вопросительные предложения без вопросительных слов, но с вопросительной частицей; вопросительные предложения с вопросительными словами и наречиями (Майтинская 1960: 112–114).

Е.И. Ромбандеева в мансийском языке различает вопросительные предложения с вопросительными словами и без них, а также собственно-вопросительные предложения; вопросы, содержащие просьбу подтвердить высказанное; вопросительные предложения, выражающие отрицание высказываемого; риторические вопросы (Ромбандеева 1979: 25–26).

В монографиях, подготовленных по программе унифицированного описания диалектов уральских языков, Р.М. Баталова, приводит следующие разряды вопросительных предложений: предложения, содержащие вопросительные слова; предложения, не имеющие в своем составе таких вопросительных слов. Вопросительные предложения первой группы подразделяются на две подгруппы: предложения, в состав которых входит вопросительно-

местоименное слово и предложения, в состав которых входит неместоименное вопросительное слово (Баталова 1990, 1995, 2002).

В коми языкознании синтаксис относится к малоизученной области. Можно привести только несколько работ, в которых есть описание вопросительных предложений коми языка и их классификация.

Н.А. Колегова в учебнике для вузов «Современный коми язык» вопросительные предложения разделяет на два вида по наличию и отсутствию вопросительных слов (СКЯ 1967: 23–24).

Е.А. Игушев, рассматривая синтаксис коми языка, придерживается аналогичного мнения (Игушев 1980: 20–21).

Исследователь в области синтаксиса В.М. Лудыкова впервые в коми языкознании классифицировала вопросительные предложения с учетом их семантики и функций, в то же время ею выделены не все функционально-семантические типы вопросительных предложений коми языка. Ученый отмечает, что основной функцией вопросительных предложений коми языка является запрос информации и выражение вопроса, на который собеседник обязан дать ответ. В соответствии с этим она разграничивает собственно-вопросительные и несобственно-вопросительные предложения, при этом к собственно-вопросительным относит общевопросительные и частновопросительные предложения, а к несобственно-вопросительным – риторические, рефлексивные, встречные вопросы, вопросительно-побудительные предложения и переспросы (Лудыкова 2000: 115–120).

Таким образом, в языкознании наиболее популярной является классификация вопросительных предложений по наличию или отсутствию вопросительного слова в их составе. Исходя из этого, все вопросительные предложения делятся на местоименные и неместоименные.

Распространенной в лингвистике является также классификация, основанная на коммуникативной направленности, при этом все вопросительные предложения делятся на общевопросительные и частновопросительные. Ответом на общевопросительные предложения обычно являются «да» или «нет», а на частновопросительные – новые сведения, неизвестные коммуниканту.

По выполняемым функциям вопросительные предложения разделяются на собственно-вопросительные и несобственно-вопросительные.

Каждая из приведенных классификаций раскрывает специфические особенности вопросительных конструкций определенного языка.

Глава 1

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КОМИ ЯЗЫКЕ

1.1. Принципы выделения собственно-вопросительных и несобственно-вопросительных предложений в современном коми литературном языке

В современном коми литературном языке, как и в большинстве других языков, предложения по цели высказывания делятся на повествовательные, побудительные и вопросительные (Сидоров 1952, Игушев 1980, Лудыкова 1993). Все вопросительные предложения коми литературного языка по коммуникативной направленности также можно разделить на собственно-вопросительные и несобственно-вопросительные. Собственно-вопросительные – это конструкции, требующие обязательного ответа, в то время как несобственно-вопросительные, напротив, его не требуют. Необходимо отметить, что собственно-вопросительные предложения выполняют первичную функцию – запрос какой-либо информации, в то время как несобственно-вопросительные реализуют вторичную функцию, невопросительную: побуждение к совершению какого-либо действия, выражение эмоционального состояния и т.д. Для несобственно-вопросительных предложений характерно несовпадение плана выражения с планом содержания, которое ведет к нейтрализации вопросительного значения.

Важным принципом отличия несобственно-вопросительных предложений от собственно-вопросительных является наличие эмоциональной окраски, для последних она менее характерна. Эмоционально-экспрессивные оттенки с различными значениями: радости, удивления, негодования и т.д. оказывают воздействие на собственно-вопросительное значение предложения, вследствие этого оно нейтрализуется, а дополнительные оттенки, напротив, начинают играть решающую роль в определении коммуникативной направленности высказывания.

Несобственно-вопросительные предложения отличаются от собственно-вопросительных близостью к повествовательным и побудительным предложениям. К примеру, риторические и рефлексивные подтипы несобственно-вопросительных предложений близки к повествовательным конструкциям, а контактоустанавливающие и императивные – к побудительным.

Общими для собственно-вопросительных и несобственно-вопросительных предложений являются формальные признаки.

Необходимо отметить, что адресат в контексте собственно-вопросительного и несобственно-вопросительного предложения может быть явным (в вопросительную конструкцию введено обращение) или скрытым (обращение в вопросе отсутствует):

(1) – *Кыдз нӧ тайӧ лӧбма, Маша?* (Шахов 1980: 151). ‘Как же это случилось, Маша?’.

(2) – *Анна, ветлін нин? – чуймис Микулай* (Юшков 2001б: 451). ‘Анна, уже сходила?’.

(3) – *Эн өмӧй ломтыв асывнас пачтӧ?* (Юшков 2001б: 176). ‘Утром разве не топила печку?’.

(4) – *Гашкӧ, збыльсысь абу мыжа сійӧ?* (Рочев 1983: 150). ‘Может быть, он действительно не виноват?’.

Адресат обычно отсутствует, когда в разговоре принимают участие только два человека.

Таким образом, в системе вопросительных предложений коми литературного языка можно выделить функционально-семантические типы, в которых предложения данного вида объединяются на основе первичных и вторичных функций.

1.2. Собственно-вопросительные предложения

Собственно-вопросительные предложения в зависимости от соотносительности вопросительного значения ко всему высказыванию или к его части делятся на два основных типа – верификативные (общевопросительные) и специальные (частновопросительные).

В верификативных (общевопросительных) предложениях вопрос относится ко всему высказыванию. Такие предложения «содержат в себе призыв говорящего к слушающему оценить истинность некоторого высказывания в терминах истинностной оценки: истинно (Да) или ложно (Нет)» (Тестелец 2001: 244). Спрашивающий использует данный вид вопросов с целью выяснения реальности / ирреальности происходящего события:

(1) – *Выль костюмтӧ пасьталан? – юалис гӧтырыс. – Да* (Шахов 1985: 140). ‘Новый костюм свой наденешь? – спросила жена. – Да’.

(2) – *Абу сідзкӧ чери кыйысь рӧдысь?.. – Абу! – ӧдйӧ шыасис Юрий* (Шахов 1985: 174). ‘Не из рода рыбаков значит? – Нет! – быстро отозвался Юрий’.

В специальных вопросительных предложениях вопрос задаётся с целью получения новой информации и относится к какому-либо члену предложения, при этом используются вопросительные слова. Данные виды предложений содержат вопрос о деятеле, о времени и месте совершения действия, о качестве и свойствах предмета, и т.д.:

(1) *Старшина сѳмын гачасьны да сапѳгасьны вевъялѳма, кительыс кизявтѳм, юрсиыс сынавтѳм, но киас – ведра:*

– *Кѳнѳ юкмѳсыс?.. Ваялѳй васѳ!* (Безносииков 1995: 142). ‘Старшина только штаны и сапоги надеть успел, китель не застегнут, волосы не причесаны, но в руке – ведро: – Где колодец?.. Носите воду!’.

(2) *Ѳксен энвѳтѳс ѳртъяссѳ да катласигтырѳи матыстчис милиционерлань, здорвайтчис киасьѳмѳн: – Кутѳшѳмкѳ пѳрученнѳ эм?..* (Безносииков 1995: 144). ‘Аксен оставил друзей и, шатаясь, подошел к милиционеру, пожал руку: – Есть какое-то проручение?’.

К собственно-вопросительным предложениям в коми языке относятся также и альтернативные вопросительные предложения, предлагающие адресату сделать выбор из двух вариантов ответов, содержащихся в задаваемом вопросе:

(1) – *Ректылам али кыдзкѳ сѳдз на петам?* (Юшков 1988: 143). ‘Выгрузим или как-нибудь и так выедем?’.

(2) – *Мыйла эськѳ сѳйѳ сѳтѳшѳма сибдѳ сы дѳнѳ, Надя дѳнѳ? Сѳдз ворсѳ, али збыльыс мыйкѳ выджыдтор кыскѳ сѳйѳс?* (Напалков 1988: 120). ‘Почему же так он тянется к ней, к Наде? Просто играет, или, правда, что-то большое притягивает его?’.

1.2.1. Верификативные вопросительные предложения

Верификативные предложения широко распространены в коми языке. Целью данного вида вопросительных предложений является получение спрашивающим от слушающего подтверждения или отрицания истинности какой-либо мысли, высказанной в вопросе, достоверности информации. Как правило, это касается реальности / ирреальности того или иного события, явления, признака, объекта, субъекта и т.д.

В верификативных вопросительных предложениях вопрос относится ко всему предложению, и в качестве ответов допускаются подтверждающие или отрицающие его содержание слова, выражающие согласие или несогласие: *да* ‘да’, *абу*, *ог*, *эг*, *эгѳй*, *оз*, *эз*, *огѳй* ‘нет’:

(1) – *Жалитан Ленатѳ?*

– *Да, жалита* (Напалков 2005б: 25). ‘Жалеешь свою Лену? – Да, жалею’.

(2) – *А збыль вылѳ кѳ. Тэ тѳдан, кодѳ лоан? Лыддѳѳдла вот он кѳ вунѳд?*

– *Ог* (Юшков 1988: 1). ‘А если по правде. Знаешь, кто ты? Перечислю, если не забудешь? – Нет’.

В то же время ответ может быть выражен полнозначными словами:

– *Тэ енма морт?*

– *Енма* (Напалков 2005б: 23). ‘Ты верующий человек? – Верующий’.

В коми литературном языке данный вид вопросительных предложений чаще всего используется в диалогах, отсюда обращенность ко второму лицу:

(1) – *А лэчкыд абу на тані?*

– *Абу на, – ылыстана шуис батыыс* (Юшков 2001а: 49). ‘А твоих силков здесь еще нет? – Нет еще, – уклончиво сказал его отец’.

(2) – *Саша, тэ тӧрытья мойдад моз верман асьтӧ пӧртлыны юсьӧ?*

– *Верма* (Напалков 2005а: 19). ‘Саша, ты, как во вчерашней твоей сказке, можешь на время превратиться в лебедя? – Могу’.

Для построения верификативных вопросительных предложений используются те же структурные типы синтаксических конструкций, что и для повествовательных. Невопросительные предложения могут быть преобразованы в вопросительные при помощи изменения интонации, либо при помощи изменения интонации и введения вопросительных частиц, либо посредством изменения интонации и замены невопросительного слова вопросительным местоименным словом (РГ 1980: 387). При отсутствии вопросительных частиц именно интонация является основным признаком, отличающим вопросительные конструкции от повествовательных: *Бвлаас зэрӧ. – Бвлаас зэрӧ?* ‘На улице дождь. – На улице дождь?’, *Коля муніс. – Коля муніс?* ‘Коля ушел. – Коля ушел?’.

Верификативные вопросительные предложения по средствам выражения вопроса являются неместоименными.

На наш взгляд, в современном коми литературном языке по модальному качеству можно выделить два вида верификативных вопросительных предложений: удостоверительно-вопросительные и предположительно-вопросительные.

По нашим наблюдениям, удостоверительно-вопросительные предложения в коми языке являются более употребительными, чем предположительно-вопросительные. Они используются в тех случаях, когда коммуникант хочет удостовериться в реальности какого-либо события, «о котором он и информирует собеседника, оставляя неопределенным и требующим утверждения или отрицания в ответе лишь момент истинности сообщаемой информации» (Распопов 2009: 91).

А.М. Пешковский данный вид предложений определял как «чистые вопросы» (Пешковский 1938: 358). П. Рестан называл их «зеро-вопросами» (Рестан 1972: 30). Вопросы данного вида показывают, что коммуникант абсолютно не владеет ситуацией, ему не известно реальное положение дел. В таких случаях возможны как положительные, так и отрицательные ответы.

(1) – *Юан мӧд стӧкан? – юалис Лена.*

– Пасибё, ог. Колё нин петны, а то дёзмёдча тэн (Напалков 2005б: 14).
‘Выпьешь второй стакан? – спросила Лена. – Спасибо, нет. Нужно выйти уже, а то надоедаю тебе’.

(2) – *Верёс сайын?*

– *Абу.*

– *Жёникид эм?*

– *Эм* (Напалков 2010: 36). ‘Замужем? – Нет. – Жених-то есть? – Есть’.

Аналогичный тип вопросительных предложений имеется и в коми-пермяцком литературном языке¹:

(1) *Поспуэс кузя увлань лэдзчытён мамыс Митялись юалис:*

– *Отсавны тэныт?* – *Да не, мам, ме ачым, – шыасис мёдыс паныт, коть пуксьыны вёв вылё мусяняс отсёттёг эшё эз чайтчы* (Фадеев 1991: 61). ‘Спускаясь по лестнице, мама спросила Митю: – Тебе помочь? – Да нет, мам, я сам – отозвался он в ответ, хоть без помощи сесть на лошадь не мог’.

(2) *Недыр мыйись сторож, нятяс нильдалёмён, вились сибётчис да мышкыртчис зонкаыс весьтё.*

– *Вевттин, деда, ящиккесё?* – *Да вевтти, вевтти, эн пов* (Фадеев 1991: 120). ‘Через какое-то время сторож, поскользываясь в грязи, снова подошел и наклонился к мальчику. – Укрыл, деда, ящики? – Да укрыл, укрыл, не бойся’.

В составе удостоверительно-вопросительных предложений могут быть частицы, при этом они «выделяют актуализируемое слово в вопросительной конструкции и стоят после этого слова» (Лудыкова 2000: 116). В коми литературном языке для выражения вопроса чаще всего используется частица *-ё ‘ли’*:

(1) – *Ыллёдз-ё нин Василейыс?* – *ачыс водздзык шыасис Коктём Кёсьта* (Юшков 2001б: 42). ‘Далеко ли Василей? – сам раньше обратился Коктэм Кёсьта?’.

(2) *Управаса председатель, ньёжмыд вёраса кызиник Исак Антонович Макаров, синкым увтйыс видзёдліс да кызёктіс, быттьёкё лы пуксьёма горш вылас, да кызмырдён шыасис «н-да...». Недыр чёв олём бёрын сійё гыжйышитіс баялёжсё да сы бёрын нин шуис:*

– *Оз-ё позь виччысьышитны коть гоз-мёд лун? Кыдзкё дзик пырсё...* (Рочев 1983: 342). ‘Председатель управы, медлительный полноватый Исак Антонович Макаров, посмотрел исподлобья и кашлянул, будто кость в горле застряла, и через силу проговорил «н-да...». Немного помолчав, он почесал затылок и уже после этого сказал: – Нельзя ли подождать хоть пару дней? Как-то сразу...’.

¹ В исследовании приводятся примеры из коми-пермяцкой художественной литературы, свидетельствующие о том, что типология вопросительных предложений одинакова для обоих языков.

В составе вопросительных предложений данного типа в коми литературном языке встречается также постпозитивная частица -а 'а':

(1) – *Буди, кисьталан-а? – чуйдiс Пиок Витень батьыслы* (Юшков 2001б: 70). 'Может, разольешь, а?– наемкнул отцу Пиок Витень'.

(2) – *Дыш мыйкö, гаишкö, öнi верман-а? Со ме тэчи нин* (Юшков 1979: 154). 'Что-то лень, может, сейчас можешь, а? Я вот уже сложил'.

В верификативных вопросительных предложениях коми-пермяцкого языка используется постпозитивная частица я 'ли':

(1) *Маша медперво мыйкö думайтöв-керис ас кежас, бöртiджык горöтчис:*

– *Кывзы жö, Наташа. Не вывти я часто ми тэкöт лöгалам челядьным понда?* (Фадеев 1991: 91). 'Маша вначале подумала, потом заговорила: – Слушай же, Наташа. Не слишком ли часто мы с тобой из-за наших детей ругаемся?'

(2) – *И важын я тэ сийö носишь?* (Фадеев 1991: 141). 'И давно ли ты его (о куртке) носишь?'

Функцию актуализатора выполняют и вопросительные частицы *нö* 'разве', *неужели* 'неужели', *öмöй (мöй)* 'разве', *гаишкö* 'может', *инö* 'что ли', выражающие эмоциональное отношение говорящего к какому-то факту, в реальности которого он хочет удостовериться. Они вносят в предложение, помимо вопросительного значения, различные дополнительные оттенки:

(1) *Бöрсö батьыс эз нин сет чумансö, аслас шуйга сой кусыняс колис.*

– *Ме нö сэсся тыртöм нопъя лoa? – лöгасис Васька* (Юшков 2001б: 51). 'Потом отец уже не дал корзину, оставил в левой руке. – А я разве теперь с пустой котомкой буду? – разозлился Васька'.

(2) – *Лунсö нö он вошты мекöд?* (Юшков 2001б: 27). 'Разве ты день со мной не потеряешь?'

В данных примерах присутствуют оттенки сомнения, недоверия, неуверенности, а в следующих – удивления:

(1) – *Эн öмöй ломтыв асывнас пачтö?* (Юшков 2001б: 176). 'Разве ты утром печь не топила?'

(2) – *Повзин инö? – серöктышитiс Саша.* (Куратова 2009: 27). 'Ты испугался что ли? – чуть засмеялся Саша'.

(3) – *Шмонитö öд Машö. Он мöй аддзы?* (Попов 2007б: 26). 'Шутит ведь Маша. Разве не видишь?'

В коми-пермяцком языке в удостоверительно-вопросительных предложениях эмоциональное отношение коммуниканта выражается при помощи постпозитивной частицы *разь* 'разве':

(1) – *А сия разь не отсöт, джын лун сьöрна зород дынсис эн вешивыс да?* (Фадеев 1991: 79). 'А это разве не помощь, ведь полдня не отходила от стога?'

(2) – *Эз разь позь меным висьтавны сійö, мый эм?* (Фадеев 1991: 97). ‘Разве нельзя было сказать мне то, что есть?’.

В удостоверительно-вопросительных предложениях коми литературного языка также встречаются вводно-модальные слова, которые выражают отношение говорящего к высказыванию. Чаще всего эту функцию выполняет слово *гашкö* «может быть», придающий оттенок неуверенности:

(1) – *Гашкö, «Скордйöс» тiянлы кора?* (Юшков 2001а: 18). ‘Может быть, «Скоруо» вам вызову?’.

(2) – *Ме, гашкö, ветла жö да? – ныр и шыасис татчö Панев* (Юшков 2001б: 514). ‘Я, может, тоже схожу? – тотчас же отозвался Панев’.

В предположительно-вопросительных предложениях коммуникант, задавая вопрос, мысленно предполагает вероятность подтверждения того, о чем спрашивает, ибо он уже имеет некоторое представление о запрашиваемом факте. Говорящий предполагает, а адресат утверждает или опровергает это предположение, давая краткие или развернутые ответы.

И.П. Распопов отмечает, что в предложениях данного подтипа вопрос о неизвестных говорящему фактах сочетается с предполагаемым ответом (собственно, такое предположение и является здесь своеобразной формой выражения вопроса) (Распопов 2009: 93).

К такому же выводу приходит И.Б. Шатуновский. В своем исследовании он пишет: «Предположение высказывается в том смысле, что эти альтернативы известны до вопроса, перед вопросом и тем самым предполагаются вопросом (как и собственно пресуппозиции)» (Шатуновский 2008: 897).

По мнению А.А. Калининой, вопрос-предположение не содержит запроса новой информации для говорящего. Его непосредственная задача – верификация высказанного в вопросе мнения-предположения о наличии или отсутствии чего-либо, поэтому семантическое содержание вопросов-предположений может быть эксплицировано как «верно ли, что Р (не Р)?» (Калинина 2008: 109).

П. Рестан данный вид вопросов противопоставляет собственно вопросам (информативным) и определяет их как презумптивные вопросы (Рестан 1972: 183).

Е.В. Падучева в своих работах подчеркивает, что в каком-то смысле собственно вопросы (чисто информативные вопросы) также предполагают альтернативы, которые образуют так называемое исходное предположение вопроса (Падучева 1998: 88, 1996: 238–239).

В коми литературном языке можно выделить следующие виды предположительно-вопросительных предложений:

а) предложения, не имеющие в своем составе лексико-грамматических показателей предположительности. По структуре они совпадают с удостоверительно-вопросительными. Их разграничение возможно только в кон-

тексте, в связи с этим примеры нами приведены в контексте, а в некоторых случаях дается описание ситуации:

(1) *Зонъяс видзöдлісны гöгöрвотöм синъясöн:*

– *Мый нö сійö эштиöмыс?*

– *Кутшöм во öні, сідзкö?*

– *Сюрс öкмыссе кызь коймöд...*

– *Мый? **Ті тешитчанныд?** Öні кык сюрс öкмысöд во!* (Шомысова 2009:

10). ‘Парни посмотрели непонимающими глазами. – Что же это такое? – Какой теперь год, все-таки? – Тысяча девятьсот двадцать третий... – Что? Вы издеваетесь? Сейчас две тысячи девятый год!’.

(2) *Миян дорті муніс суседным, Анна Егор. Кывзышитіс варовитöмнымöс да суйсис.*

– *Кöч кыянный?* (Попов 2005б: 20). ‘Мимо проходил наш сосед, Аннин Егор. Послушал наш разговор и вмешался. – На зайца охотитесь?’.

б) предположительно-вопросительные предложения, оформляемые при помощи модальных частиц *кö-а*, *кö нин* ‘вроде’, усилительной частицы *и* ‘и’, отрицательных глаголов *он*, *оз*, *эн*, *эз* ‘не’ и вопросительной частицы *-ö* ‘ли’:

(1) – *Ййöй кö-а?* – *öлдіс нисьö чуймис Рая* (Юшков 1979: 208). ‘Дурак, что ли? – то ли успокоила, то ли удивилась Рая’.

(2) *Галина Платоновна дöзмис да фикнитіс. Сэсся чургöдіс муса нылыслы нейджыд кöрöбка:*

– *Со тэныйд, вежöртöм катишалы!.. Кажитчö оз?..*

– *Ой-й, исерга!..Зарниысь кö-а?..*(Безносиков 1995: 33). ‘Галина Платоновна разлилась и сказала: «фи». Затем протянула любимой дочери небольшую коробку: Вот тебе, глупой сороке!.. Нравится или нет? – Ой, сережки!.. Не из золота ли?..’.

(3) – *Но! Домна тай вöлöма! Видза олан! Эн тöд, буракö, менö?*

– *Проня кö-а?*(Федоров 1981: 17). ‘Ну! Домна, оказывается! Здравствуй! Не узнала, наверное, меня? – Проня что ли?’.

(4) *(Наталья) Олöм кодъыс жö и погоддя кö нин пондіс лоны-а?* (Дьяконов 1990: 12). ‘(Наталья) Вроде, и погода становится такая же, как жизнь?’.

В некоторых случаях значение предположения выражается частицей *и* ‘и’:

(1) – *Тэ юин жö спиртсö?*

– *Юи.*

– *И волін Гужев вылас?*(Юшков 2001б: 296). ‘Ты тоже пил спирт?– Пил. – И придирался к Гужеву’ (Разговор происходит в суде).

(2) – *Рогова, пондыліс тэ дінö Гужевыс?*

– *Да.*

– *И мездіс Русановыс?*

– Да (Юшков 2001б: 297). ‘Рогова, приставал к тебе Гужев? – Да. – И защищал Русанов? – Да’ (Разговор происходит в суде).

В коми литературном языке предположение может быть выражено с помощью сочетания отрицательной формы глагола и частицы -*ö* ‘ли’ или без нее:

(1) – *Эн-ö тэ горкомсаяскöд пиньясь? – синъяссö читкыртыйштомöн видзöдлис Дёмин радлысь Абрамович вылö* (Шахов 1980: 33). ‘Не ты ли поругался с горкомовскими? – прищурив глаза, Дёмин посмотрел на радующего Абрамовича’ ≈ Может быть, ты поругался с горкомовскими? (вопрос возникает после того, как Абрамович хочет переложить свои обязанности секретаря на Дёмина).

(2) – *Да оз-ö тайö батыд тэнад, Андрей, керась татöни?* (Торопов 1988: 10). ‘Это не твой ли отец, Андрей, здесь рубит?’.

(3) – *Тэ, пид, он-ö вись? – гоз мöдысь нин юалис мамыс. – Бөрья кадö весиг чужöм вылад омöльтчин* (Ширяев 1954: 196). ‘Ты, сынок, не болеешь ли? – несколько раз уже спросила его мать. – В последнее время даже на лицо похудел?’.

Как показывает анализ фактического материала, и в утвердительной, и в отрицательной форме вопроса заключается одно и то же логическое содержание, при этом отрицательное вопросительное предложение заключает в себе неуверенное предположение и представляет собой более вежливую форму.

Тождество логического содержания утвердительной и отрицательной форм вопроса характерно и для русского языка (Распопов 1958, Шендельс 1959, Бабайцева 2005, Калинина 2007, 2008).

Предположения, выраженные с помощью только отрицательного глагола, имеют сходство и с императивными вопросительными предложениями: заключают в себе призыв быть осторожней, усилить контроль над ситуацией.

(1) – *Тайö тияны гöснеч, – шуис Катё тьöтка да сöвтис колькьяссö көрт тув видзан кушмöм дозйö. – Он жугöдöй?* (Полякова 2009: 71). ‘Это вам гостинец, – произнесла тетя Катя и сложила яйца в емкость из-под гвоздей. – Не разобьете?’.

(2) – *Ведрайд эськö буртор, но ваыд матын абу, ковмас бөр шорöдзыс ветлыны, – юöрти ёртьяслы. – Борис, тэ либö кольччы, лыссö нöшта ва-ялышит, а ми Виталейкöд ветлам. Ведраас и пуам сёянсö, мед аски кежлö тиöшти лö.*

– *Он вошöй?* (Гонев 2009: 18). ‘Ведро, конечно, хорошая вещь, но воды вблизи нет, придется вернуться к ручью, – сообщил друзьям. – Борис, тогда ты оставайся, еще веток натаскай, а мы с Виталиком сходим. В ведре и сварим еду, чтоб и на завтрак хватило. – Не потеряетесь?’.

Данный вид предположительно-вопросительных предложений можно дифференцировать от удостоверительно-вопросительных только в контексте или в конкретной ситуации.

в) предположительно-вопросительные предложения, включающие в свой состав вводно-модальные слова, выражающие отношение говорящего к высказываемому, в частности, уверенность / неуверенность. Уверенность выражается вводно-модальными словами *дерт, дерт жö* 'конечно, разумеется':

(1) – *Важöн-ö тані карас?*

– *Во мöд...*

– *Дерт, гажтöмтчаннуд?* (Гончаров 2009: 35). 'Давно ли здесь в городе? – Года два... – Конечно, скучаете?'

Неуверенность передается вводно-модальными словами *тыдалö* 'повидимому, видимо', *гашкö* 'вероятно':

(2) – *Ылöдз-ö нин Василейыс? – ачыс шыасис Коктöм Кöсьта. – öддзöд-чöмыд да, гашкö, и карöдз нин?* (Юшков 2001б: 42). 'Далеко ли Василий? – сам заговорил Коктэм Кэсьга. – Разогнался, может быть, и до города уже?'

(3) – *Ті, тыдалö, бура тöдсаöсь Гришакöд?* (Шахов 1980: 111). 'Вы, видимо, хорошо знакомы с Гришей?'

Аналогичный подтип вопросительных предложений есть и в коми-пермяцком языке. Предположение в данном языке может выражаться с помощью частиц *не* 'не', *ли* 'ли', отрицательного глагола, вводно-модальных слов, выражающих отношение говорящего к высказываемому *тыдалö* 'видимо', *поди* 'поди, пожалуй, вероятно':

(1) *Локтис, бедь вылö нырыштсьöмön, öддöн ни пöрысь старуха, пелитчис йöзыс коласö, юалис тэрмасьöмön:*

– *Кин нин орсö? О господи, не Иванушкоö ли бертис? Ся, сьöлөмиöриньöй, тьолькö этадз-ту орслис* (Минин 1974: 151). 'Пришла, опираясь на палку, старуха, пробилась в толпу, спросила торопливо: – Кто играет? О господи, не Иванушка ли вернулся? Он, сердечный, только так играл'.

(2) – *Но маыс, вержöртана, öнi некинлön абу. И сійö ме дыр некытись эг вермы адззыны...*

– *И адззин сё жö?* – *юалис Степанко* (Минин 1974: 124). 'Мёда, понятно, ни у кого сейчас нет. И я долго не мог нигде найти его... – И все же нашел? – спросил Степанко'.

(3) – *Мый, Васька, тыдалö, лэбззыны мöдан?* (Лихачев 1974: 9). 'Что, Васька, видимо, лететь собираешься?'

(4) – *Вот беда, а кисельыс менам как раз абу, – паськötис кизсö хозяйин.*

– *Поди, йöлок кöть юан? Вот, ужo, пырта...* (Минин 1974: 121). 'Вот беда, а киселя у меня как раз нет, – раскинул руки хозяйин. – Поди, молочка хоть попьешь? Вот, уже, несущ...'.

Таким образом, в современном коми литературном языке верификативные вопросительные предложения имеют две разновидности: удостоверительно-вопросительные и предположительно-вопросительные, при этом некоторые подвиды последних можно распознать только в контексте или в определенной ситуации.

1.2.2. Специальные вопросительные предложения

Специальные вопросительные предложения выражают запрос, направленный на получение информации совершенно определенного свойства. Их в языкознании еще называют местоименными, так как средством выражения вопроса обычно служат вопросительные местоимения. Адресант использует данные конструкции для выяснения места, причины, времени, действия и так далее. Они обычно требуют развернутого ответа, в которых должны содержаться новые сведения о запрашиваемых предметах, фактах, признаках, обстоятельствах.

В специальных вопросительных предложениях «неизвестное не называется, при помощи вопросительного местоимения на него только указывают» (Распопов 1958: 35). О. Есперсен называет такой тип вопросительных предложений «икс-вопросами» («X-question»), где вопросительное слово играет роль икса, при ответе его следует раскрыть, наполнить конкретным лексическим содержанием (Есперсен 1958: 353). У. Чейф их именует «х-вопросами с лексическим пробелом» (Чейф 1975: 353).

В коми литературном языке употребляются следующие семантические виды специальных вопросительных предложений:

1. Вопросительные предложения, цель которых – выяснение субъекта или объекта действия, образуются с помощью субстантивных вопросительных местоимений *кодi* ‘кто’, *мый* ‘что’ в разных падежах и числах:

(1) *Пöчыс видлалiс кыдз ну корсö да мыйкö вомгорулас шуышталiс.*

– *Тэ нö, бабуш, кодкöд шöпкöдчан?* (Полякова 2009: 65). ‘Бабушка рассматривала березовые листья и что-то про себя нашептывала. – Ты, бабушка, с кем шепчешься?’

(2) *Детинка нинöм эз вермы шуны, топöдчис юрнас батыыс морöс бердö да сыркъялiс-бöрдiс, а мамыс да бабыс вежöмön юасисны:*

– *Мый нö, нуук, лoис?*

– *Кодi öбидитiс?* (Рочев 1983: 15). ‘Мальчишка ничего не мог сказать, прижался головой к отцовской груди и всхлипывал, а мать и бабушка наперебой спрашивали: – Что же, сынок, случилось? – Кто обидел?’

В приведенных примерах вопросительное местоимение *кодi* ‘кто’ использовано для выражения субъектных отношений. Следующие примеры свидетельствуют об объектных отношениях:

(1) – *Мый нö кöсьян юавны?* – *пыр жö и пысасис Галина Петровна дорö мужичöй.* – *Мыйкö нöшта колö али мый?* (Попов 2007: 56). ‘Что же хочешь

спросить? – тут же прицепился к Галине Петровне мужчина. – Что-то еще нужно, что ли?».

(2) – **Мыйджык тэныд ворснысö?** (Рочев 1983: 117). ‘Что же тебе сыграть?’.

Местоимения могут иметь при себе послелогои, например:

(1) – *Он на гöтрась? – гежöдика юасьліс мамыс. – Код вылö нö? – воча сöмын юмыртліс вомсö* (Тимушев 2005а: 39). ‘Еще не женишься? – изредка спрашивала мать. – На ком же? – только кривил рот в ответ’.

(2) *И збыль, батыныс казяліс, öти патрон пö оз тырмы. – Код ордын? – стрöга юалис вокъяслысь* (Рочев 2007б: 55). ‘И правда, отец заметил, будто не хватает одного патрона. – У кого? – строго спросил он у братьев’.

(3) – *Э-э, – нюмдышитліс Егор дядь да сумкаас лукйысьышитöм бöрын юалис: – Мый вылö кыйсян?* (Тимушев 2005б: 14). ‘Э-э, – усмехнулся дядя Егор и, покопавшись в сумке, спросил: – На что ловишь?’.

Специальные вопросительные предложения, служащие для выяснения субъекта или объекта действия, встречаются и в коми-пермяцком языке:

(1) – *А кинöс бригадирнас сувтöтисö?* (Фадеев 1991: 129). ‘А кого бригадиром назначили?’.

(2) *Жагвыв жö сяс сибöтчис порогувтись öшын весьтöдз, пуксис лабич вылö, юалис:*

– *Мый тэ талун сёйин?* (Фадеев 1991: 35). ‘Медленно подошел от порога к окну, сел на скамейку, спросил: – Что ты сегодня ел?’.

(3) – *Кин кузя тi талун танецес вылö сёрмит?* (Фадеев 1991: 163). ‘Из-за кого вы сегодня опоздали на танцы?’.

2. Вопросительные предложения, предназначенные для выяснения разнообразных обстоятельств действий и событий, образуются при помощи адвербиальных вопросительных местоимений:

а) обстоятельства места (о месте протекания действия, проявления состояния, о месте пребывания предмета или лица), направлениях протекания действия или конечного пункта совершения действия выясняются при помощи слов *кöні, кöнъя (кöн)* ‘где’, *кодарын* ‘в какой стороне’, *кытчö* ‘куда’, *кытöн (кытöні)* ‘где’, *кытысь, (кысь), кысянь (кытісянь)* ‘откуда’, *кытчöдз* ‘докуда’, *кытікö, кыт (кыті)* ‘где, по какому месту’, *кодарö* ‘куда, в какую сторону’:

(1) *Сы дорö порог вылö кайис Вася другыс да гораа вайшкöдöмön жö юалис:*

– *Кöні сійö?* (Рочев 1983: 26). ‘К нему на порог поднялся его друг Вася и шепотом спросил: Где он?’.

(2) – *Борис бöрся вöтчи, да кытöнöсь и эм, – шогö уси Виталей. – Кодарын гортным? Зэрмöдчö нöшта... Мый кутам вöчны? Кытöн Борисыс?* (Гонев 2004: 20). ‘За Борисом погнался, да где и находимся, – опечалился

Виталий. – В какой стороне наш дом? Еще и дождь начинается... Что будем делать? Где Борис?.

(3) – **А кытчö** нö эськö либö та ыджда нопнас?

– *Сидз кытшовтны гаж бырöмысь.*

(4) – **Кыткö?** (Юшков 2001б: 10). ‘А куда же в таком случае с таким большим рюкзаком? – Так пройтись, соскучился.– Где?’.

(5) *Варовитгад эз и төдлыны, кодыр пуксис самолетыс. – Тян билетныйд кытчöдз?* – юалис Ольга (Напалков 1988: 50). ‘Разговаривая, и не заметили, когда сел самолет. – А ваш билет куда? – спросила Ольга’.

(6) – **Кытысь** нö сийö уси? (Попов 2010: 52). ‘Откуда же он свалился?’.

(7) – **А кысянь** нö? *Тöдöмысь этысянь* (Торопов 1988: 43). ‘А откуда же? Наверное, оттуда’.

(8) – **Тэ, Вера, öни кодарö?** (Пунегов 1954: 172). ‘Ты, Вера, сейчас в какую сторону?’;

б) обстоятельства времени совершения действия, проявления признака или качества предмета, устанавливаются посредством слов *кор, кодыр, корья* ‘когда’, *корсянь* ‘с какого времени’. Наиболее употребительными являются предложения с местоимением *кор* ‘когда’:

(1) – **Кор** нö лыддысьнысö вевъялин? – *шешьялö Валера* (Напалков 1988: 6). ‘Когда уже прочитать успел? – зубы скалит Валера’.

(2) – *Зэв чöскыда узян, да жаль вöли чуксавныыс. Тэ кор лöсьöдчан вöрад кайны?* (Гонев 2004: 50). ‘Ты очень сладко спал, и было жалко будить. Ты когда готовишься в лес пойти?’.

(3) – **А кодыр** нö тэ мөдан партияс пырны, *Андрюша?* – *кызкö öтчыд юалис Надя?* (Юхнин 1984: 143). ‘А когда же ты собираешься в партию вступать, Андрюша? – спросила однажды Надя’.

(4) – *Тайö кывьясыс, буракö, абу аслас. Кытысь нö сийö кывлис найöс? Кодыр?* (Юхнин 1984: 54). ‘Эти слова, вроде, не его. Где он их слышал? Когда?’.

(5) – **Корсянь** тi оланньд тани? (ÖКК 2000: 203). ‘С какого времени вы здесь живете?’;

в) обстоятельства причины и цели совершения действия, проявления/отсутствия признака выясняются с помощью слова *мыйла* (редко *мыйлакö*) ‘почему, зачем’:

(1) – **Мама, мыйла** тэ бöрдан? – юалис *нывка* (Остапова 2009: 19). ‘Мама, почему ты плачешь? – спросила девочка’.

(2) – *Тэ көть мый чайт. Меным веськодь. Эм абу, мися, черыд? – Мыйла? Мыйла ковмис?* (Попов 2010: 54). ‘Ты хоть что думай. Мне безразлично. Есть или нет, говорю, топор? – Зачем? Зачем понадобился?’.

(3) – *Ог, чöс туйсьыс менам важöн нин энөвтчылöма. Коктö öни этчö чеган. – Мыйлакö?* (Юшков 2001б: 10). ‘Нет, моя охотничья тропа уже давно заброшена. Ногу сейчас там сломаешь. – Почему?’.

В ряде примеров сложно определить, запрашиваются обстоятельства цели или причины, так как данное вопросительное местоимение употребляется и для выяснения цели, и для выяснения причины.

г) для выяснения обстоятельства способа или состояния действия (о признаке, причине или условии действия) употребляются слова *кыдзи* (*кыдз*), *кыдзикӧн* ‘как’, *кутшӧма* ‘как’:

(1) – *А кыдзи нӧ сы дорӧ шопернас веськалін? Найӧ ӧд сэтшӧм-татшӧмъяссӧ оз на и матӧдны.* (Афанасьев 2005: 22). ‘А как же ты к нему шофером попал? Они ведь кого попало не принимают’.

(2) – *Сійӧ нӧ кыдзи тэныд племянничанас лои?* (Попов 2007: 10). ‘Но и как она тебе племянницей стала?’.

(3) – *Кыдзи татчӧ веськалін, донай? Кӧни мамай? – Люба сывыйшитис жӧ нывыкасӧ да малышитис юрӧдыс* (Остапова 2009: 19). ‘Как ты сюда попала, дорогая? Где твоя мама? – Люба обняла девочку и погладила по голове’.

(4) – *Пасибӧ, Антонович, коркӧ мӧдысь... Но, кутшӧма кыйсян, кутшӧма плантӧ тыртан?* (Безносиков 1995: 162). ‘Спасибо, Антонович, когда-нибудь в другой раз... Ну, как рыбачишь, как план выполняешь?’.

(5) – *Кутшӧма шойччин?* (Коданев 1954: 151). ‘Как отдохнул?’.

В коми литературном языке в качестве вопросительных слов употребляются и сложно-составные адвербиальные местоимения *кыдз-мый*, *кыдзи-мый* ‘как, каким образом’:

(1) *А ӧдзӧс дорын нин сулаліс нывбаба. – Андрей Андреевич! Ті мянӧ кыдзи-мый?* (Изьуров 1954а: 60). ‘А возле двери уже стояла женщина. – Андрей Андреевич! Вы к нам каким образом?’.

(2) *Саша. Но вай сэсса висьтась нин, кыдзи-мый ветлін?* (Обрезкова 2009: 35). ‘Саша. Ну, давай уже рассказывай, как съездил?’.

Специальные вопросительные предложения, служащие для выяснения разнообразных обстоятельств действий и событий можно обнаружить и в коми-пермяцком языке:

(1) – *А кӧдӧрӧ мунам?* (Фадеев 1991: 202). ‘А в какую сторону пойдём?’.

(2) – *Аслыс казявтӧг зоночка лэбтышитис горвыв бердись юрсӧ, казявтӧг жӧ да ассис шыасьмӧсӧ кывтӧг, горӧтчис: – Мама! Тэ кытӧн?* (Фадеев 1991: 11). ‘Незаметно для себя мальчишка приподнял голову с печки, не замечая и не слыша самого себя, закричал: – Мама! Ты где?’.

(3) – *Кӧр нӧ, Николай Николаевич, двигательсӧ сувтӧтны пондам?* (Фадеев 1991: 154). ‘Когда же, Николай Николаевич, двигатель устанавливать начнем?’.

(4) – *Кывзы жӧ. Мыля мян абу цветтэз?* (Фадеев 1991: 101). ‘Слушай же. Почему у нас нет цветов?’.

(5) – *Вийны мортӧс оз туй, грех сія ыджыт. Мыля ті умӧляс стариксӧ велӧтат? – ӧлӧ нійӧ Опонь.* (Лихачев 1974: 14). ‘Убивать человека не годится,

это большой грех. Почему вы плохому старика учите? – предупреждает их Опонь’.

(6) – **Кыдз** нё ме сэк школаас муна? (Фадеев 1991: 16). ‘Как же я тогда в школу пойду?’.

(7) – **А кыдз** шоччисян? (Фадеев 1991: 133). ‘А как отдыхаешь?’.

3. Вопросительные предложения, целью которых является установление атрибутивных свойств предметов и процессов, имеют в своем составе адъективные вопросительные местоимения *кутийём, мыйсяма, мыйся* ‘какой’, *кодсё, коднансё* ‘какую, которую из’:

(1) *Мукёд вёскресення асылё, кор другыяс син пёвьяснысё на востылысны, юавлысны Сенялысы:*

– Но, талун **кутийём** музейё нин муна? (Мальцев 2007: 46). ‘В иные воскресные дни, по утрам, друзья, просыпаясь, спрашивали у Сени: – Ну, сегодня в какой музей уже пойдешь?’.

(2) –...Но мийё взводнойкёд ассыным тактика лёсьёдём да век ставыс лочки-бура помасьлис...

– **Кутийём** тактика? – юася ме (Торопов 1988: 163). ‘Ну, мы с взводным свою тактику придумали, и все всегда хорошо заканчивалось... – Какую тактику? – спрашиваю я’.

В вопросительных предложениях данной подгруппы местоимения *мыйсяма, мыйся* ‘какой’, *кодсё, коднансё* ‘какую, которую из’ встречаются гораздо реже, чем вопросительное слово *кутийём* ‘какой’:

(1) – **Мыйсяма** банкет жыр? – эз гёгөрво Дуня (Иванова 1993а: 112). ‘Какая банкетная комната? – не поняла Дуня’.

(2) – *Сэки посылка воёма Олексейсяньыд – лимоньяс да калбасьясён да, ёти «старшой лейтенантён» да... – Мыйся «старшой лейтенантён»?* (Безносииков 1995: 113). ‘Тогда посылка пришла от Алексея – с лимонами и колбасами, с одним «старшим лейтенантом»... – С каким таким «старшим лейтенантом?».

(3) – **Кодсё** босьтан аслыд? – юасьё сэсся. – *Кысьяссё али сюръяссё?* (Торопов 1988: 36). ‘Какую из них возьмешь себе? – спрашивает он потом. – Шкуру с ног животного или рога?’.

В коми-пермяцком языке есть аналогичный подтип специальных вопросительных предложений:

(4) – **Кытийём зонкакёт?** Мый? (Фадеев 1991: 123). ‘С каким парнем? Что?’.

(5) – *Куртка, мам, меным небны колё.*

– **Кытийём** эшё куртка? (Фадеев 1991: 152). ‘Куртку, мама, мне нужно купить. – Какую еще куртку?’.

4. Вопросительные предложения, целью которых является установление количественных характеристик предметов, построены посредством

квантитативных вопросительных местоимений *мыйта*, *мый мында* ‘сколько’, *кымын* ‘сколько’:

(1) – *А доннас кыдзи? Меным од ковмас корны. Мыйта шуанныд?*(Афанасьев 2005: 22). ‘А с ценой как? Мне ведь нужно будет про-сить. Сколько скажете?’.

(2) – *Кымын олысь нӧ тӱян «ош гуын»? – юалис погонтӧм лейтенант, кодӧ Лапин моз жӧ гражданскӧй паськӧма, сӧмын фуражкаыс офицерлӧн кодӧ* (Напалков 2005б: 15). ‘Сколько же жителей в вашей «берлоге»? – спро-сил лейтенант без погон, который, как и Лапин был в гражданской одежде, только фуражка была как офицерская’.

(3) – *Эг кӧ вӧв збой, пронт вывсьыд эськӧ эг во морӧс тыр медальнад, – ошйсьышитӧс Макар Толь. – Но мый, петан ме сайӧ? – Кымынӧд нӧ ме лоя? – шӧйӧвошліс ныббаба* (Напалков 2005б: 12). ‘Если бы не был смелым, не пришел бы с фронта с медалями во всю грудь, – похвастался Макар Толь.– Ну что, выйдешь за меня? – Которой же я буду? – растерялась женщина’.

Данный подтип вопросительных предложений также имеется в коми-пермяцком языке:

(1) – *Кыным жӧ тэныт год, зонка?* (Шадрин 1974: 47). ‘Сколько же тебе лет, парень?’.

(2) – *Кынымысь зорнас навкӧтӧн землемерсӧ?* (Лихачев 1974: 40). ‘Сколько раз задел жердью землемера?’.

5. Вопросительные предложения, цель которых выяснить процесс или действие, образуются при помощи субстантивного вопросительного местоимения *мый* ‘что’ в сочетании с глаголами *вӧчны*, *керны* ‘делать’ в разных формах времени:

(1) – *Мый нӧ меным вӧчнысӧ? – шай-паймунӧм гӧлӧсӧн нюргышитӧс Вась Микулай* (Попов 2007б: 34). ‘Что мне делать-то? – растерянным голо-сом проканючил Вась Микулай’.

(2) – *Коскоков! – горӧдӧс Коноплев, ачыс шамыртчис ветки набойя-сас. – Мый вӧчан?* (Безносиков 1995: 165). ‘Коскоков!– крикнул Коноплев, сам крепко ухватился за набойные борта лодки – Что делаешь?’.

(3) – *Но дивӧ тай... Мый нӧ либӧ кернысӧ?.. Меным эськӧ ӧтнамлы гажтӧм жӧ да... Куш ӧтнамӧны... – тӧдчӧдӧ сӧсыя Настя* (Торопов 1988: 133). ‘Чудеса!.. Что же тогда делать? Мне, конечно, одной вот скучно же... Совсем одной...– потом уточняет Настя’.

(4) – *А мый нӧ либӧ пондас керны?* – *вӧрзис Настя*. (Торопов 1988: 171). ‘А что же тогда будет делать? – вмешалась Настя’.

В коми литературном языке также встречаются специальные вопроси-тельные предложения с двумя неизвестными, включающие в себя два воп-росительных местоимения, каждое из которых представляет собой искомое неизвестное:

(1) – *Лечитан?.. Мыйён да мыйысь?* – *Елен пырис жырыё* (Безносиков 1995: 146). ‘Лечишь?.. Чем и отчего? – Елена зашла в комнату’.

(2) – *Кор менё судитисны, мыйысь?* (Юшков 2001б: 245). ‘Когда меня судили, за что?’.

(3) – *А кор нё да кысь ті удитінныд, гожёмыс сёмын на заводитчё да?* – *водзё юасьё Валентина содтёд ознас Дашакёд юксигтыр* (Торопов 1988: 278). ‘А где же и откуда вы успели, ведь лето-то только начинается? – дальше спрашивает Валентина, делясь земляничкой с Дашей’.

(4) – *Нусны сійёс, – кутчысьёмён вочавидзис Микулай вок. – Коді, кытчё?* – *чуймис Василий Андреевич* (Тарабукин 1993: 168). ‘Увели его, – сдерживаясь, ответил брат Микулай. – Кто, куда? – удивился Василий Андреевич’.

В некоторых случаях встречаются специальные вопросительные предложения с тремя неизвестными, включающие в себя три вопросительных местоимения:

(Зезегов) *Коді, кор да көні примитіс?* (Юшков 1983: 57). ‘(Зезегов) Кто, когда и где принял?’.

В коми-пермяцком языке также встречаются специальные вопросы с двумя неизвестными:

(1) – *Кытісь тэ и кытчё мунан, роч акань?* (Минин 1974: 148). ‘Ты откуда и куда идешь, куколка? – спросил он’.

(2) – *Володька! Кытён, мый тэ сы дырна керан?* (Фадеев 1991: 119). ‘Володька! Где, что ты так долго делаешь?’.

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что в ответе на предложение с такими вопросами требуется раскрыть оба (в некоторых случаях три) неизвестных. Специальные вопросительные предложения с двумя неизвестными (с двумя вопросительными словами) встречаются намного реже, чем предложения такого же вида с одним неизвестным (с одним вопросительным словом). Вопросительные предложения с тремя вопросительными словами употребляются крайне редко.

1.2.3. Альтернативные вопросительные предложения

В вопросительном предложении данного вида адресант предлагает возможность адресату выбрать ответ из двух или более вариантов, определив, которое из них является верным. Оно содержит в себе два вопроса, соединенных союзами *али* ‘или’, *либё* ‘либо’, *или* ‘или’:

(1) – *Ворсёдчё мекёд али съёлёмсяньыс висьталіс? – ывлаё петём бёрын нин Сирвойтов йылысь бара думытитіс Свежов* (Юхнин 1981: 59). ‘Играет со мной или искренне сказал? – уже после выхода на улицу о Сирвойтове опять подумал Свежов’.

(2) – *Тэ нё узян али олан? – шыасис сэсса Митрук дорё* (Рочев 2007а: 104). ‘Ты спишь или бодрствуешь? – обратился потом к Митруку’.

(3) – *Мый кык? Кӧрыш али тунӧсь?* (Юшков 1979: 165). ‘Чего два? Ковриги или буханки?’.

(4) – *Тэ морт или абу?* (Огнев 2017: 45). ‘Ты человек или нет?’.

(5) – *Кодныс нӧ вӧлі, муошыс либӧ вурдысьыс?* (Полугрудов 2017: 12). ‘Кто же был, землеройка либо крот?’.

Распространены случаи, когда вторая часть альтернативного вопроса, которая обозначает собственно выбор (альтернативу), имеет усеченную форму:

(1) – *Сьыла и думайта: отсалас али оз?* (Козлова 2007: 8). ‘Пою и думаю: поможет или нет?’.

При полной форме было бы: *Сьыла и думайта: отсалас али оз отсав?* ‘Пою и думаю: поможет или не поможет?’.

(2) – *Тэ лыддьысьнысӧ кужан али он? – стрӧга юалис гӧстиницаса кӧзъяйка да зурӧдіс чуньнас еджыд пӧвйӧ, кытчӧ ясыда гырысь букваясӧн вӧлі гижӧма: «МЕСТ НЕТ»* (Рочев 2017: 61). ‘Ты читать умеешь или нет? – строго спросила хозяйка гостиницы и указала пальцем на белую табличку, на которой четко крупными буквами было написано «МЕСТ НЕТ»’. При полной форме было бы: *Тэ лыддьысьнысӧ кужан али он куж?* ‘Ты читать умеешь или не умеешь?’.

Часто в вопросительных предложениях рассматриваемого типа разделительные союзы отсутствуют:

(1) *(Лиза) Кепысьтӧм ветлӧдлан. Ноко, тӧрас оз?* (Юшков 2001г: 522). ‘(Лиза) Без рукавиц ходишь. Ну-ка влезут нет?’.

(2) *Ильялы вӧлі окута висьтавны ставсӧ, мый тӧдіс, да тайӧн пӧкӧритны воксӧ.*

– *А тӧдан, кодӧ тӧнӧ медся ена кранитӧма? Тӧдан он?* (Юхнин 1981: 111). ‘Илье хотелось рассказать все, что он знал, и этим покорить брата. – А знаешь, кто тебя больше всех берег (хранил)? Знаешь нет?’.

(3) – *Вӧтчывны абу? – шӧйӧвошилс Васька. – Куимыд динӧ пондан да... понтӧ и асьтӧ косявласны* (Юшков 2001б: 131). ‘Погнаться нет? – растерялся Васька. – Против троих пойдешь и ... собаку и самого растерзают?’.

Отсутствие в альтернативных вопросительных предложениях разделительных союзов является особенностью коми языка. Это исконная коми форма вопросов данного типа. Союзы в таких конструкциях появились позднее под влиянием русского языка. Ответы на альтернативные вопросы даются, как правило, полные. Обычно это повествовательное предложение, соответствующее одной из частей вопроса. Ответы «да» или «нет» на вопросы данного типа логически невозможны:

(1) – *Вӧтӧн али вемӧсӧн аддза тӧнӧ, Илья? – медбӧрын шыасис сійӧ. – Вемӧсӧн, буди: ас кокӧн локтӧ да, нюммунис Илья да ӧйӧдджык уськӧдчис кутлыны батьсӧ* (Юхнин 1981: 379). ‘Во сне или наяву вижу тебя, Илья? –

наконец заговорил он. – Наяву, вроде: своими ногами же пришел, – улыбнулся Илья и быстро бросился обнимать отца’.

(2) – *Пёлинё, эм сёрнияс, – вьльтор уси Степанлы тёдвылас. – Ласей Спиридонович кёсий босьтны пёдряд сортовка лэдзны. – Куш сёрниыс али збыль? – Збыль, буракё* (Юхнин 1981: 130). ‘Кстати, ходят слухи, – Степану на ум пришла новость. – Власей Спиридонович хочет взять подряд на заготовку сортового леса. – Это пустые разговоры или правда? – Правда, наверное’.

Иногда альтернативу друг другу составляют стоящие рядом вопросительные предложения:

(1) – *Отпускын? Али командировкаын? – рочышитіс, аддзис жё кысянь сынышитны Петё* (Бабин 2007: 26). ‘В отпуске? Или в командировке? – выразился по-русски, нашел же с чего начинать Петя’.

(2) – *Коді нё тайё? Морт? Али кутиёмкё звер? – думышитіс Люба и ньёжйёника кутіс матыстчыны синъяслань* (Остапова 2009: 19). ‘Кто же это? Человек? Или зверь какой-то? – подумала Люба и стала медленно приближаться туда, где были видны глаза’.

(3) – *А мыйла нё ме мортсё кута омёлтны? Али лёк кыв мен коркё шуліс? Али колхоз удже вылас асьсё да менё тиётти янёдліс?* (Юшков 2001б: 646). ‘А зачем я человека буду оговаривать? Или он мне когда-то грубые слова говорил? Или на колхозной работе себя и меня тоже позорил?’.

(4) *Дерт, кор гырысьджык вёраинын уджалан, сэки этишаджык ковмылё коййысьнысё, ойдёдджык нормайд тырё. А паныдасяс кё поти кодь вёсни пуняс ді? Либё козья вёра нюкёска?* (Торопов 1988: 169). ‘Конечно, когда на больших лесистых площадях работаешь, тогда меньше приходится копать, быстрее норму выполняешь. А если встречается остров с тонкоствольными, как жерди, деревьями? Или овраг с еловым лесом?’.

Альтернативные вопросительные предложения можно обнаружить и в коми-пермяцком языке:

– *Дак любитін али эн? – мёдёттырся ни юалис менчим ертё. – Любиті учётсянь... – горётчи ме и этён жё казялі, кызд Сережа дивуйтчёсяняс барётіс ме вылё синнэсё да этён вёлись содті: – панявны кодзыт йёлісь крөшитём рудзёгөвйё нянь* (Фадеев 1991: 102). ‘Так любил или нет? – во второй раз спросил меня товарищ. – Любил с детства – сказал я и тут же заметил, как Сережа удивленными глазами посмотрел на меня и тут же добавил: – хлебать накрошенный ржаной хлеб из холодного молока’.

В данном языке также часто встречаются исконные формы альтернативных вопросительных предложений:

(1) – *А суромкайт эм – абу? Тырмас мян артильлө? – Мымда керлі – сымда эм* (Фадеев 1991: 83). ‘Брага у тебя есть – нет? Хватит нашей артели? – Сколько сделала – столько и есть’.

(2) – Чулавліс эшб мыйкб дьрна кад, а сэтбн дед Евсей пуктывліс бокб кисис бжын, кодбн пырбтліс додь полоззэзын поддэс увтб осьтаэсб, каттывліс куритны. – Табакб куритнытб вайин – эн? – Эг (Фадеев 1991: 67). ‘Прошло еще какое-то время, и тут дед Евсей убирал в сторону долото, которым долбил отверстия в полозьях саней и начинал курить. – Табак курить принес, нет? – Нет’.

Распространены альтернативные вопросительные предложения с союзом или ‘или’:

– Кдба бы ны коласісь? Или кыкнанныс бтдруз? (Фадеев 1991: 149). ‘Который же из них? Или оба сразу?’.

1.3. Несобственно-вопросительные предложения

Несобственно-вопросительные предложения не направлены на поиск информации, несмотря на то, что имеют формальную организацию вопросительного предложения. Для данного типа вопросительных предложений характерно наличие разнообразных модально-экспрессивных оттенков. В коми языке к несобственно-вопросительным предложениям относятся: 1) императивные вопросительные предложения, выражающие побуждение к действию; 2) риторические вопросительные предложения, имеющие различные модально-экспрессивные значения; 3) контактоустанавливающие вопросительные предложения, воздействующие на эмоционально-волевую сферу психики адресата с целью привлечения его внимания и установления с ним контакта; 4) рефлексивные вопросительные предложения, служащие для выражения внутренних размышлений; 5) переспросы; 6) встречные вопросительные предложения.

1.3.1. Императивные вопросительные предложения

Основная функция вопросительных предложений – запрос информации. При помощи таких конструкций выражается стремление коммуниканта узнать что-либо или в чем-то удостовериться. Бывают случаи, при которых вопросительные предложения теряют свою первоначальную функцию — запрос информации, и получают возможность выражать побуждение не только к вербальному действию, но и к действию вообще. Императивные вопросительные предложения представляют собой особый вид вопросительных предложений, характеризующийся несовпадением плана выражения (вопросительной формы) и плана содержания (значения побуждения). В.А. Белошапкина относит этот тип предложений к предложениям с «несобственно-вопросительными значениями» (Белошапкина 1977: 96).

С.А. Матвеева рассматривает императивные вопросительные предложения как риторические вопросы воздействующего типа (Матвеева 1965: 182–206).

В грамматике удмуртского языка они выделены как вопросительно-побудительные предложения (ГСУЯ 1970: 28).

В работах по синтаксису коми языка вопросительно-побудительные предложения дифференцируются, но подробно не анализируются (Игушев 1980, Лудыкова 1993, 2000).

В коми языке, в частности, в художественной литературе, широко распространены общевопросительные и частновопросительные императивные предложения.

1. Императивные общевопросительные предложения. Одним из наиболее распространенных видов являются императивные общевопросительные предложения, в которых в качестве предиката выступает глагол в форме повелительного наклонения, выражающий побуждение с субъективно-модальными значениями желательности. Наличие в их структуре глагола в форме повелительного наклонения свидетельствует, что это побудительные предложения. Данные конструкции представляют собой «скрещивание вопросительных и побудительных предложений» (Рестан 1972: 267) и выступают со значением простого побуждения к действию. В.М. Лудыкова отмечает, что временной план таких конструкций ориентирован на будущее (Лудыкова 2000: 120), например:

(1) – *Мыйнӧ, сулавны кутам? Косам гортӧ?* (Юшков 2001б: 137). ‘Что, стоять будем? Вернемся домой?’.

(2) – *А, гашкӧ, сулалӧ на? Ветлам, лямпаасям да?* (Юшков 2001в: 22). ‘А, может, еще стоит? Наденем лыжи и сходим?’.

Как показывают примеры, в предложениях данного типа всегда проявляются субъективно-модальные значения желательности: выполнение действия не является непременным для адресата и зависит от его воли.

Данное значение могут выражать и императивные общевопросительные предложения с предикатом – глаголом в форме второго лица единственного или множественного числа будущего времени:

(1) *И чӧв ланьтисны кыкнанныс. Сулалӧны воча да оз тӧдны, водзӧ мый юавны-шуны. Октябрина аддзис петан туйсӧ, корис: «Кольӧдан ывлаӧдзыс?»* (Шахов 1985: 61). ‘И замолчали оба. Стоят друг против друга, и не знают, что дальше спросить-сказать. Октябрина нашла выход, попросила: «Проводишь до улицы?»’.

(2) *Ме йӧз костті видзӧді, кызди найӧ паныдасясны, но друг бӧрсянь кылӧс Вералӧн тӧдса гӧлӧс:*

– *Кольӧдыштан менӧ? Меным колӧ гортӧдз ветлыны* (Пунегов 1954: 178). ‘Я смотрел сквозь толпу людей, как они встретятся, но вдруг сзади раздался знакомый голос Веры: – Проводишь меня? Мне нужно сходить домой’.

В коми языке среди императивных общевопросительных конструкций широко распространены отрицательные предложения, например:

(1) – *А оз нӧ позь вежславны?* (Юшков 2001в: 106). ‘А нельзя ли поменять?’.

(2) – *А танкъяссӧ нӧ эз ков сувтӧдны? Лэдзын коліс тыланым? – скӧрмис Конӧ Семӧйд?– Абу полӧм йылысь сёрниыс, а колӧм йылысь* (Юшков 1979: 171). ‘А танки разве не надо было остановить? Пропустить нужно было в тыл? – разозлился Конӧ Семӧ. – Не о страхе идет речь, а о необходимости’.

(3) – *А куритчынысӧ нӧ оз и пуксьылӧй? Ӧти платформа со коли* (Столповский 2001: 34). ‘А на перекур разве не присядем? Одна платформа только осталась’.

Вопросительные предложения данного подтипа выражают побуждение к совместному действию, совершение которого зависит от воли адресата.

Широко употребляются в коми языке императивные общевопросительные предложения с вводным словом *гашкӧ* ‘может быть, может’. В таких вопросах присутствует исходное предположение спрашивающего о возможном ответе. Следует отметить, что введение вводного слова *гашкӧ* ‘может быть, может’ в конструкции данного подтипа влияет на его коммуникативную функцию, приближая ее к констатации:

(1) – *А, гашкӧ, котӧртлам Буждӧмӧ? И гольдӧчны эм кытчӧ: Лена гортас!* (Шахов 1985: 132). ‘А, может быть, сбегает в Буждом? И есть к кому постучаться: Лена дома!’.

(2) – *Ӧньӧ! Гашкӧ, тани и пажнайтам?* (Шахов 1985: 313). ‘Андрей! Может, здесь и пообедаем?’.

(3) – *Кывзы, Микол, – шуи. – Лун дас мыстыыс, гашкӧ, волан миянла?* (Афанасьев 2005: 7). ‘Слушай, Николай, – сказала я. – Дней через десять, может, приедешь за нами?’.

Такие предложения широко употребляются при выражении просьбы, предложения, совета. Их особенностью является то, что коммуникант, побуждая к действию адресата, знает, что право выбора остается за собеседником.

Императивные общевопросительные предложения в коми языке могут включать в свой состав также и частицы, например:

(1) *(Иван) Павлук, петалам кӧ-а?* (Юшков 2001г: 586). ‘(Иван) Пашенька, выйдем-ка?’.

(2) – *Он -ӧ видлы Ленук? Ӧд номсаян жӧ нин, буракӧ?* (Юшков 2001в: 17). ‘Не попробуешь ли, Леночка? Ведь привередничаешь, кажется, уже?’.

(3) – *Руч кыя, да оз шед. Волывлӧ сам дӧнас, а кылӧ, кытӧн капканыс. Велӧдӧн кӧ эськӧ, а?* (Юшков 2001б: 185). ‘Охочусь на лису, да не попадается. Подходит к приманке, а чувствует, где капкан. Научил бы, а?’.

(4) – *А гӧтрасян да, оз нӧ коймӧд ло?*

– *Мед и лӧӧ! Миянын овлас Тоняыс каганас. Вай сибӧдчыв сы дӧнӧ, а?!* (Юшков 1988: 312). ‘А если женишься, не будет ли третьего? – И пусть будет! У нас поживет Тоня с ребенком. Давай, подружись с ней, а?!’.

В выше приведенных примерах императивные общевпросительные предложения выражают побуждение к действию, не исключая возможную отрицательную реакцию адресата.

II. Императивные частновпросительные предложения. Как отмечалось ранее, средством выражения вопроса в частновпросительных предложениях являются специальные вопросительные слова. В коми литературном языке, как правило, употребляются императивные частновпросительные предложения с вопросительным словом *мый* 'что'. Обычно они выражают побуждение к прекращению действия:

(1) *Буско тьявкнитис кӧнкӧ ылын нин, заводитис субӧдны туланӧс.*

– *Мый нӧ сулалам?..* (Юхнин 2007: 42). 'Буско уже залаял где-то далеко, начал догонять куницу. – Что же стоим?'

(2) – *Мый нӧ кутин лекция лыддыны зонъясыслы? – шыасис Елена Филиппевна* (Мальцев 2007: 61). 'Что же лекцию начал читать парням? – вмешалась Елена Филиппевна'.

(3) – *Сийӧ шуалис: Афанасий Конев нӧ сэтчӧ оз мун. А сэтчӧ мунас, непременно мунас...*

– *Кытчӧ? Кытчӧ мунас, а кытчӧ оз мун? Мый тэ сӧран? – эскытӧма видзӧдис чойыс вылӧ Афанасий* (Макаров 1954: 137). 'Он говорил: мол, Афанасий Конев туда не пойдет. А туда пойдет, непременно пойдет... – Куда? Куда пойдет, а куда не пойдет? Что ты мелешь? – недоверчиво посмотрел Афанасий на сестру'.

Как видно из примеров, в императивных частновпросительных предложениях, наряду с побуждением к прекращению действия, четко проявляются эмоционально-оценочные значения, определяющие отношение говорящего к поведению адресата, такие как досада и раздражение.

Часто в современном коми языке встречаются отрицательные императивные частновпросительные предложения, выражающие побуждение к действию или его прекращению:

(1) *Паневӧс кӧть дивитнысӧ нинӧмысь: гозтӧм ни позтӧм, бӧрдысь ни видысь, мам домсыс мынӧма, мӧд домыс кӧнкӧ на.*

– *А мый нӧ он гижасьӧй? – нарошнӧ юалис Педӧрлысь* (Юшков 2001б: 489). 'Панева хоть осуждать не за что: ни пары, ни дома, ни плачущего, ни ругающего, от материнской опеки избавился, другой еще нет. – А что же не переписывается? – специально спросил у Федора'.

(2) – *Немей али мый? Мый он шыась?* (Шахов 1985: 211). 'Немой что ли? Что не откликаешься?'

В императивных частновпросительных предложениях могут использоваться глаголы, принадлежащие к просторечной, в какой-то степени даже грубой лексике, например:

– *А мый нӧ эськӧ урсасян?* (Юшков 2001б: 10). ‘А что же ты прорикаешь (каркаешь)?’.

Использование глагола с отрицательным эмоционально-оценочным значением свидетельствует о негативном отношении коммуниканта к поведению адресата и выражает запрет на действие, обозначаемое глаголом.

Итак, императивные частновопросительные предложения с вопросительным словом *мый* ‘что’ выражают побуждение к действию и запрет на него и не содержат запроса о причине невыполнения адресатом какого-либо действия. Подчеркнем, что показателем наличия побудительного значения также является отсутствие ответной реплики.

Как правило, в императивных частновопросительных предложениях негативно оценивается поведение адресата, а именно то, что он совершает действия, которые кажутся не уместными коммуниканту.

В коми языке также употребляются императивные частновопросительные предложения с вопросительным словом *кытчӧ* ‘куда’. Известно, что первичная функция таких предложений – запрос информации пространственного характера. В то время, когда они выступают в функции побудительных, их основным значением является побуждение к прекращению передвижения адресата, совершаемого им в момент речи, например:

(1) – *Пета ывлаас, куритча, – рукӧстӧ зонмыд. Гашкӧ и, корсис помка, мед петны гортас. – Кытчӧ? Ме тэнӧ ог лэдз. Куритчы комнатаас.* (Напалков 2005б: 20). ‘Выйду на улицу, покурю, – буркнул парень. Кажется, искал повод, чтобы уйти домой. – Куда? Я тебя не пушу. Кури в комнате’.

(2) *Палялі пывсянын. Вӧлі югыд нин. Каньыс орчӧн эз нин вӧв. Радпырысь чепӧсийи ӧдзӧслань – ӧдйӧджык гортӧ, муса бабуш дінӧ! Но менӧ сувтӧдіс чорыд гӧлӧс:*

– *Тэ кытчӧ?* (Шомысова 2009: 14). ‘Очнулась в бане. Было уже светло. Кошки рядом уже не было. С радостью бросилась к дверям – быстрее домой, к милой бабушке! Но меня остановил жесткий голос: – Ты куда?’.

Как видно из примеров, на заданный вопрос ответа адресата не требуется, его реакция должна быть в форме действия, а именно прекращение движения. В предложениях данного подтипа вопросительное местоимение *кытчӧ* ‘куда’ под воздействием побудительного значения получает дополнительную негативную эмоционально-оценочную окраску, которая накладывается на основное значение вопросительного слова.

Фактический материал показывает, что употребляемые в императивных частновопросительных предложениях вопросительные слова *мый* ‘что’, *кытчӧ* ‘куда’, частично теряя семантическую полноту, приобретают сходство с модальными частицами.

Отметим, что в проявлении побудительной семантики в таких предложениях основное значение играет контекст. Обычно вопросительные предложения данного вида являются неполными.

Императивные вопросительные предложения, как частновопросительные, так и общевопросительные, широко распространены и в коми-пермяцком языке:

(1) – *Ми талун нывкаэскӧт театрӧ лӧсьӧтчим. Ветлан, баті, ӧтлаын?* (Фадеев 1991: 273). ‘Мы сегодня с девушками собрались в театр. Может быть, пойдешь с нами?’.

(2) – *Не съылыштны я миянлӧ мыйкӧ?* (Фадеев 1991: 81). ‘Не спеть ли нам что-нибудь?’.

(3) – *Чеччы. Мый нӧ эшӧ пукалан? Доддясьны эд колӧ, – горӧтчис Витя ёртыслӧ* (Фадеев 1991: 198). ‘Вставай. Все еще сидишь? Запрягать сани же надо, – крикнул Витя товарищу’.

(4) *Миша чӧлӧмӧн и былись вӧрзьӧтчис местасис, петіс одзлань.*

– *Тэ кытчӧ? Сулав!* (Фадеев 1991: 174). ‘Миша, молча, действительно сдвинулся с места, вышел дальше. – Ты куда? Стой!’.

(5) – *Бура тэ орсан, ӧддӧн бура, – баитіс хозяйин. – Локтін бы миян колхозӧ овнытӧ, а?* (Минин 1974: 153). ‘Хорошо ты играешь, очень хорошо, – говорил хозяйин. – Переехал бы жить в наш колхоз, а?’.

Таким образом, императивные общевопросительные предложения выражают побуждение к действию в виде просьбы, пожелания, предложения либо совета, а императивные частновопросительные предложения – категорическое побуждение к совершению или прекращению действия.

1.3.2. Контактустанавливающие вопросительные предложения

Основной функцией вопросительных предложений данного вида является инициирование ответной реакции адресата для вовлечения его в контакт с целью последующего общения, какая-либо информация коммуниканта не интересует. Н.И. Формановская подчеркивает, что языковые формы установления контакта с собеседником при демонстрации взаимных социальных и личностных отношений составляют суть обращения. Обращения возникают на базе слов, но сами они не являются словами. Это уже не слово-название (как при назывании третьего лица), а обращенная к адресату коммуникативная единица, т.е. своеобразное речевое действие (речевой акт), состоящее из призыва и называния одновременно, после которого обязательно должен последовать текст (Формановская 2002: 137–138).

Согласно Э.М. Медниковой, контактустанавливающие предложения не несут никакой познавательной информации и нередко превращаются в формулы, клише, «представляют своего рода «сигнализирующие» высказывания, смысл которых заключается не в том, что говорится, а в том, что что-то вообще сказано... Целевая установка таких произведений речи полностью

исчерпывается желанием или необходимостью продолжить, поддержать состояние контакта» (Медникова 1970: 57).

По мнению Л.А. Киселевой, контактное средство предстает носителем двойного информационного плана: на первом месте – совокупность неконтактной информации (собственно семантической, порожденной номинативной функцией, релятивной, эмоционально-оценочной и др.), на втором плане, как бы несколько замаскированном, – контактная информация, т.е. стремление субъекта речи к контакту с ее адресатом... Первый план – лишь средство для реализации второго плана (Киселева 1978: 57).

Широкое функционирование в речи вопросительных предложений в ситуации установления и поддержания контакта обусловлено их способностью к реализации, как первичной функции вопросительных конструкций, так и собственно фатической.

Отметим, что на проявление контактной семантики оказывают влияние определенные традиции употребления в качестве контактоустанавливающих определенных видов вопросительных предложений, а также конкретные условия установления контакта.

I. Контактноустанавливающие вопросительные предложения с семантикой приветствия. Вопросительные предложения данного вида часто употребляются либо вместе с приветствием, либо в качестве приветствия. К данной группе предложений относятся такие структуры как *Кыдзи олан-ныд?* ‘Как живете?’, *Кыдз делӧясыд?* ‘Как дела?’, *Мый выльыс?* ‘Что нового?’ и так далее. Подобные предложения можно встретить в других языках, например в русском языке *Как дела?*, *Как живете?*, в английском – *How are you?*, в немецком – *Wie geht es?*, финском – *Mitä kuuluu?*, в удмуртском – *Кыче-мар улӱськӧды?*, венгерском – *Hogy van?*, *Hogy vagy?*, мордовском – *Кода тинь эрятада-ащетяда?* (в мокшанском), *Кода эрят-аштят»* (в эрзянском), марийском – *Кыце ылыкалет?* (в горномарийском), *Кузе иледа?* (в луговомарийском), в коми-пермяцком – *Кыдз ни олат?*. В качестве ответа обычно служат: в русском языке – *Нормально, Хорошо*, в английском – *Very good, Not so bad*, в немецком – *Es geht mir gut*, в финском – *Huvvää*, в венгерском – *Jól vagyök, köszönöm* и т.д.

Как видно из примеров, нигде не требуется подробного ответа на поставленный вопрос, так как основной функцией конструкций данного вида является побуждение адресата к контакту, а не запрос информации.

По мнению М.-Л.А. Руткаускайте-Драздаускене, обмен подобного рода фразами никогда не воспринимается как собственно информация, так как смысл, заключенный в таких высказываниях, настолько общий, что по существу никаких сведений они не содержат (Руткаускайте-Драздаускене 1969, Драздаускене 1974).

Согласно Р. Ратмайр, для формул приветствия достаточно высока степень обязательной реактивной реплики (Ратмайр 1997: 18).

Исследователь чувашского языка А.В. Кузнецов пишет, что классическая форма приветствия в тюркских, монгольских и других восточных традициях является диалогом, состоящим из ряда вопросов-ответов. Но с течением времени для быстрой реализации цели установления контакта многие вопросы, не относящиеся к адресату, начали пропускаться. В итоге сегодня большая часть диалогов-приветствий имеет фрагментарные формы, содержащие лишь вопросы, относящиеся к адресату и членам его семьи или же только к адресату (Кузнецов 2008: 19). Здесь же он указывает, что в тюркских языках преобладают вербальные средства этикетного общения тематической группы «Формулы приветствия» в форме вопросительного предложения, в то время как в индоевропейских языках употребляется в основном в форме повелительного предложения, а в финно-угорских языках соотношение вопросительных и директивных формул речевого этикета одинаковое. К тому же обряд приветствия в тюркских и монгольских культурах представляет собой беседу из ряда вопросов-ответов (Кузнецов 2008: 37).

Непременным условием употребления контактоустанавливающих вопросительных предложений данного типа в коми литературном языке является равноправие адресанта и адресата по социальному положению.

Обычно семантика приветствия в таких предложениях возникает в результате ослабления основных значений: посредством вопросительного предложения коммуникант выражает свое намерение, а адресат заявляет о своей готовности к общению репликой-реакцией с минимальным содержанием информации, например:

(1) – *Чолём, Марья, – шыасис кодкё. Вёлём Микол Анна. – Дыр нин эг волы, мися, видла коть. Кыдзи олан-вылан? – Ола тай кызкё... Лун да вой кольё* (Ильина 2008: 53). ‘Здравствуй, Марья, – сказал кто-то. Оказалась Микол Анна. – Ты долго уже не приходила, дай, думаю, навещу. Как поживаешь? – Живу вот как-то. День и ночь проходят’.

(2) – *Но, кызди, Толя, олёмьс мунё? – Мунё тай* (Попов 2001: 57). ‘Ну, Толя, как жизнь идет? – Идет вот’.

(3) – *Но, кутшёнма нин овсьё? Эз на гажтём босьт ёткёнавнытё? – Кор кызди. Луныс уджалгад сідз кольё-а* (Юшков 1988: 22). ‘Ну, как уже живется? Тоска не берет от одиночества? – Когда как. Когда работаешь, день как-то проходит’.

(4) – *Кутшёнма олан, Павел? – Лун-войыс тай, майбыр, прёйдитё-а...* (Лыжоров 1954 а: 91). ‘Как живешь, Павел? – День-ночь, слава Богу, проходят...’.

На минимизацию значений основной функции вопросительных конструкций в предложениях данного подтипа указывает отсутствие в отдельных случаях ответа на обращение, например:

– Данилович! Мый вочан? – Ваньё Дядь нёшта кояліс чужёмсё Печора ванас, петіс пыжысь да дёрём соснас чужёмсё, кымёссё косёдіг лашкис кыр йылё. – Иван Данилович! – шыасис Андриян художник – Гадайтім, гадайтім Юрийкёд – некидз ог кужё шуны: мый тіян вочсьё? Петім ыркёдчыны – гёгёр руалё. Видзёдам: но! Тэнад сосед йёрын мотор жургё, со но водзын – Окуляс сайын – бара мотор уджалё. Висьтав төлкён: мый тайё лё?... – Телевизор видзёдённы, – гажтёма вочавидзис Ваньё дадь (Шахов 1985: 200). ‘Данилович! Что делаешь? – дядя Ваня еще оплескал лицо водой из Печоры, вышел из лодки и, вытирая лицо, лоб рукавом рубашки, поднялся на берег. – Иван Данилович! – заговорил художник Андриян. – Гадали, гадали с Юрием – никак не можем понять, что у вас делается? Вышли проветриться – везде туман. Смотрим! В твоём соседнем огороде мотор работает, вот впереди – за Окулем – тоже мотор работает. Объясни толком: что это такое? – Телевизор смотрят, – грустно ответил дядя Ваня’.

Семантическую опустошенность вопросительных предложений с приветственной семантикой подтверждают и следующие примеры:

(1) *Аньльсь мёвпгъяссё торкис Алиналён гёлёсыс:*

– *Мамёй, менам кынёмёй сямалё.*

– *Дитюк, садьмин? Но лок сёйышит* (Ильина 2009: 45). ‘Мысли женщины перебил голос Алины: – Мама, я есть хочу. – Дочка, проснулась? Ну, иди, поешь’.

(2) *Посводзсянь сы вылё видзёдіс Галина Петровна. Быттьё инмёма сьлён неважёнся сёрни визъыс, кевмёма лои, да со кылёма.*

– *Галя! Бёр локтін?* – *эз сяммы дзэбны нимкодълунсё Вась Микулай* (Попов 2010: 53). ‘Из сеней на него смотрела Галина Петровна. Исполнилось его желание, попросил и вот услышала. – Галя! Вернулась? – не смог скрыть радость Вась Микулай’.

Как видно из примеров, в контактоустанавливающих предложениях данного вида констатируется информация, получаемая коммуникантом из ситуации, а именно вопросы задаются при полной очевидности ответа.

В определенных ситуациях вопросительное предложение с семантикой приветствия оказывается способным выполнять первичную функцию вопросительных конструкций, при этом происходит слияние вопросительного и контактного значений. Проявление собственно вопросительной семантики в предложениях данного подтипа происходит тогда, когда установление контакта является для коммуниканта условием получения необходимых ему сведений, обычно связанных с его желанием узнать о состоянии дел адресата, о его здоровье, о его жизни и т.д., например:

(1) *Асывсяньыс Марья баб град йёрас бергаліс, ёг весаліс, сэссия парникын ноксьышитіс да ваяліс ва, мед шонді водзас дэбалыштас. Тадзи кё пёжны кутас, рытнас мед киськёдчышитны.*

– *Мый нин вёчан?* – миртуй вывсынь чукёстіс Микол Анна, Марья баблён суседкаыс.

– *Капуста му весышиті да мый да...* Зэв тай омёлик таво капустааыс, ог и тёд, мыйкё вобытас оз (Ильина 2008: 49). ‘С утра бабушка Марья во-зилась в огороде, убирала сорняки, потом повозилась в теплице и натаскала воды, чтобы нагрелась на солнце. Если будет такая жара, чтобы вечером полить немного. – Что делаешь-то? – с центральной улицы окликнула Микол Анна, соседка бабушки Марьи. – Прополола капустную грядку и еще кое-что... Очень плохая в этом году капуста, не знаю, будет ли урожай’.

(2) – *Велёдчан, Гриша?* – юалі ме сёрни панём мозысь.

– *Да. Десятёйё таво муна* (Юшков 1979: 107). ‘Учишься, Гриша? – спросил я, чтобы начать разговор. – Да. В десятый в этом году пойду’.

(3) – *Надя, менё помнитан?* – юалис зон, медым кызкё панны сёрнисё.

– *А-а,– вомсё восьтышитліс ныв, здук мысти содтіс. – Кызди не помнит-ны ас сиктсаясёс* (Напалков 1988: 110). ‘Надя, ты меня помнишь? – спросил парень, чтобы как-то начать разговор. – А-а, – чуть приоткрыла рот девушка, и тотчас добавила. – Как не помнить односельчан’.

Таким образом, данная группа предложений употребляется для усиления доброжелательности: традиционно коммуникант стремится узнать о состоянии дел, здоровья и жизни адресата. Отметим, что при более непринужденном общении интересуются работой и семейными делами, например: *Мый выльыс?* ‘Что нового?’, *Мый вёчан?* ‘Что делаешь?’, *Кызз мамыд?* ‘Как мама?’, *Кызз челядьыд?* ‘Как дети?’ и др. Их особенностью являются семантическая опустошенность и отсутствие дополнительных субъективно-модальных эмоционально-оценочных значений.

II. Контактоустанавливающие вопросительные предложения с семантикой идентификации. Вопросительные предложения данного вида обычно употребляются для установления контакта и выражают спонтанную реакцию коммуниканта на внезапное появление адресата. Контактоустанавливающие вопросительные предложения с семантикой идентификации «отличаются асемантической, поскольку, формально, они эксплицируют запрос о факте появления конкретного адресата, в то время как говорящий получает эту информацию из ситуации в момент установления контакта. Вопросительные предложения этого типа являются своеобразной перепроверкой информации о появлении конкретного адресата, что обусловлено неподготовленностью говорящего к контакту. Внезапное, неожиданное появление конкретного адресата вызывает различные эмоциональные реакции говорящего: удивление, радость, недовольство, раздражение, испуг и т.д.» (Стаханова 1984: 162–163). Преимущественно в структуру контактоустанавливающих вопросительных предложений данного вида включается имя

собственное, называющее адресата, как следствие того, что коммуниканты знакомы между собой:

(1) *Ёвкмуни съблӧмыс аньӧн: кодкӧд бара-й енмыс вочаӧдис-а? Ася водзын сулаліс... Макар Толь.*

– *Толя, тэ али мый? – нямлясьыштӧмӧн, эз тӧд мый шуны, водзджык шыасис нывбаба* (Напалков 2005б: 11). ‘Ёкнуло сердце у женщины: с кем это Бог столкнул ее? Перед Асей стоял... Макар Толь – Толя, ты что ли? – промямлив, не зная, что сказать, раньше заговорила женщина’.

(2) – *Тэ ӧд, Петыр Тоня, буракӧ, лоан? – юасьны кутіс Агни, локтысьяс-лань сюся видзӧдӧмӧн* (Попов 2007б: 31). ‘Ты же, вроде, будешь Петыр Тоня? – начала спрашивать Агния, внимательно рассматривая пришедших’.

Как видно из примеров, выражение семантики идентификации в рамках вопросительных предложений данного вида происходит одновременно с проявлением субъективно-модальных эмоциональных значений, характеризующих внутреннее состояние коммуниканта в момент встречи. Здесь мы видим такие эмоциональные реакции, как удивление, растерянность от неожиданной встречи.

Иногда в контактоустанавливающих вопросительных предложениях одновременно с семантикой идентификации присутствуют и эмоционально-оценочные значения:

– *Васюк, тайӧ тэ?* (Шестаков 1987: 35). ‘Васенька, это ты?’.

В данном примере положительная эмоциональная оценка подчеркивается словом-обращением с уменьшительно-ласкательным суффиксом.

Согласно Н.И. Поройковой, эмоциональная реакция говорящего на внезапное появление адресата вызывается не только обстановкой общения, конкретной ситуацией, но и теми отношениями, которые существовали между коммуникантами до момента установления контакта (Поройкова 1980: 25).

Ключевую роль в проявлении эмоциональных и эмоционально-оценочных значений в контактоустанавливающих вопросительных предложениях данного вида играет семантика глагола и зависимых от него слов, которые непосредственно служат для введения прямой речи, например:

(1) *Тани жӧ, турунзӧм туйбокса пожӧма ді дорас, аддзысьлісны найӧ кольӧм воын. Сэки Степӧ шай-паймунӧмысла, виччысьтӧмысла кывсӧ воштыліс, кисьыс чумансӧ уськӧдліс: «Катя, т-тэӧ кытысь? Вотчан жӧ? А ме б-бӧр нин гортӧ лэчча...»* (Бабин 2007:18). ‘Здесь же, около заросшего травой, придорожного островка с соснами они виделись в прошлом году. Тогда Степан от растерянности, неожиданности потерял дар речи, выронил из руки корзину: «Катя, т-ты откуда? Грибы-ягоды собираешь? А я уже н-назад, домой иду...»’.

(2) – *Тэ Александр Сергеевичыс? – чолӧмасьтӧг мурӧстіс тӧдтӧм мужичӧй – сӧд костюма, шапкатӧм, водзяньыс ёна нин кушӧм юра* (На-

палков 2005б: 22). ‘Ты Александр Сергеевич? – не поздоровавшись, рывкнул незнакомый мужчина – в черном костюме, без шапки, с облысевшей головой’.

При минимизации эмоционально-оценочных значений в вопросительных предложениях данного вида первостепенной становится собственно контактная информация, например:

(1) *(Леонид) (матыстчö, сюся видзöдö). Зина? Тэ али мый?* (Попов 2000: 34). ‘(Леонид) (подходит, внимательно смотрит). Зина? Ты, что ли?’.

(2) *Гриша бергöдчис Васельань: – А-а, тайö тэ, Вася? Тарыт тэнад абу служба кад?* (Горчаков 2007: 39). ‘Гриша повернулся к Васе: – А-а, это ты, Вася? Сегодня вечером ты не на службе?’.

(3) *Малань ропкигкоста гольöбтис кильчö иган. Сийö мудзöмпырысь чеччис пызан помысь да öдзöссö калькнитöмön чукöстис:*

– *Опöнь, тэ?* (Шестаков 1987: 14). ‘Пока Маланья ворчала, звякнул на крыльце крючок. Она устало встала из-за стола и, приоткрыв дверь, позвала: Афанасий, ты?’.

Обычно контактные значения в предложениях данного подтипа становятся доминирующими при идентификации личности адресата. Таким образом, контактоустанавливающие вопросительные предложения с семантикой идентификации, кроме контактных значений, могут выражать эмоционально-оценочные, а также значения, связанные с реализацией первичной функции вопросительной формы.

III. Контактостанавливающие вопросительные предложения с эмотивной семантикой. В ситуации установления контакта в коми языке могут употребляться вопросительные конструкции, которые кроме контактной семантики проявляют и эмоционально-оценочные значения, характеризующие отношение коммуниканта к адресату:

Репетируйтчан жырйö пырис гöгрöс чужöма дзоридз кодь мичаник ныв. Шобдi рöма юрсиыс гыалöмön ворсiс пельпомъяс вылас. Неуна ныв мыйкö дыра сулалiс порог дорас да кывзiс сьылысьясöс. Кочев сэсся вöчлiс кост да шыасис: – Кутиöм могөн нö татиöм дзоридзыс мяянö пырис? (Горчаков 2007: 30). ‘В помещении, в котором шла репетиция, вошла круглолицая, красивая как цветок, девушка. Пшеничного цвета волосы переливались на плечах. Некоторое время девушка стояла и слушала поющих людей. Кочев сделал паузу и сказал: – С какой же целью такой цветок к нам зашел?’.

В предложениях данного подтипа заключается направленный к адресату вопрос о факте его появления. Обычно в функции предиката употребляется глагол второго лица прошедшего времени со значением появления или прибытия. Выражение эмоционально-оценочных значений происходит существительными с положительным либо отрицательным эмоционально-оценочным значением, включенными в структуру предложения в качестве обращения. Традиционно предложения данного вида выражают оценку,

соответствующую эмоциональному состоянию коммуниканта в момент встречи.

Выражение отрицательной эмоциональной оценки (осуждение, недовольство, гнев) реализуется посредством включения в структуру предложения обращений, выраженных существительным с отрицательной эмоциональной окраской:

(1) – *Но, локтін, лешак?* – *скöраліс мамыс* (Юшков 2001б: 66). ‘Ну, пришел, леший? – злилась мать’.

(2) – *Пырин, рака?* – *дöзмпырысь шыасис Нина* (Юшков 2001б: 540). ‘Зашла, ворона? – с негодованием обратилась Нина’.

(3) (*Семö*) *Тэ нö век на тан, дыш кучик?* *Мун öдйöджык* (Савин 1982: 56). ‘(Семен) Лентяй, ты все еще здесь? Иди быстрее’.

Выражение положительной эмоциональной оценки происходит посредством включения в структуру предложения существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами, употребляемых в качестве обращения, и усиливается глаголом и зависимыми от него словами, которые служат для введения прямой речи:

(1) – *Мый нö, дитяйö, локтін?* (Попов 2000: 12). ‘Что, дитя мое, ты пришел?’.

(2) *Сійö öдзöс вöсьöмкöд тиöтти ускöдчис Григорий Прокопьевич дінö да öйиис сылы сьыліас:*

– *Дедуш, воин нин?* (Рочев 1954а: 34). ‘Он, как только открылась дверь, бросился к Григорию Прокопьевичу и повис у него на шее: Дедушка, ты уже приехал?’.

(3) – *Но, пиук, воин?* – *нимкодя шыасис мамыс* (Попов 2000: 5). ‘Ну, сынок, приехал? – радостно обратилась мама’.

Как видно из примеров, эмоционально-оценочные значения в контактоустанавливающих вопросительных предложениях данного вида, раскрывая отношение говорящего к адресату, определяют эмоциональный фон общения. На вопросительные предложения данного вида не требуется ответа со стороны адресата.

Обязательным условием использования контактоустанавливающих вопросительных предложений с эмотивной семантикой, так же, как, впрочем, и контактоустанавливающих вопросительных предложений с семантикой приветствия, является равный социальный статус коммуникантов и наличие между ними непринужденных отношений. Данный вид контактоустанавливающих предложений не получил широкого распространения в коми языке.

IV. Контактподдерживающие вопросительные предложения. В ситуации поддержания контакта в коми языке могут использоваться вопросительные предложения, основной задачей которых является привлечение внимания адресата к себе или к теме беседы. Данные конструкции семантически

опустошены, но в то же время содержат в себе коммуникативную информацию и предназначаются для поддержания процесса общения. Ответа на них не требуется. Структура предложений данного вида идентична собственно вопросительным предложениям, но они не способны актуализировать значения, связанные с реализацией первичной функции вопросительной формы:

(1) – *А тóдан мый, Сергей Иванович?*

– *Мый?* (Торопов 1988: 331). ‘А знаешь что, Сергей Иванович? – Что?’.

(2) – *Ме радейта тэно, Геня... Кылан? – топóдчис зон динó да гусьóник шуис сийó. – Эн пов, ставыс лоó бур. Некод оз тóдлы...* (Напалков 1988: 63). ‘Я люблю тебя, Геня...Слышишь? – она прижалась к нему и тихонько сказала. – Не бойся, все будет хорошо. Никто не узнает...’.

(3) (*Максим*) *Заводит, пока Ольгаыс абу. Кылан?* (Дьяконов 1990: 84). ‘(Максим) Начиная, пока Ольги нет. Слышишь?’.

(4) – *Вася! Аттьó. Тайó «козиныд» газетó оз мун... А сы вóсна, мый тайó кум вежóса шиколасó стрóтисны дас óти во. Гóгóрвоан? Татийóм керкасó бур крестьянин óти воóн тишупó, лэптó и овмóдó* (Шахов 1985: 269). ‘Вася! Спасибо. Этот «подарок» в газету не пойдет... А потому, что эту школу из трех комнат строили одиннадцать лет. Понимаешь? Такой дом хороший крестьянин за один год рубит, поднимает и обживает’.

По мнению С.В. Андреевой, речевые единицы с контактоподдерживающей функцией гармонизируют интерактивное взаимодействие коммуникантов, осуществляют «поглаживание» собеседника и служат целям психологической синхронизации. Они содержат в себе информационный заряд в виде сведений как об общей тональности общения, взаимоотношениях собеседников, так и о конкретных намерениях слушающего сохранить за говорящим речевую инициативу или «перехватить» ее, несут в себе так называемую коммуникативную информацию, отражающую взаимодействие между автором речи и ее адресатом и, следовательно, направленную на организацию общения (Андреева 2004: 39–40).

Данные виды контактоустанавливающих вопросительных предложений широко распространены и в коми-пермяцком языке:

(1) *Эта коста зонóчкалóн мамыс жажвыв оськóвтис западня дорыш вылó, казялís зоньслísь осьта синнэссó:*

– *Он на узь?* (Фадеев 1991: 25). ‘Между тем мать мальчика медленно шагнула на крышку подпола, заметила открытые глаза парня: – Еще не спишь?’.

(2) *Сайми ме сёр рытóн. Ся кад мамó вóлi гортын ни <...>*

– *Но мый саймин? Чеччы инó* (Фадеев 1991: 45). ‘Проснулся я поздно вечером. В это время мать была уже дома. – Ну что, проснулся? Вставай тогда’.

(3) *Дыр мыйись óшыныс жажвыв оссис.*

– Васька, тэ? – юалис Мишалён мамыс (Фадеев 1974: 315). ‘Спустя значительное время окно медленно открылось. – Васька, ты? – спросила Мишина мать’.

(4) *Бёрланьсянь, татикасьбёмн, джёмдалёмн, кызд шука уйышитис, нетис одзас бедьбн старушка да уськөтчис землемер вылб:*

– Ах тэ, лешакпян, мый тэныт эстён колб, а? Мыйлб тэ мяян ыббез вылб локтин? (Лихачёв 1974: 36). ‘Сзади, толкаясь, спотыкаясь, словно шука поплыла, вышла вперед старушка с палкой и набросилась на землемера: Ах, ты, леший, что тебе здесь надо, а? Зачем ты на наши поля пришел?’.

(5) – *А тбдан мый? – висьталі ме сэк ёртблб. – Эмбсь кб ня эшб кытбн, дак дзир ю саяс* (Фадеев 1991: 103). ‘А знаешь что? – сказал тогда я товарищу. Если есть они еще где-то, то только за рекой’.

Как показывает фактический материал, основная функция вопросительных предложений данного вида – заинтересовать собеседника, привлечь его внимание, подготовить его к восприятию последующей информации.

Таким образом, важнейшей функцией контактоустанавливающих вопросительных предложений является направленное воздействие на психоэмоциональное состояние адресата для привлечения его внимания и установления с ним контакта. Для данного вида вопросительных предложений свойственна семантическая опустошенность. В некоторых случаях такие предложения способны проявлять значения, характерные для первичной функции вопросительных конструкций. Показателем наличия вопросительного значения в контактоустанавливающих вопросительных предложениях является ответная реакция адресанта на запрос информации, содержащейся в вопросе коммуниканта. В таких случаях контактное значение становится второстепенным.

1.3.3. Риторические вопросительные предложения

Риторические вопросительные предложения не содержат в себе запроса информации, они что-то утверждают. П.С. Попов отмечает, что критерием риторического вопроса на семантическом уровне является отсутствие в нем запроса о неизвестном, он, в сущности, содержит суждения, в то время как подлинно вопросительные предложения никак не могут быть сведены к суждениям. Риторические вопросы отличны от суждений, высказанных просто тем, что своей формой вводят эмоциональный момент (Попов 1950: 22).

Отдельные исследователи даже высказывают мысль о синонимии риторического вопросительного и повествовательного предложений (Валимова 1978). М.Я. Блох относит их к предложениям промежуточного коммуникативно-синтаксического типа (Блох 1976). Л.Г. Фридман рассматривает риторические вопросы как формально-вопросительные предложения (Фридман 1978). И.Р. Гальперин отмечает сходство риторического вопроса с метафорой (Гальперин 1977).

Согласно А.В. Канафьевой, риторические вопросы – это высказывания, заключенные в условную вопросительную форму, но не имеющие целью получение информации, а являющиеся средством привлечения внимания адресата, представления субъективного отношения, эмоционального состояния (Канафьева 2011: 59).

Действительно, для таких предложений характерна эмоциональная окрасенность, сильная экспрессивность, субъективность. И.Б. Шатуновский подчеркивает, что риторические вопросы имеют не только экспрессивный, но, что гораздо более важно, дискурсивный характер, предполагая в силу своей синтаксической вопросительной специфики то, что было до них, и то, что будет после (Шатуновский 2004: 19–37).

Риторические вопросительные предложения в коми языке выражаются как формой утвердительного, так и формой отрицательного предложения, при этом положительные по форме вопросы обозначают отрицательные по значению высказывания:

(1) *А мый кыпыдджык вермас лоны бур сой вынён да лэчыд черён увысьёмьсь?* (Торопов 1980: 11). ‘А что может быть радостней рубки сучьев крепкой рукой и острым топором?’.

(2) *Менё шемёс босьтлё, кор видлала мукёдыслысь пиласё. Рамасё вёчёмась дурка, вомёна тас пыддиыс, гашикё, зор пуктёмась, асьсё пиласё садитёма пёлёса, кеслёмнас ныжмёдёмась сёмын пиньяссё, тиётшиёдёмась да быттьёкё шырлён пиньяс лёмась. Кыдз нё верман уджавны татиём лёк инструментнас? Асьтё сёмын песан* (Юшков 1988: 183). ‘Я удивляюсь, когда рассматриваю пилы у других. Рама сделана небрежно, вместо поперечины жердь поставили, саму пилу насадили криво, точили так, что зубья затупили, будто мышинные зубы стали. Как же можно выполнять работу таким плохим инструментом? Себя только мучаешь’.

Отрицательные по форме риторические вопросительные предложения выражают положительные по значению высказывания:

(1) *Да кодёс оз кыскы ас чужан муад?* (Торопов 1980: 23). ‘А кого не тянет к своей родной земле?’.

(2) *А кодй оз тёд Македонёс, штатной стахановецёс?* (Торопов 1980: 66). ‘А кто не знает Македона, штатного стахановца?’.

По мнению И.Б. Британ, в риторических вопросительных предложениях осуществляется двойная транспозиция: вопросительное предложение → повествовательное предложение, отрицательное предложение → утвердительное предложение (утвердительное предложение → отрицательное предложение) (Британ 2005: 60).

Согласно М.Я. Блоху, рема риторического вопроса, в отличие от ремы истинного вопроса, не является открытой, что и обеспечивает имп-

ликацию утверждения или отрицания, обратную той, которая заключена в предложении с формальной структурой вопроса (Блох 1976: 20–21).

Для риторических вопросительных предложений характерно наличие эмоционально-оценочных значений неуверенности, сомнения, надежды, нетерпения, тоски, безысходности, счастья, радости, восторга, грусти, удивления, сожаления, непонимания, возмущения, неудовлетворения и т.д.:

(1) – *Да кыдзи нӧ позьӧ ӧткажитчыны муса пиянтӧ вердӧмысь? Да кодӧ нӧ тэ пыдди вердас да юкталас?.. Сӧмын пӧ кӧч асьыс пиянсӧ вайсьӧм бӧрас энвотӧ, а тэ вед морт! Яндысь, Катя, и ӧвсьы сійӧ лӧк мӧвпясьыд!..* (Безносиков 1995: 51). ‘Ну как же можно отказаться кормить своих любимых сыновей? Кто же за тебя их накормит-напоит?.. Говорят, только зайчиха своих детенышей после рождения бросает, а ты же человек! Стыдись, Катя, и оставь свои дурные мысли!’.

(2) *«Сідзкӧ, Никодим Дзизгановичыс ачыс ӧзтӧма асьыс пывсянсӧ, – старшина кутӧс эскыныкодӧ Оксен висьталӧмлы. – Збыль кӧ тадзи, колӧ пырысь-пыр жӧ арестуйтны мортсӧ! Кутиӧм вермас лоны вӧля вылын пӧкаживайтӧм, татиӧм мыж кӧ вӧчис?!»* (Безносиков 1995: 144). ‘Значит, Никодим Дзизганович сам, оказывается, поджег свою баню, – как будто старшина стал верить Аксену. – Если действительно так, нужно немедленно арестовать этого человека! Как можно быть на свободе, если совершил такое преступление?!’.

(3) *Атакуйтъсьяс радын вӧліны и ранитчӧмъяс. Ӑти кывйӧн кӧ, ставыс, кодӧ вермис кӧть неуна легны-вӧрны. А кодлы нӧ окота веськавны вӧрӧг кидӧ?* (Льуров 1988: 147). ‘Среди атакующих были и раненые. Одним словом, все, кто мог хоть немного двигаться. А кому же охота попасть в руки к врагу?’.

(4) *А ӧни сьлӧн ичӧтджык нывкаыс ӧктӧ шондӧлысь кӧдзассӧ: дзоридзьяс. Кыдзи нӧ сэсся он нимкодъяс? Со моздор тырыс нин Надялӧн дзоридзьясыс* (Напалков 1988: 108). ‘А сейчас его младшая дочь собирает посевы солнца: цветы. Как же не радоваться? Вот у Нади уже полная охапка цветов’.

Риторическое вопросительное предложение может выражать какую-либо идею, содержать в себе размышления о судьбе, жизни, народе, предназначении человека, например:

Кутиӧм коми морт нӧ коркӧ бӧрынтчыліс жар пывсянысь?.. (Торопов 1980: 339). ‘Какой же коми человек когда-либо отказывался от жаркой бани?’.

В коми языке имеются риторические вопросительные предложения, которые можно считать устойчивыми выражениями. Происходит их фразеологизация. Здесь можно привести следующие примеры: *Мый эськӧ вот татчӧ шуан?* ‘Что на это скажешь?’, *Мый нӧ сэсся вӧчан?* ‘Что поделаешь?’ и т.д.:

(1) – *А верстьё мужикгъяс да том йбз сѳмын гѳрдлѳны-сералѳны. А мый налы шуан?* (Лыновров 1988: 15). ‘А взрослые мужики и молодые люди только громко смеются. А что им скажешь?’.

(2) – *Ме ог тѳд, – шѳйѳвошлѳ Васька. – Гортѳ олан, шу, коли, гѳтыра, кык ти да ныв, шу, йылѳмыс. Мый сѳсся татчѳ содтан?* (Юшков 1988: 311). ‘Я не знаю, – растерялся Васька. – Дома хозяйничать, скажи, остался, женат, два сына и дочь, скажи, в семье. Что еще сюда добавишь?’.

Риторические вопросительные предложения часто употребляются и в коми-пермяцком языке:

(1) *Гажа кад, гыма кад – тулысса кад! Кин нѳ тѳнѳ оз радейт, кин нѳ тѳнѳ оз видзчись?* (Лихачѳв 1974: 28). ‘Веселое время, время весенних гроз! Кто же тебя не любит, кто же тебя не ждет?’.

(2) – *Но дак мый? Разь эта олѳм? Кыдз ми оламѳ? Нянь вылын да кушман вылын... Да эд и сѳя эшѳ мукѳдпырѳяс абу* (Лихачѳв 1974: 16). ‘Ну что? Разве это жизнь? Как мы живем? На хлебе и на редьке... Да и этого иногда не бывает’.

Таким образом, риторические вопросительные предложения – это утверждения, высказанные в вопросительной форме, ответа на них не требуется, ибо он уже содержится в самом вопросе и очевиден. Они служат для выражения внутреннего состояния коммуниканта, концентрации внимания адресата, выделения какой-либо проблемы и всегда эмоционально окрашены. По структуре риторические вопросы сходны с собственно-вопросительными предложениями. В конце таких вопросительных предложений ставится либо вопросительный знак, либо – два знака: вопросительный и восклицательный.

1.3.4. Рефлексивные вопросительные предложения

Рефлексивными исследователи называют такие вопросы, которые коммуникант задает самому себе, т.е. он сам и является собеседником (Рестан 1972: 113). По мнению Э. Бенвениста, «монолог» – это перенесенный во «внутреннюю речь» диалог между я-говорящим и я-слушающим (Бенвенист 1974: 317).

В.М. Лудыкова пишет, что такие вопросы часто используются при выражении внутренних размышлений, раздумий, они типичны для внутреннего диалога (Лудыкова 2000: 115).

Основополагающей в рефлексивных вопросительных предложениях является временная неинформированность коммуниканта о смысле событий, о чувствах, мыслях, состояниях и действиях третьих лиц. Коммуникант, задавая себе вопросы, не знает и не может на них дать ответ. Основная функция вопросов данного типа – раскрытие эмоционального состояния коммуниканта.

И.Б. Британ справедливо отмечает, что в предложениях данного типа происходит смещение акцентов между денотативным и коннотативным уровнями, и последний получает особый смысловой вес (Британ 2005: 53).

Рассмотрим коннотативные (эмоциональные) значения, выражаемые рефлексивными вопросительными предложениями в коми языке. Наиболее распространенными в коми прозе являются рефлексивные вопросительные предложения с эмоциональным значением неуверенности, сомнения, осторожности. В качестве примеров рефлексивных вопросительных предложений с дополнительным семантическим значением сомнения можно привести следующие:

(1) – *Эз нӧ мӧдарӧ ков, мед ачыс водзжык воис Ызган шор дорас?* (Юшков 2001б: 240). ‘Не нужно ли было наоборот, чтобы сам раньше дошел до ручья Ызган?’.

(2) – *Оз ӧмӧй нӧ эськӧ кыв морт дуксӧ? Али воысь зӧрыслӧн чӧскыд кӧрыс вевттьӧ сійӧс?* (Юшков 2001б: 444). ‘Неужели он не слышит человеческий запах? Или вкусный запах зреющего овса перебивает его?’.

В данных примерах коннотации сомнения усиливаются частицами *нӧ* ‘ли’, *ӧмӧй* ‘неужели’, *-ӧ* ‘ли’.

Коннотации неуверенности, усиливающиеся союзом *али* ‘или’, вопросительным словом *мыйӧн* ‘как’, четко проявляются в следующих примерах:

(1) *«Друг кеняыс шыв кыпӧдчис да лӧбзис кытчӧкӧ нуяс костӧдыс. Вӧлись сэн «ке-э» горӧдӧс. Пӧтӧс али повзис кодыськӧ?»* (Юшков 2001б: 653). ‘Вдруг кукушка взмыла и улетела куда-то между деревьев. Только там прокричала «ке-э». Наелась или испугалась кого-то?’.

(2) – *Мыйӧн тӧдан, кутиӧм лӧд гожӧмыс, кор вундынысӧ петасны?* (Юшков 2001б: 305). ‘Как узнаешь, какое будет лето, когда на жатву выйдут?’.

Часто встречаются в коми языке рефлексивные вопросительные предложения с эмоциональным значением страха, настороженности:

(1) *«Кутшиӧм лешак нин шувъялӧ? Абу жӧ ӧд рыбинспектор? – Ӧксен лажыньтчылӧс да кок чуньяс йылас бӧрыньтчышитӧс пыжланьяс, дзевышитӧс чери тыра сумкасӧ. – вуджас кӧ вадьяс, колясьяссӧ казялас»* (Безносиков 1995: 157). ‘Какой леший здесь носится? Не рыбинспектор ли? – Аксен присел было и на цыпочках отступил к лодке, припрятал сумку, набитую рыбой – если перейдет болото, то заметит оставленное’.

(2) – *А мый думайтӧны Чугун Ӧльӧш кодьясыс? Код дор найӧ?* (Юхнин 1981: 19). ‘А что думают такие как Чугун Алексей? На чьей они стороне?’.

Коннотации тоски, безысходности определяются в следующих рефлексивных вопросительных предложениях:

(1) *«Мый мыжысь енмыс ёрис менӧ томьясьн ӧтка олӧм вылас? – курыда мӧвпалӧс сійӧ, Лиза вылӧ завидьтӧмӧн видзӧдӧг. – Не кӧ челядь, позис*

коть выльысь верӧс сайӧ петны...) (Напалков 1988: 9). ‘За какую вину бог покарал меня на одиночество с молодости? – с горечью думала она, с завистью разглядывая Лизу. – Если бы не дети, можно было снова выйти замуж’.

(2) *«Шогӧдны мӧдӧс ӕнджыка. Син водзас артмалӧс виж кругяс. Мӧдӧсны нӕрны пуяс. Коть эськӧ горзыны, кодӧскӧ чуксавны. Но кодӧ сӧйӧс кылас татысь? Кодӧ отсалас?»* (Юхнин 1981: 164). ‘Тошнить стало сильнее. Перед глазами появились желтые круги. Стали наклоняться деревья. Вот бы закричать, позвать кого-нибудь. Но кто его здесь услышит? Кто поможет?’.

Эмоциональные значения сожаления, неудовлетворения проявляются в примерах:

(1) *«Кодкӧ вот сӧйис жӧ сӧйӧс татчӧ?»* (Юшков 2001б: 652). ‘Кто-то вот загнал же его сюда?’.

(2) *«Дыр-ӧ вӧли перыны автоматсӧ? Ӑни эськӧ куимнансӧ мӧсьяссӧ моз и вӧтлӧс»* (Юшков 2001б: 277). ‘Долго ли было автомат достать? Сейчас бы всех троих и погнал как коров’.

(3) *«Мый морла нем думыштӧг некодӧн невӧлиттӧг мунӧ татшӧм пакӧсьт вылас?»* (Артеев 2005: 50). ‘Какого черта, не подумав, без принуждения кем-либо, согласился я на эту пакость?’.

В данных примерах значение сожаления усиливается частицами *вот* ‘вот’, *жӧ* ‘же’, *-ӧ* ‘ли’, в последнем примере усиливается устойчивым выражением *мый морла* ‘какого черта’, имеющим негативное эмоциональное отношение.

Коннотации неудовлетворения четко проявляются в следующих предложениях:

(1) *Нинӧм нин оз ков Прокӧ Васькалы вывсынь усяныс: ни ышнясян пенсиясы, ни ошкӧм-ыджӧддӧмыс. Медтыкӧ сӧмын, кор водзӧ кокӧн петкӧдасны гортсысы, кодкӧ сэки лои жӧ шуысь, эз пӧ эськӧ шыбита-на морт вӧвлы да. Ньӧти бур кывтӧгыд ӧд абу жӧ лӧсыд таладорсыд муннытӧ: мыйла и волӧн, сӧдзтӧ кӧ, му вылас?* (Юшков 2001б: 12). ‘Проке Ваське уже ничего не надо было из того, что сверху падает: ни пенсии, ни безмерного почитания. Лишь бы только, когда будут выносить из дома вперед ногами, нашелся кто-то, кто скажет, что он вроде неплохим человеком был. А то без единого хорошего слова неудобно уходить с этого света: зачем тогда и приходил на этот свет?’.

(2) *Мый сӧйӧ тӧдлӧс кызь арӧс олӧгчӧжӧн? Кутишӧмтор сӧйӧс чуксавлӧс овны водзӧ?.. Дерт, вӧвлӧсны и гажӧдчӧмьяс, и дурӧмьяс* (Юхнин 1981: 157). ‘Что он узнал за двадцать лет жизни? Что его призывало жить дальше?.. Конечно, бывали и веселье, и баловство’.

Эмоционально-оценочные значения удивления и непонимания зафиксированы в следующих примерах:

(1) *Нэмсö койтлöма сэни дозмöрыс, пусьыс лэччöм бöрын котравнысö лёсьыд да, сійён и сетлöмабсь нимсö. Мыйла нö эськö веськыдасö дугдöмабсь ветлöдлыны?* (Юшков 2001б: 274). ‘Всегда токовал там глухарь потому, что после спуска с дерева, ему удобно было бегать, из-за этого и дали название. Так из-за чего же перестали ходить напрямик?’.

(2) *«Милиция?– Валентиалы быттё ушатысь койышитисны кöздö ваён, сэся – пöсьён. – Милиция?! Господи, кутиём мыж нин вöчсьöма? Али кутиёмкö свидетельö?»* (Безносиков 1995: 58). ‘Милиция? – Валентину будто из ушата облили ледяной водой, а потом – горячей. – Милиция?! Господи, какое же преступление я могла совершить? Или свидетелем?’.

Здесь данные коннотации усиливаются частицей нö ‘же’, междометием *господи* ‘господи’.

Коннотативные значения заинтересованности, заинтригованности присутствуют в предложениях:

(1) *Кынём вылас кысьясёмён со йирсьö: курыштас водз лапаяснас зöрсö идзьясöдыс, матыштас вом дорас шеп чукöрсö да чурскö-аклялö. А көнöсь нö эськö пияныс? Али мöд ош тайö?* (Юшков 2001б: 445). ‘Ползая на животе, вот пасется: соберет передними лапами овес, поднесет к пасти кучу колосьев и сосет, причмокивая. А где детеныши? А может это другая медведица?’.

(2) *Со кодзувьяс пиысь öти, ас бöрсяыс биа бöж колиг, мöдöдчис мулань и здук мысти воши. Окота тöдны, кытчö сійö тöвзё, мыйла?* (Льуров 1988: 111). ‘Вот одна из звезд, оставляя за собой огненный хвост, устремилась к земле и через мгновение исчезла. Хочется знать, куда она мчится, зачем?’.

(3) – *Баба!.. Пасьтась, и – живо!..*

Валя чуймискодь: «Кытчö нö вой кезлас нуöдчö?» (Безносиков 1995: 64). ‘Жена!.. Одевайся, и – живо!.. Валя немного удивилась: «Куда же, не смотря на ночь, ведет?’.

Эмоциональные значения надежды, тоски, нетерпения и ожидания, которые усиливаются соответствующей лексикой, специфической интонацией, содержатся в конструкциях:

(1) *Эськö кыссьыны кö öни асланымладорö, оз-ö казавны öдйöджык да полевöй госпитальö нуны. Гаикö, эз на сэттиöма ранитчы, гаикö, олысь на лö, регыдджык кö видзöдласны?* (Юшков 2001б: 630). ‘Если бы доползти теперь до нашей стороны, быстрее бы заметили и отвезли в полевой госпиталь. Может, еще не так тяжело ранен, может, еще выживет, если быстрее осмотрят?’.

(2) *А мый сэся, абу гортас, да мед оз и лысьтлы долыдасьышитны нинöмысь? А шаньмылис кö сёлöмыс кольöмас вöйтчылöмсьыс да вунöдчылöмсьыс, көн тэ öни да кодi тэ?* (Юшков 2001б: 573). ‘А что, если не

дома, и нельзя ничему порадоваться? А если сердце успокаивается и забывается, когда утопаешь в воспоминаниях, где ты сейчас и кто ты?».

(3) *Ставыс сідз жёб: ломтысьё пач, югьялё мыськём джодж, но шуштём Ёньёлы батътёгьд, йирмёг босьтё. «Кор нин сьлён командировкаыс помасяс?» – мёвпаліс детинка* (Тарабукин 1993б: 146). 'Все по-прежнему: топится печь, сверкают вымытые полы, но скучно Андрею без отца, дрожь берет. «Когда уже у него командировка закончится?» – размышлял мальчишка».

Эмоциональные значения недовольства, порицания, упрека можно обнаружить в примерах:

(1) *«Кутиём окота и мем вёлі тиётти лэччыны. Мыйла Наташаёс босьтёны? Мыйла оз менё?»* (Тарабукин 1993а: 142). 'Как хотелось и мне тоже ехать с ними. Почему берут Наташу? Почему не меня?».

(2) *«Мича шпалерён кышём стен пёлёныс книга тыра шкапьяс сувтёдёммаёсь, паськыд ёшинь весьтаныс лакён лёталысь пианино ляскёмаёсь, кёнкё, чайтёны, вот пё ми медся сюсь да интеллигентной йёзыс. Но ворслёны-ё пианинонас, босьтлёны-ё шкапьясса джаджьяссьыс мича коркаяса книгаясё?...»* (Безносыков 1995: 57). 'Вдоль стен с красивыми обоями поставили шкафы, полные книг, возле окна стоит покрытое лаком пианино, наверное, думают, мол, мы самые умные и интеллигентные люди. Но играют ли они на пианино, достают ли из шкафов книги с красивыми обложками?».

Коннотации грусти, уныния, усиливающиеся вопросительными словами, проявляются в следующих предложениях:

(1) *Ёні, нюкёссё вуджигён, гажёдліс жё асьё коркёясё син водзас уськёдлёмён. А кодысь кутас видзчысьнысё, коді тані юалас сьлысь, мый нё пё шешьялан?* (Юшков 2001б: 302). 'Сейчас, переходя овраг радовал себя, восстанавливая перед глазами прошлое. А от кого будешь остерегаться, кто его здесь спросит, мол, чего здесь скалишься?».

(2) *«А мый нё, эновтчыны да овны, томлуныс тай коли, а аски бара жё?»* (Юшков 1979: 432). 'А что же, бросить всё и просто жить, молодость уже прошла, а завтра опять же?».

(3) *Да, мыйла нё тадзи вермё лоны олёмас, а? Да, мыйён нё мортыс мыжа олём водзас, мый тадзи мучитчыны лоё сылы? Мыйла нё йёзё тадзи нырёны, чайшёны, песёны, тшыгйёдёны, кынтёны? Оз лэдзны налы лючкисё овны? Мыйла нё ставыс тайё вермё лоны, а?* (Торопов 1980: 262). 'Ну, почему же так бывает в жизни? Ну, в чем так человек провинился, что ему нужно переносить такие мучения? Почему так людей давят, рвут, мнут, морят голодом, морозят? Не дают им нормально жить? Почему все это может быть?».

В данных примерах коннотации грусти, уныния, тоски усиливаются вопросительными словами, вопросительными и усилительными частицами нё 'но', а 'а', да 'да'.

Менее употребительными в современном коми литературном языке являются рефлексивные вопросительные предложения с коннотациями радости, восхищения:

«Муса Сыктылӧй дай матушкаӧй! Вердысьӧй дай юкталысьӧй! Пальӧдысьӧй дай мыськалысьӧй! Кутиӧм бур ен со тэӧ лӧсьӧдӧма?» (Торопов 1980: 334). ‘Милая Сысола-матушка! Кормилица и поилница! Утешительница и омывательница! Какой добрый Бог создал тебя?’.

Рефлексивные вопросительные предложения широко распространены и в коми-пермяцком языке:

(1) *Саймис, думайтӧ: «Мый жӧ менӧ видзчисьӧ одзлань? Кытчӧ нӧ бӧра койыштас оланыс? Оз кӧ лӧсяв туй, сэк, тыдалӧ, ӧддӧн умӧль лоас олӧмыс. Ӑтик берегись мӧда орӧтчаны, а кин тӧдас, чожа я не я сюра мӧдӧрас»* (Лихачёв 1974: 15). ‘Проснулся, думает: «Что меня ждет впереди? Куда же еще забросит жизнь? Если не та дорога, тогда, видимо, быстро испортится жизнь. От одного берега стану отрываться, а кто знает, быстро ли я попаду на другой?’.

(2) *Дӧма видзӧтӧ сӧян-юаныс вылӧ и думайтӧ: «Быдӧс этӧ ме кульк-мельк верма керны. Но озӧ я менӧ шуӧ аридӧн? А мыйлӧ блюдечкоыс чайӧнӧй чашка увтас?»* (Шадрин 1974: 68). ‘Дӧма смотрит на еду и думает: «Все это я могу быстро съесть. Но не назовут ли меня жадным? А почему блюдец под чайной чашкой?’.

Таким образом, рефлексивные вопросительные предложения – это вопросы, задаваемые коммуникантом самому себе, в основе которых лежит его временная неинформированность о смысле событий, о чувствах и т. д. В них на первый план выдвигается коннотативный уровень вопросительного предложения – его дополнительные значения неуверенности, сомнения, непонимания, неудовлетворения и другие, которые усиливаются частицами, лексикой, интонацией. Данный тип вопросов характерен для внутренних размышлений. В языке коми художественной литературы преобладают рефлексивные вопросительные предложения с коннотациями тоски, безысходности, грусти, сомнения, неведения, неуверенности.

1.3.5. Встречные вопросительные предложения

Встречные вопросы – это вопросы, задаваемые вместо ответа. И.Б. Шатуновский данный вид вопросительных предложений рассматривает в качестве риторических вопросов (Шатуновский 2004: 19–37). В.М. Лудыкова отмечает близость встречных вопросительных предложений к риторическим (Лудыкова 2000: 119).

Действительно, встречные вопросительные предложения, как и риторические, выступают в форме утвердительного и отрицательного предложения. В них так же, как и в риторических вопросительных предложениях, отрица-

тельное предложение выражает утверждение, а утвердительное – отрицание, например:

(1) – *Но, вот и висьтав, кутишм пöльза тэысь государствоыслы? И мыйысь тэ лöгалан государство вылас?*

– *А мый нö ме «ура» кута горзыны? Горзылі нин коркö гöлöс быртöдз* (Юшков 2001б: 649). ‘Ну, вот и скажи, какая от тебя польза государству? И из-за чего ты злишься на государство? – А что я «ура» должен кричать? Кричал уже когда-то до хрипоты’.

(2) – *Мый нö тэн, жаль лои?*

– *А мый тан ыкшаасьнысö?* (Юшков 2001б: 226). ‘А, что тебе жалко стало? – А что здесь хвастаться?’.

(3) – *Война вылас сійö вöлі жö?*

– *Коді нö эз вöв? Менö на босьтлісны-а. Охранаö* (Юшков 2001б: 290). ‘На войне он тоже был? – А кто же не был? Даже меня брали. В охрану’.

Вопросительные предложения данного вида, как и риторические, эквивалентны повествовательным предложениям:

– *Ме али мый тэ бöрся вöтча?*

– *А мый эськö оныс, колхозад дорысь?*

– *Коді менö татысь лэдзас?* (Юшков 2001б: 279). ‘Я что ли за тобой пойду? – А почему нет, чем ежели в колхозе? – Кто меня отсюда отпустит?’.

Встречные вопросительные предложения, в отличие от риторических вопросительных предложений, не имеют сильной экспрессивности. Как правило, они демонстрируют возражение или подтверждение тому, что выражено в вопросе собеседника. При этом утверждение и отрицание происходит не прямо, а имплицитно, например:

(1) – *Мудзин? – юалис Васька. – Мудзышти. – А сьöкыд нопйыд?*

– *Лэччигад нö кытысь нин кокныдыс?* (Юшков 2001б: 55). ‘Устал? – спросил Васька. – Устал немного. – Котомка-то тяжелая? – Откуда уж легкая на обратном пути?’.

(2) – *Сыкöд сэссия гортö? – А мый эськö огыс?* (Юшков 2001б: 127). ‘С ним потом домой? – А почему бы и нет?’.

Или:

(1) – *Ачыд он убöлит висьтавнысö? – вомалис Чудовыс.*

– *А мый ме висьтала? Вундöмаöсь войнас* (Юшков 2001а: 272). ‘А сам не удосуживаешься сказать? – оборвал Чудов. – А что я скажу? Отрезали ночью’.

(2) – *Маршрут важыс? Эз вежсьы? – юалис Николаев.*

– *А мыйла сійöс вежныс? Москва пыр медым лэбзьыны? – дöжныштис Клюге* (Юшков 2001б: 596). ‘Маршрут старый? Не поменялся? – спросил Николаев. – А зачем его менять? Чтобы через Москву лететь? – отрезал Клюге’.

Встречные вопросительные предложения имеют не только экспрессивный, но и дискурсивный характер «предполагая в силу своей синтаксической вопросительной специфики то, что было до них, и то, что будет после» (Шатуновский 2004: 21). Согласно И.Б. Шатуновскому, в том пункте дискурса, где находятся эти вопросы, реализуется многоплановый дискурсивный блок, комплекс, представляющий собой весьма сложное образование (Шатуновский 2004: 20). Исследователь отмечает, что данный вид вопросов является тем ключевым звеном дискурса, которое возбуждает, продуцирует имплицитную дискурсивную цепочку, и в этом смысл их существования (Шатуновский 2004: 21). Можно привести следующие примеры приблизительных трактовок дискурсивных отрезков:

*Доронин петкӧдчис Николаевлы. – А-а! – повзъялӧмпырысь на артмис Николаевлӧн. – А кӧні Пашковсь? – **Ме мыйӧн тӧда?** – вочавидзис Доронин да кӧйсйис матӧджык локны* (Юшков 2001а: 606). ‘Доронин показался Николаеву. – А-а! – Испуганно получилось у Николаева. – А где Пашков? – Я откуда знаю? – ответил Доронин и хотел подойти поближе’.

Примерная трактовка дискурсивного отрезка данного примера будет следующей: ты спрашиваешь у меня, где Пашков, твой вопрос предполагает, что я это знаю; но я не знаю, где Пашков, и ты должен понимать, что я не знаю, где он, так как у меня нет никакой информации об этом, следовательно, бессмысленно (глупо) спрашивать меня об этом.

*– А коркӧ нӧ эськӧ помасьлас оз тайӧ войнаысь? А, Коля? – **Менсьым юалан?** – бара падмылис Шумков* (Юшков 2001а: 541). ‘А когда уже закончится эта война? А Коля? – У меня спрашиваешь? – опять было растерялся Шумков’.

Примерное толкование дискурсивного отрезка данного примера будет следующим: ты спрашиваешь, когда закончится война, твой вопрос предполагает, что я это знаю, но я этого не знаю; и ты должен понимать, что я этого не могу знать, так как у меня нет никаких источников информации об этом, следовательно, бессмысленно (глупо) полагать, что я могу знать, когда закончится война.

Как видно из примеров, компоненты могут добавляться, видоизменяться, но основополагающей всегда будет одна и та же схема: вы говорите, что..., из чего следует, что..., но на самом деле я не знаю, что... и вы должны знать, что..., но если вы не понимаете, что..., то вы глупы и т.д.

Данный вид вопросительных предложений также широко распространен в коми-пермяцком языке:

(1) – *Тэ петассэсӧ сӧйин? Ах, зырымӧсь бедь! А вдруг председатель аддзылас? Эз некин адззыв?*

– *Кин адззылас?* (Минин 1974: 90). ‘Ты ростки съел? Ах, сопляк! А вдруг председатель увидит? Никто не видел? – Кто увидит?’.

(2) – *Настоящій ма?*

– *А кыдз тэ думайтін?* (Минин 1974: 124). ‘Настоящий мед? – А ты как думал?’.

Итак, встречные вопросительные предложения демонстрируют не прямо, а имплицитно возражение или подтверждение тому, что выражено в вопросе собеседника. Не имея сильной экспрессивности, они чаще всего служат для выражения отрицательных оценок и суждений, направленных адресату. Встречные вопросительные предложения часто употребляются в коми литературном языке, в основном, в диалогической речи.

1.3.6. Переспросы

Данный вид вопросов широко распространен в диалогической речи. Коммуникант, прежде чем ответить на вопрос, полностью или частично повторяет вопрос собеседника.

По мнению У. Чейфа, переспрос ищет лишь подтверждения правильности восприятия и является омофоничным утвердительному вопросу (Чейф 2003: 388).

В.П. Засыпкин утверждает, что переспрос – это реагирующая реплика, которая представляет собой вопросительную трансформацию части исходного высказывания собеседника. Переспрос служит для запроса дополнительной информации об услышанном или для изменения речевого поведения собеседника» (Засыпкин 1998: 65).

Согласно Н.Ю. Шведовой, переспрос (повтор) – это построенная по правилам разговорной речи, входящая в сложное образование (диалогическое единство) и потому синтаксически несамостоятельная вторая реплика, имеющая в качестве своей основы элементы словесного состава первой реплики и подчиняющая ее форме (Шведова 1960: 283).

С.В. Андреева отмечает, что использование в речи слушающего слов говорящего является процессом естественным и практически неизбежным. Диалогический повтор не только явление русской диалогической речи, но и общеречевая универсалия, о чем свидетельствуют работы, выполненные на материале других языков (Андреева 2006: 48). Исследователь пишет: «Коммуникативное назначение «повтора-хезитатива» – заполнение пауз размышления, колебания (Андреева 2006: 91).

По мнению И.Н. Борисовой, контакт осуществляется, но содержательного развития коммуникации не происходит (Борисова 2001: 34).

Согласно Н.Д. Арутюновой, повторяя вопрос собеседника, говорящий сосредоточен уже не на нем, а на ответе (Арутюнова 1999: 671).

Т.А. Краснова, рассматривая переспросы как вид формально-вопросительных предложений, подчеркивает: «Переспросы в большинстве случаев принимают за вопрос-удивление. Это характерно как для переспроса с воп-

росительным словом и частицей, так и для переспроса без лексических показателей» (Краснова 2009: 90).

Различие между собственно-вопросительными предложениями и переспросом заключается в том, что собственно-вопросительное предложение требует от коммуниканта подтверждения каких-либо сведений, в то время как переспрос требует подтверждения правильности восприятия непосредственно предыдущего высказывания, например:

(1) – *Тi кодыр птавлінныд гортсяньыд, Владимир Васильевич?* – юалис агроном.

– *Ме?.. Нолтö, Андрей Павлович, лыддям* (Юхнин 1984: 362). ‘Когда вы вышли из дома, Владимир Васильевич? – спросил агроном. – Я? Ну-ка, Андрей Павлович, посчитаем’.

(2) – *Водзö мый?* – юалис Василий Александрович.

– *Водзö?* – *Думыштчис быттö Ираида Филипьевна.* – *Водзö – миян оз на шогмы оийысьны корреспондентъяс да художникъяс водзад* (Шахов 1985: 215). ‘Что дальше? – спросил Василий Александрович. – Дальше? – Будто задумалась Ираида Филипьевна. – Дальше – нам еще не годится хвастаться перед корреспондентами и художниками’.

Как видно из примеров, переспрос не требует ответа. Коммуникант чаще всего не ждет подтверждения, а продолжает говорить. Данный вид вопросительных предложений обычно служит средством, позволяющим выиграть время для обдумывания, например:

(1) – *Сёрнитнысö позьö, Емельянович? Оз мешайт?*

– *Сёрнитны? Позьö. Мыйта колö сёрнит* (Шахов 1985: 233). ‘Разговаривать можно, Емельянович? Не мешает? – Разговаривать? Можно. Сколько нужно говори’.

(2) – *Бур тэнад паметьыд, Гафар Макарович?*

– *Паметьыд?* – *вочасöн гажмис Бикмедов.* – *Паметьыд содö ветлігöн* (Юхнин 1981: 15). ‘Хорошая у тебя память, Гафар Макарович? – Память? – постепенно развеселился Бикмедов. – Память улучшается с поездками’.

В.М. Лудыкова отмечает, что если собеседником вопрос повторяется полностью, то обязательным элементом в таких повторах является частица *-ö* <...>, если нет, то частица *-ö* не употребляется (Лудыкова 2000: 119). Вместе с тем нами обнаружены встречные вопросительные конструкции, повторяющие вопрос собеседника как с частицей *-ö* ‘ли’, так и без частицы *-ö* ‘ли’:

(1) – *Тэ меным эскан?*

– *Эска-ö ме тэныд? Гашкö* (Шахов 1985: 14). ‘Ты мне веришь? – Верю ли я тебе? Возможно, да’.

(2) – *Тэ радейтлін кодöскö?*

– *Ме?*

Виччысьтöм вопросысь комендант чуймышитис.

– *Радейтли-ө ме?.. А чөртыс төддө!* (Юхнин 1984: 224). ‘Ты любил кого-нибудь? – Я? – удивился от неожиданного вопроса комендант.– Любил ли я?... А черт знает!’.

(3) – *Кызди олбны?*

– *Кызди олбны? Ас ногыс. Он шу дурка либб гөля, а пырнытб шогддб керкаас* (Юшков 2001а: 331). ‘Как живут? – Как живут? По-своему. Не скажешь, что неряшливо или бедно, а в их дом тошно заходить’.

(4) – *Буждбм сиктсьыныд Алексей Поповс төданныд?*

– *Егор өлексейбс? Кызди нб, төда* (Шахов 1985: 77). ‘Алексея Попова из села Буждом знаете? – Егор Алексея? Как же, знаю’.

Нужно отметить, что коммуникант, при абсолютно точном повторе сказанного собеседником стремится получить подтверждение правильности восприятия предложения, адресованного ему. Данное утверждение подтверждается приведенными выше примерами.

Переспросы могут также выражать отношение адресата к сказанному адресантом, при этом они осложняются эмоциональной окраской удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения, например:

– *Көні тэ пукавлін? – скөрмыны кутіс Николаев.*

– *Көні? Войвылын. Эсіян дорын, – Пашков содтбд довкнитіс юрнас Доронинлань. – Көрт туй нюздбдм Воркутаб* (Юшков 2001: 561). ‘Ты где сидел?– начал злиться Николаев. – Где? На севере. У них, – Пашков кивнул головой в сторону Доронина. – Железную дорогу строили на Воркуту’.

В современном коми литературном языке наиболее часто переспросы осложняются эмоциональной окраской недоумения, например:

– *Сійб нб кызди тэныд племянничанас лои?*

– *Кызди, кызди? Сава Вась Иваныслбн ыджыд мамыс да миян пбльным воча вокъясбн вблбмабсь. Со и племянница лбб Тамараыс меным* (Попов 2007а: 10). ‘Как же она стала тебе племянницей? – Как, как? Бабушка у Савы Вась Ивана и мой дед были двоюродными братом с сестрой. Вот и племянница будет мне Тамара’.

Иногда переспрос не дублирует вопрос, заданный собеседником. В таких случаях, он различается от вопроса коммуниканта включением в свою структуру вопросительного слова, которым заменяются существительное или глагол, названные в вопросе адресанта, при этом в переспросах четко прослеживается наличие эмоциональной окраски негодования, например:

(1) – *Тиша, гаикб, валерьянка юыштан?*

– *Мый? Мый?*

– *Но тэ сэтшбма расстроитчбмыд...– кевмысьышитіс гбтырыс* (Юхнин 1984: 444). ‘Тиша, может быть, валерьянку выпьешь? – Что? Что? – Ну, ты так расстроился – упрашивала жена’.

(2) *Зонъяс лӧня кывзисны Иван Ивановичлысь мургӧмсӧ. Пашка сӛсся юалис:*

– *А ті асьныд карса?*

– **Коді карса?** Быдми Тамбовской областиын. Карсатӧ лыддя тӧвчужъялысьясӧн, кокни олӧм корсьысьясӧн (Мальцев 2007: 47). ‘Парни тихо слушали монотонную речь Ивана Ивановича. Потом Пашка спросил: – А вы городской? – Кто городской? Вырос в Тамбовской области. Городских я считаю бездельниками, искателями легкой жизни’.

В некоторых случаях переспросы осложняются эмоциональной окраской удивления:

– *Кагаыд кӧні?*

– **Коді?** – *шӧйӧвоши Ира* (Макарова 2006: 23). ‘Где твой ребенок? – Кто? – растерялась Ира’.

Переспросы часто употребляются и в коми-пермяцком языке:

(1) – *Мый тэ, Орин, былись сідз баутисӧ? Айӧ нӧ мый сэтчӧ горӧтчис?*

– **Мый горӧтчис?** *Пропадай, шуӧ, кӧда кӧдӧс нӧ вермам* (Лихачёв 1974: 19). ‘Ты что, Арина, действительно так говорили? Отец что там сказал? – Что скажет? Пропадай, говорит, тот, которого, мол, переселим’.

(2) – *Мый тэ керан, Василь дядь? – эз вермы терпитны да юалис Дёма.*

– **Кин, ме?** – *дзар керис Василь* (Шадрин 1974: 54). ‘Что ты делаешь, дядя Василь? – не смог сдержаться и спросил Дёма. – Кто, я? – взглянул Василь’.

Итак, переспросы – это повторения непосредственно предшествующих вопросов, заданных собеседником, которые выполняют речерегулирующие функции: к ним прибегают для проверки правильности восприятия, используют в качестве средства, позволяющего адресату выиграть время для обдумывания того, что сказать дальше, тем самым тормозят процесс коммуникации. Иногда переспросы способны выражать отношение адресата к сказанному адресантом, в таких случаях они осложняются эмоциональной окраской удивления, недоумения, беспокойства, непонимания, негодования. Данный вид несобственно-вопросительных предложений широко распространен в коми литературном языке и используется в диалогической речи.

Глава 2

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Предложение является основной и самой многоаспектной единицей синтаксиса. В нем реализуются все функции языка. Собственно они и определяют содержание, структуру и прагматический компонент предложения: именно посредством предложения говорящий выражает свои мысли об окружающей его действительности, воздействует на адресата. Традиционные аспекты классификации предложения отражают различные этапы его осмысления: целеполагания – функционально-прагматический аспект; эмоциональной окрашенности – отражение состояния говорящего лица, структурной организации (ССРЯ 2009: 76–77).

Структурная характеристика предложения является одной из основных в синтаксическом описании. Она не учитывает особенностей функционирования предложения в речи и эмоционального состояния коммуниканта, «лишена референции, т.е. отношения к действительности, поскольку соотнесена только с категориями субъекта и предиката мысли говорящего» (Андреева 2006: 14).

Анализ вопросительных предложений современного коми литературного языка показал наличие следующих структурных типов: слова-предложения, простые вопросительные предложения, сложные вопросительные предложения, цепочки вопросительных предложений. Рассмотрим подробно каждый тип вопросительных предложений.

2.1. Вопросительные слова-предложения

Часто в процессе разговора в целях экономии и быстроты произнесения применяются усеченные, неполные вопросительные предложения. Вопросительные слова-предложения употребляются в основном в разговорной речи, в диалогах, ибо здесь основополагающим являются фактор языковой экономии. Также немалую роль в использовании вопросительных слов-предложений играет и конкретная ситуация, которая предполагает, что многие

элементы объекта речи уже ясны и понятны собеседникам, отсюда следуют неточность словоупотребления, синтаксическая простота и неполнота. В коми литературном языке данный структурный тип вопросительных предложений представлен как неполными, так и нечленимыми предложениями.

В неполных вопросительных предложениях один или несколько членов предложения отсутствуют, но легко восстанавливаются или подсказываются обстановкой (ситуацией), контекстом речи (СКЯ 1967: 174).

В коми литературном языке вопросительное слово-предложение, являющееся неполным предложением, может быть выражено:

а) вопросительным местоимением:

(1) – *Мукдöдыс тай вермöны, – вочаалис Васька.*

– *Коді? Видзöдла ас синмöн* (Юшков 1988: 164). ‘Другие же могут, – возразил Васька. – Кто? Посмотрю своими глазами’.

(2) – *Ректам, со тай тшамъяыс.*

– *Кöні? – эз аддзы Васька* (Юшков 1988: 54). ‘Выгрузим, вон же лабаз. – Где? – не увидел Васька’.

(3) – *Но и аддза.*

– *Кор? – юалис Наталь* (Юшков 1988: 136). ‘Ну и увижу. – Когда? – спросила Наталья’.

В вышеприведенных примерах вопросительными словами-предложениями являются местоимения *коді* ‘кто’, *кöні* ‘где’, *кор* ‘когда’.

б) любым знаменательным словом (существительным, глаголом, наречием и т. д.):

(1) – *А мыйла тэ менам письмöяс вылö ни öти воча письмö эн ыстыв?*

– *Письмöяс? – кияссö шевгöдис Афанасий* (Макаров 1954: 140). ‘А почему ты на мои письма ни одного ответного письма не присылал? – Письма? – раскинул руки Афанасий’.

(2) (*Поп*) *Ми талун мöдам-а!*

(*Гедеон (чеччö)*) *Талун? Сійö ещö бурджык, отец Тарас!* (Савин 1982: 183). ‘(Поп) Мы сегодня отправляемся! (Гедеон (встает)): Сегодня? Это еще лучше, отец Тарас!’.

(3) – *А ме тöда, Мелехин! – виччысьтöг шуис директор.*

– *Тöданныд? – чуймышти ме* (Торопов 1988: 189). ‘А я знаю, Мелехин! – неожиданно сказал директор. – Знаете? – немного удивился я’.

(4) – *А ти асьныд кыдз-мый, Сергей Иванович?*

– *Ми?* (Торопов 1988: 322). ‘А как вы сами, Сергей Иванович? – Мы?’.

(5) *А сэсса и пырис жырйö ачыс Михаил Константинович да сэтишма нимкодьмöдис Сергей Ивановичöс.*

– *Öтнад? – юалис öтарö-мöдарö кыйкнитигмоз* (Торопов 1988: 273).

‘А потом и вошел в комнату сам Михаил Константинович и так обрадовал Сергея Ивановича. – (Ты) один? – спросил, оглядываясь’.

В вышеприведенных примерах вопросительными словами-предложениями являются существительное *письмӧяс* 'письма', наречие *талун* 'сегодня', глагол *тӧданныд* 'знаете', местоимения *ми* 'мы', *ӧтнад* '(ты) один'.

Нечленимые вопросительные предложения состоят из одного слова или неразложимого словосочетания. Они не могут распространяться при помощи пояснительных слов, структурно нечленимы. В них нет ни подлежащего, ни сказуемого, ни других членов предложения (СКЯ 1967: 167). В коми литературном языке вопросительное слово-предложение, являющееся синтаксически нечленимым, может быть выражено словами со значением утверждения/отрицания, вопросительными частицами, междометиями и обращениями.

а) словами со значением утверждения или отрицания. Утвердительные слова-предложения со значением вопроса выражаются главным образом утвердительным словом *да* 'да' или другими словами со значением утверждения: *бур* 'хорошо', *ладно* 'ладно', *сидз* 'так', *збыль* 'правда, действительно' и др.:

(1) – *Ме ог мун!* – *букыштчис Павел.*

– *Да?* – *нюмъевті ме.* – *А ме тэнӧ нудӧда* (Огнев 1993: 6). 'Я не пойду! – нахмурился Павел. – Да? – улыбнулась я. – Я тебя поведу'.

(2) – *Гашкӧ, Суворовыд воис да? Ӑбӧдитис? Да?* (Федоров 1981: 226). 'Может быть, Суворов прибыл? Обидел? Да?'.

(3) – *Сидзкӧ, вот кызд сернитчам: тэ ӧні отсышитан мамыдлы, а нель час кежлӧ локтан школаӧ. Бур?* (Огнев 1993: 9). 'Значит, вот как договоримся: ты сейчас поможешь своей маме, а к четырем часам придешь в школу. Хорошо?'.

(4) – *Эз кӧ вӧв сійӧ, дерт, вӧлі эськӧ бурджык, но шулывлӧны тай: «И бурыс пӧ оз овлы лӧктӧгыс» Сидз?* (Изьуров 1954б: 80). 'Если бы этого не было, конечно, было бы лучше, но говорят же: «И хорошего, мол, не бывает без плохого» Так?'.

(5) – *Мем чайтсьӧ. Ме медводдзаӧн на нимта тэнӧ тадзисӧ...*

– *Збыль?.. Аттӧ либӧ тэныд...* (Торопов 1988: 137). 'Мне кажется, я первый тебя так называю... – Правда?.. Спасибо тогда тебе...'

Отрицательные вопросительные слова-предложения транслируют несогласие коммуниканта с каким-либо высказыванием и выражаются отрицательным словом *абу* 'нет':

(1) (*Нива*) *Котыртам уборочно-транспортной отряд, этчӧ ӧтувтчасны витнан звеноыс. Техника эм, механизаторьяс аддзысысны жӧ, а начальник...*

(*Федя*) *Абу?* (Дьяконов 1990: 267). '(Нива) Соберем уборочно-транспортный отряд, туда войдут все пять звеньев. Техника есть, механизаторы тоже найдутся, а начальник... (Федя) Нету?'.

(2) – *Абу тай быттё коми нимыс да?*

– *Абу?* – *чуимунлис пöльö* (Юшков 2001а: 6). ‘Вроде бы название не коми? – Нет? – Рассердился дед’.

(3) – *Господин чиновник, ме надейтча, ставсö бура тiянлы висьталiс! Эмöсь абу окотитысья гижссыны особöй Вычегодскöй добровольческöй отрядö? Бур условияс, бур паёк, жалöваннö. Кутам лэдзны трофейяс чукöртны... Кодi кöсiö – кык воськов водзö а-а-арш!*

Арестованнöйяс пыр важ моз сулалiсны юрнысö увлань лэдзыштöмөн, öкмыс тысь некод эз вöрзöдчы.

– *Абу?* — *пинь пырыс сöдзöдiс Орлов, виччысьыштiс öти здук да крута бергöдчис Гагаринлань* (Федоров 1962: 136–137). ‘Я надеюсь, что господин чиновник вам все доходчиво объяснил! Есть ли среди вас желающие записаться в вычегодский добровольческий отряд? Хорошие условия, хороший паек, жалование. Будем отпускать собирать трофеи... Кто желает – два шага вперед марш! Арестованные стояли, как и прежде слегка опустив головы, из девяти ни один не пошевелился. – Нет? – сквозь зубы процедил Орлов, подождал секунду и резко развернулся к Гагарину’.

Как видно из примеров, утвердительные и отрицательные вопросительные слова-предложения употребляются в диалогической речи для выражения отношений говорящего к высказанной мысли.

б) вопросительными частицами *а* ‘а’, *неужели* ‘неужели’, *мый* ‘что’ или междометиями *но* ‘ну’, *чöв* ‘что ты, неужели’:

(1) *(Люба) Коля!*

(Курочкин) А? (Дьяконов 1990: 109). ‘(Люба) Коля! (Курочкин) А?’.

(2) *Зон мыйкö дыра чöв олыштiс, сэсся видзöдлiс ныв вылö да видзчысьöмөн шуис:*

– *Но?* (Изьюров 1954в: 69). ‘Парень какое-то время помолчал, а потом посмотрел на девушку и осторожно сказал: – Ну?’.

(3) *(Марпа (бокö)) Висьтавны абу-а?.. (Пеклары гусьöн). Гришасянь письмö тэныд эм.*

(Пекла (повзигмоз)) Чö-öв?.. Сьöлöмиöрöй... (Синъяссö чышкö) (Савин 1982: 16). ‘(Марфа (в сторону)) Рассказать – нет?.. (Фекле тихо) Письмо от Гриши тебе есть. (Фекла (испуганно)) Неужели?’.

(4) – *Коля!* – *вом тырнас и горöдiс Васька.*

– *Мый?* (Юшков 1988: 14). ‘Коля! – во весь голос и крикнул Васька. – Что?’.

(5) *(Шутемов) Ме прöстöй морт, Андрей Яковлевич, сиктын олысь, видз-му уджалысь...*

(Öньö) Неужели? (Шахов 1985: 287). ‘(Шутемов) Я простой человек, Андрей Яковлевич, сельский житель, колхозник (сельскохозяйственник)... (Андрей) Неужели?’.

в) обращениями. В коми литературном языке среди вопросительных слов-предложений выделяются предложения-обращения, «которые в разговорной речи употребляются в качестве отдельного, синтаксически нечленимого предложения», так называемые вокативные предложения (КЯ 1998: 60). Предложения-обращения по цели высказывания могут быть и вопросительными. Главным и единственным членом в таком вопросительном слове-предложении является название лица, к которому обращена речь:

(1) – *Пронюк? Аттö дивö! Збыль тай тэ вöлöмыд, се зöлöта ни!* (Федоров 1981: 195). ‘Пронечка? Ну и диво! Правда, это ты оказывается, мое золотице!’.

(2) – *Юля? Привет, Юля! – Юля бергöдчис сійöс чолöмалана гöлöс улö* (Мартюшева 1993: 116). ‘Юля? Привет, Юля! – Юля обернулась на голос, приветствующий ее’.

Вопросительные слова-предложения встречаются и в коми-пермяцком языке. Вопросительные слова-предложения могут быть выражены:

а) вопросительными местоимениями:

– *Ог лысьт, – серомтчис Дёма.*

– *Мыля?* (Шадрин 1974: 66). ‘Не смею – засмеялся Дема. – Почему?’;

б) любым знаменательным словом:

– *А мый нö сэся, только тэ, Андрей, кызкö боксянь бытшкы да кер сідз, бытьтö ачыс кутчисис...Кылін?* (Лихачёв 1974: 14). ‘А что теперь, только ты, Андрей, как-то сбоку воткни, и сделай так, будто сам стукнулся... Слышишь?’.

В коми-пермяцком языке вопросительное слово-предложение, являющееся синтаксически нечленимым, может быть выражено:

а) словами со значением утверждения или отрицания:

Миша лөнъсис. Толя бергöтчис кöдзисъыс ладорö, юалис:

– *А кинлөн, деда, этна муэс одзжык вöвлісö?*

– *Кинлөн, шуан? Гаврилöвчи увтырлөн, – мян, сідзкö.*

– *А керкуэс?*

– *И керкуэс сідз жö.*

– *Да?* – *дивуйтчышитіс зонка* (Фадеев 1991: 192). ‘Миша успокоился. Толя повернулся к тому, кто сеял, спросил: – А кому, деда, эти земли раньше принадлежали? – Кому, говоришь? Роду Гавриловичей, – нам, значит. – А дом? – И дом также. – Да? – удивился мальчик’;

б) вопросительными частицами:

– *Костикön шуöны, Кастусьöн? А?* – *бöбавтöнныс се эцö юасис Варяыс* (Баталов 1974: 179). ‘Костиком звать, Костусиком? А? – все еще дурачась, спрашивала Варя’;

г) предложениями-обращениями:

(1) – *Аня? Неужто тэ? Гортын?! – гажсвейдн өддзис юасны сия ныв-каыслсь здоровайтчём бёрсянь* (Федеев 1991: 254). ‘Аня? Неужели ты? Дома?! – с радостью начал спрашивать он у девушки, поздоровавшись’.

(2) – *Нинка? Былись я мый я?* (Фадеев 1991: 163). ‘Нинка? Действительно ли ты?’.

Таким образом, наибольшую активность при реализации вопросительных слов-предложений в речи проявляет экстралингвистический контекст. Данный структурный тип вопросительных предложений наиболее часто употребляются в несобственно-вопросительных предложениях (в переспросах, в контактоустанавливающих вопросительных предложениях с семантической идентификации), используются и в собственно-вопросительных предложениях (в верификативных и специальных вопросах).

Вопросительные слова-предложения часто употребляются в художественной литературе при передаче диалога. Они придают речи живость, лаконичность и динамику.

2.2. Простые вопросительные предложения

В коми литературном языке вопрос можно выразить простым предложением, двусоставным либо односоставным. Двусоставные предложения включают в себя группу подлежащего и группу сказуемого. В односоставных предикативность выражается при помощи только одного главного члена, который, называя предмет, явление, действие, показывает отношение к действительности и по своему значению и способу выражения приближается к подлежащему или сказуемому. В соответствии с этим, различаются два типа односоставных предложений: сказуемостные и подлежащные.

1. Двусоставные вопросительные предложения имеют в составе грамматической основы и подлежащее, и сказуемое. Они могут быть местоименными и неместоименными.

а) местоименные двусоставные вопросительные предложения имеют в своей структуре вопросительные слова – местоимения или местоименные наречия:

(1) – *Кöні нö эськö ті сідзисö оланнөд-выланнөд?* (Торопов 1988: 278). ‘Где же вы так поживаете?’.

(2) – *А ми мый мöдам вöчны?* (Изьюров 1954б: 58). ‘А мы что будем делать?’.

б) неместоименные двусоставные вопросительные предложения вопросительных слов в своей структуре не имеют, в то же время в некоторых случаях присутствуют вопросительные частицы, например:

(1) – *Ті кутанныд виччысьны сылысь кулöмсö?* (Торопов 1988: 301). ‘Вы будете ждать его смерти?’.

(2) – *Неужели ме мешайта тiянлы?* (Попов 1954: 22). ‘Неужели я вам мешаю?’.

2. Односоставные вопросительные предложения имеют в составе грамматической основы только один главный член:

а) определенно-личные вопросительные предложения, главный член которых выражается глаголами 1 или 2 лица изъявительного наклонения:

(1) – *Аддзан ѓтка пожѓмсѓ? – юалис Каневлысь Петра* (Льноров 1954б: 96). ‘Видишь одинокую сосну? – спросил Петра у Канева’.

(2) – *Мый нѓ чѓв олан? – ѓни чорыдджыка нин шуис мастер да, кияссѓ юр увсьыс вештыштѓмѓн, пелька сувтiс кок йьлѓ* (Попов 1954: 15). ‘Что же молчишь-то? – сейчас уже тверже сказал мастер, и, убрав руки из-под головы, шустро вскочил на ноги’.

(3) (*Педьѓ*) *Но, кыдзи нѓ ог помнит?* (Савин 1982: 102). ‘(Федя) Ну, как же не помню?’.

(4) (*Матвей*) *Тѓрыт на тай нѓ быттѓ ѓ кули?* (Савин 1982: 95). ‘(Матвей) Будто вчера только умер?’.

(5) (*Унайѓ*) *Кодѓс нѓ бѓрѓям?* (Савин 1982: 141). ‘(Многие) Кого же выберем?’;

б) неопределенно-личные вопросительные предложения, главный член которых выражается глаголом в форме 3 лица множественного числа настоящего, будущего или прошедшего времени и обозначает действие, совершаемое неопределенными, необозначенными лицами:

(1) (*Степан*) *Прѓскурсѓ нѓ сетасны гортѓ миянлы?* (Савин 1982: 68). ‘(Степан) Дадут ли нам просфору домой?’.

(2) (*Габѓ*) *Мунасны жѓ ѓд туй тшыктѓдзис?* (Савин 1982: 164). ‘(Габѓ) Уйдут же до того, пока дороги не испортились?’.

Как видно из примеров, в вопросительных предложениях данного вида внимание сосредоточено на действии, при этом не важно, кем оно совершается.

в) инфинитивные вопросительные предложения, главный член которых выражен независимым инфинитивом или инфинитивом с вопросительными частицами либо вопросительными местоимениями.

Конструкции данного вида могут выражать собственно вопрос, при этом главный член может быть выражен независимым инфинитивом либо инфинитивом с вопросительными местоимениями:

(1) – *Судѓ сетны?* (Федоров 1979: 154). ‘В суд подавать?’.

(2) (*Гриша*) *Кутиѓм вот тиупны?* (Савин 1982: 136). ‘(Гриша) Какой налог взыскивать?’.

(3) – *Кор виччысьны тiянлысь делегациятѓ?* (Льноров 1954б: 86). ‘Когда ждать вашу делегацию?’.

Предложения рассматриваемого вида способны передавать также и различные модальные значения. Так инфинитивные вопросительные предложе-

ния часто используются для выражения сомнения, предположения. Главный член в таких конструкциях может быть представлен:

1) исключительно инфинитивом:

– *Тяньлы лёк? «Скорой» чукбстны?..* (Шахов 1985: 304). ‘Вам плохо? «Скорую» вызвать?’.

2) инфинитивом с частицами:

(1) – *Иван, врачтё корлыны, да?– юавсис* (Бабин 2006: 33). ‘Иван, врача то вызвать, да? – непреднамеренно спросил’.

(2) *Блинов заводитис дорйысьны.*

– *И дум вылын эз вёв тайё, Зинаида Павловна. Ме прёстё локті тиянбс вежны.*

– *Вежны-ё?* (Юхнин 1984: 243). ‘Блинов начал защищаться. – И в мыслях такого не было, Зинаида Павловна. Я просто пришел вас заменить? – Заменить ли?’.

(3) – *Юавны-ё?* (Юхнин 1984: 298). ‘Спросить ли?’.

(4) – *Абу-ё бурджык эновтчыны тэныд?* (Торопов 1988: 249). ‘Не лучше ли тебе отказаться?’.

(5) – *Эз нё съёлаяс вёвны? – юалис Васька* (Юшков 1988: 44). ‘Не рябчики ли были? – спросил Васька’.

(6) – *Коліс мыйкё шуны. Гаикё, поздравитны жё?* (Юхнин 1984: 335). ‘Нужно было что-то сказать. Может быть, тоже поздравить?’.

В некоторых случаях в состав предложений данного вида включаются вводные конструкции:

(1) – *А эсся, гаикё и, йёктышитны?– юалис Валя* (Иванова 1993б: 102). ‘А потом, может быть, потанцевать? – спросила Валя’.

(2) – *А, гаикё, пёрёдчыны, да?* (Юшков 1988: 132). ‘А, может быть, деревья валить?’.

Инфинитивные вопросительные предложения также могут служить для выражения протеста, возмущения по отношению к тому действию, которое выражено инфинитивом:

(1) *(Габё) Чужсьявны огё чужсьялёй, а, ме ногён, вежны найёс колё.*

(Гриша (лёкысь)). Мый? Кыдзи вежны? (Савин 1982: 141). ‘(Габё) Гнать не выгоним (букв. выпинать не выпинаем), но, по-моему, их надо заменить. (Гриша (зло)). Что? Как заменить?’.

(2) *(Гриша (зёв лёкысь, пурё)). Менё гёлёваысь чөвтны?* (Савин 1982: 141). «(Гриша (гневно)) Меня лишит должности головы?’.

(3) *(Миля) Миянлы колё гижсьыны, Витенька...*

(Витя) Кыдзи гижсьыны? Кёні гижсьыны? (Дьяконов 1990: 282). ‘(Миля) Нам нужно расписаться, Витенька... (Витя) Как расписаться? Где расписаться?’.

г) безличные вопросительные предложения, в которых главный член предложения обозначает процесс или состояние независимо от деятеля. В коми литературном языке в зависимости от выражения главного члена в предложениях данного вида выделяются следующие группы:

1) безличные вопросительные предложения, главный член которых выражен безличными глаголами или личными глаголами в безличном значении. Они выражают физические явления природы, действия и состояния, совершающиеся произвольно и т.д.:

(1) *(Василиса) Кӧдзӧддас?* (Дьяконов 1990: 114). ‘(Василиса) Похолодает?’.

(2) – *Но-о, югдӧма нин тай?* (Ногиев 2007: 11). ‘Ну, уже рассвело?’.

(3) – *Чӧсӧдӧ? – юрсӧ пӧлынтьӧмӧн Ӧксен жалитанаа видзӧдлӧс участкӧвӧйлы синьясас* (Безносиков 1995: 97). ‘Саднит? – наклонив голову, Аксен, жалея, посмотрел участковому в глаза’.

В коми литературном языке также встречаются безличные вопросительные предложения, главный член которых может быть выражен безличными вспомогательными глаголами *колӧ* «надо», *позьӧ* «можно», *лоӧ* «придется» и инфинитивом глагола, которые выступают соответственно со значением необходимости / отрицания необходимости действия, возможности / невозможности действия, неизбежности / отрицания неизбежности действия, например:

(1) *А Валя быттӧ нарошнӧ дӧзмӧдӧс Сергейӧс:*

– *Ачӧд кавалер, а зэв гӧгӧрвотӧм! Мый нӧ колӧ шуны пывсян бӧрас?* (Льбуров 1954а: 99). ‘А Валя как будто нарочно злила Сергея: – Сам кавалер, а очень непонятливый! Что же надо говорить после бани?’.

(2) *(Воробьев) Ю вомӧныс позьӧ брӧд уйны?* (Дьяконов 1990: 51). ‘(Воробьев) Реку можно вброд перейти?’.

(3) *А оз позь кытшовтны нюрсӧ? – бара жӧ юалӧс Кузьмич* (Льбуров 1954а: 116). ‘А нельзя обойти озеро? – опять же спросил Кузьмич’.

(4) *(Матвей) Сэсся нӧ пыр тадзи лоӧ танӧ овны?* (Савин 1982: 79). ‘(Матвей) Теперь разве всегда так придется здесь жить?’.

Главный члена безличного вопросительного предложения может быть выражен безличным глаголом с суффиксом *-сь*:

(1) – *О-о-о, кодӧс ме аддза!.. Гижысь морт!.. Кыдзиджык овсьӧ-высьӧ?* (Безносиков 1995: 23). ‘О-о-о, кого я вижу!.. Писатель!.. Как живется?’;

(2) – *Кыдзи нин сьывсьӧ?* (Шахов 1964: 11) ‘Как уже поется?’.

2) безличные вопросительные предложения, главный член которых выражен безлично-предикативными словами, обозначающими различные состояния:

(1) *(Габӧ) Абу и яндзим?* (Савин 1982: 167). ‘(Габӧ) Даже не стыдно?’.

(2) *Веня мудзёма эськё, но оз кольччы, мунё учитель бёрся, юасьё сылысь:*

– *Лым пытишкас нё шоныдджык али мый?* (Федоров 1982: 330). ‘Веня устал, конечно, но не отстает, идет за учителем, спрашивает у него: Теплее что ли под снегом?’.

В некоторых случаях к безлично-предикативным словам может примыкать инфинитив:

(Савва) Хе-хе-хе... Бара мыськовтны окота? (Дьяконов 1990: 37). ‘(Савва) Хе-хе-хе... Опять отмахать охота?’;

д) номинативные вопросительные предложения, главный член которых выражен именем существительным в именительном падеже или сочетанием числительного с существительным. Такие предложения в коми литературном языке встречаются редко.

(1) – *Праздник? – Октябрьиналён тыра кияс вылё юрнас довкнитёмён юалис Веня кильчö пос вылын нин, бара эз аддзы шуны толкаджыктор* (Шахов 1985: 62). ‘Праздник? – Кивнув головой в сторону полностью занятых рук Октябрины, уже на крыльце спросил Павел, опять не смог выразиться более толково’.

(2) – *Ме чайта... Кылан? Ме чайта, и мяян суседным регыд пöвсö корсьлас... – Павел?* (Шахов 1985: 40). ‘Я думаю...Слышишь? Я думаю, и наш сосед скоро найдет свою пару... – Павел?’.

Широко распространены простые вопросительные предложения, как двусоставные, так и односоставные, в коми-пермяцком языке:

(1) – *Разь сия чапкис тэнö? – шуö заседатель* (Лихачёв 1974: 38). ‘Разве он бросил тебя? – говорит заседатель’.

(2) – *А пизьсö председательыс көр сетас? – натътö, дасötись ни талун юалис Санко* (Минин 1974: 88). ‘А когда муку председатель даст?– наверное, уже десятый раз сегодня спросил Санко’.

(3) *Степанида Николаевна гөрдззисьё и тожö кывзö. Сэсья негорён юалö зоныслсь:*

– *Сейны, поди, колö лöсьötны?* (Баталов 1974: 235). ‘Степанида Николаевна вяжет и тоже слушает. Потом тихо спрашивает парня: – Поесть, наверное, нужно приготовить?’.

(4) – *Мый öни керны? Сырчик, Сырчик!* (Минин 1974: 104). ‘Что сейчас делать? Сырчик, Сырчик! (кличка лошади)’.

В коми литературном языке частота употребления двусоставных и односоставных вопросительных предложений одинакова. Односоставные предложения придают речи большую динамичность, выразительность, и часто используются писателями для создания экспрессии в литературных произведениях. То же самое характерно для коми-пермяцкого языка.

2.3. Сложные вопросительные предложения

Вопросительными по цели высказывания могут быть не только простые предложения, но и сложные. Нами будут рассматриваться вопросительные предложения, которые классифицируются по типу связи частей сложного предложения.

Анализ сложных вопросительных предложений в коми литературном языке показал, что они могут иметь разную структуру. В современном коми языке встречаются союзные сложные вопросительные предложения: сложносочиненные (ССВП) и сложноподчиненные (СПВП), а также бессоюзные сложные вопросительные предложения (БСВП).

I. Сложносочиненные вопросительные предложения (ССВП). Данный вид предложений состоит из двух или нескольких синтаксически равноправных предикативных частей, которые соединяются сочинительной связью. Основным синтаксическим средством связи в предложениях данного вида являются сочинительные союзы. В настоящем разделе ССВП современного коми литературного языка рассматриваются на основе семантического принципа классификации, а именно по наличию определенного типа семантических отношений между компонентами сложносочиненного вопроса. В соответствии с этим принципом в коми языке выделяются следующие виды ССВП: вопросительные предложения с противительными отношениями, вопросительные предложения с соединительными отношениями, вопросительные предложения с разделительными отношениями.

Наиболее употребительны в современном коми литературном языке сложносочиненные вопросительные предложения с противительными отношениями, которые передаются союзами *а* 'а', *но* 'но', *да* 'да'.

ССВП с союзом *а* 'а' чаще всего имеют значение сопоставления или несоответствия:

(1) – *Тэ, зонмӧ, мырдӧн асьыд дойтӧ йӧзыслы вӧзьян, а колӧ-ӧ тадзи вӧчны?* (Тарабукин 1993в: 158). 'Ты, парень, настойчиво всем людям о своей боли рассказываешь, а нужно ли так делать?'

(2) – *Йӧзыс видз вылынӧсь, а тэ пывсянын небзьӧдчыны думайтан?* (Львов 1954а: 98). 'Люди на сенокосе, а ты думаешь в бане париться?'

ССВП с союзом *но* 'но' выражают значение ограничения, несоответствия, противопоставления:

(1) – *Яндзим, дерт, йӧз дырйи окасьны, но кытчӧ воштысян?* (Огнев 1993: 58). 'Стыдно, конечно, при людях целоваться, но куда денешься?'

(2) – *Сёрни мунӧ выль школа да учителяслы керка стрӧбитӧм йыльсь, но кор найӧ лӧбны?* (Огнев 1993: 54). 'Разговор идет о строительстве новой школы и дома для учителей, но когда они будут?'

ССВП с союзом *да* 'да' имеют значение противопоставления, несоответствия:

(1) – *Батьё эськё попёс вайёдліс жё, да попыд ёмёй отсалас?* (Юшков 1979: 5). 'Отец попа тоже приводил, да поп разве поможет?'

(2) – *Иван Данилович! Ме кёсья гижны тэнсьыд портрет. Верман меным пукавны?.. Час кум-нель?..*

– *Емельянович! – зэв лёня, рама шыасис Ваньё дядь. – Вермынытё мыйла ог вермы, да кутиём бурьсь менё гижнысё?* (Шахов 1985: 230). 'Иван Данилович! Я хочу написать твой портрет. Сможешь мне позировать?.. Часа три-четыре?.. – Емельянович! – очень тихо, спокойно отзвался дядя Ваня. – Смочь-то смогу, да за какое хорошее дело меня рисовать?'

ССВП с соединительными отношениями в современном коми литературном языке встречаются несколько реже, чем с противительными отношениями. Обычно соединительное отношение в ССВП передается союзом *да* 'да, и' и указывает на причинно-следственные отношения, при этом адресат сможет ответить на второй вопрос только после положительного ответа на первый:

(1) – *Сёрни лоё, да кутиём синмён ме йёз водзас пета?* (Юшков 1979: 8). 'Пойдет разговор, и с какими глазами я к людям выйду?'

(2) – *Оз коль шогмана вёрыс, нинём лоё пёрёднысё, да сійён и помассяс мед?* (Юшков 2001б: 105). 'Не останется пригодного леса, нечего будет рубить, и пусть этим закончится?'

В то же время очень редко в ССВП с соединительными отношениями встречается союз *и* 'и', который выражает перечисление однородных сообщений:

– *Ог нё ачым тиёкты? Збыльысь, гашикё, яйыс и выйыс сэні, и мый кёсьян на?* (Юшков 1988: 248). 'Разве не сам прошу? Действительно, на-верное, мясо и масло там, и еще что захочешь?'

В современном коми литературном языке также употребляются ССВП с разделительными отношениями, которые передаются разделительными союзами *али* 'или', *либё* 'либо' и указывают на чередование, смену событий или действий. Союзы *али* 'или' и *либё* 'либо, или' выражают отношения взаимоисключения: то, о чем сообщается в первом предложении, исключает возможность того, о чем сообщается во втором:

(1) – *Збыльысь тیان мыйкё, али сідзи, ворсан?* (Изьюров 1975: 92). 'Между вами действительно что-то есть, или так просто забавляешься?'

(2) – *Тайё ме эйтиём жаль тёдтём сьёлёма вёлі, либё став ичётъясыс татиёмось везжёрсявтёдыс?* – шензис ёні Павел (Шахов 1985: 84). 'Этo я был с таким незнающим жалости сердцем, либо все маленькие таковы, пока не наберутся ума? – удивлялся теперь Павел'.

Необходимо отметить, что характер коммуникативной целеустановки ССП обуславливает выбор союзов: в ССВП с соединительными отношениями очень редко встречается союз *и* 'и', хотя повествовательные ССП с данным союзом в коми языке широко распространены.

В современном коми литературном языке наиболее распространены ССВП с противительными отношениями, предложения с соединительными отношениями менее употребительны, и последнее место по степени распространенности занимают ССВП с разделительными отношениями.

II. Сложноподчиненные вопросительные предложения (СПВП).

Данный вид предложений состоит из двух или нескольких грамматически неравноправных предикативных частей, объединенных подчинительной связью. Основным средством связи предикативных частей, как и в повествовательных предложениях, служат подчинительные союзы, союзные слова и частицы. Компоненты предложений данного вида тесно связаны в семантическом и структурном плане. По мнению В.И. Корж, сложные вопросительные предложения данного вида характеризуются внутренне присущей им спецификой, не релевантной для повествовательных предложений, в частности, тесной связью главного и придаточного предложений (Корж 1986: 17–18).

Анализ фактического материала показал, что СПВП широко распространены в современном коми литературном языке. В нашем исследовании в основу классификации сложноподчиненных вопросительных предложений положен семантический принцип. В предложениях данного вида между главной и придаточной частями существуют различные смысловые отношения, в соответствии с ними можно выделить следующие семантические типы:

а) СПВП с изъяснительной придаточной частью. В них придаточная часть дополняет один из членов главного предложения, чаще всего сказуемое, выраженное глаголом, обозначающим действие, эмоциональное состояние, мыслительную деятельность, восприятие и т.д.

1) Придаточные предложения соединяются с главным чаще всего при помощи союзов *мый* 'что', *мед* (*медым*) 'чтобы':

(1) – *Тянялы мой дзик веськодь, мый татчö воёмаясыс мян кар кузя гор-тса тяпиён тапикасьоны?* (Попов 2005а: 25). 'Разве вам совсем безразлично, что приезжие по нашему городу в домашних тапочках ходят?'

(2) – *Но ти эсканныд, мый Туркыныс бур морт?* (Козлова 1993: 80). 'Вы верите, что Туркин хороший человек?'

(3) – *А, гаишкö, Октябрина ачыс кöсийис, медым татиöмторйыс кывсис колана мортлы?* (Шахов 1985: 59). 'А, может быть, Октябрина сама хотела, чтобы это было услышано нужным человеком?'

2) Следующие предложения употребляются с союзными словами *мый* 'что', *кодй* 'кто', *кор* 'когда', *кутиöм* 'какой', *кыдзи* 'как' и т. д.:

(1) – *Уськѳдчис! Мыйѳн нѳ тѳдан, мый кѳсий юавны Октябринайс?* (Шахов 1985: 76). ‘Набросилась! Откуда знаешь, что хочет спросить Октябрина?’.

(2) – *И став тайѳ кукыс мяян, менам киѳн быдтѳм.>Addзан, кутиѳм мичаѳсь да шанѳсь?* (Изьюров 1954б: 59). ‘И все эти телята наши, выращенные моими руками. Видишь, какие красивые и хорошие?’.

(3) – *Но ме ог гѳгѳрво, кодѳ тѳян вермас отсавны?* (Огнев 1993: 61). ‘Я не понимаю, кто из вас может помочь?’.

(4) – *Висьтав, кыдзи колѳ пукавнысѳ?* (Шахов 1985: 230). ‘Скажи, как нужно сидеть?’.

3) Предложения с частицей -ѳ ‘ли’:

– *А кодкѳкѳ юалас, важѳн-ѳ нѳ тѳдса ськѳд?* (Козлова 1993а: 77). ‘А если кто-то спросит, давно ли ты с ним знакома?’.

б) СПВП с определительной придаточной частью. В предложениях данного вида придаточная часть относится к члену главного предложения, выраженного именем существительным либо местоимением, и характеризует его. Придаточная часть соединяется чаще всего при помощи союзных слов *кодѳ* ‘кто’ в различных падежах и числах и *кутиѳм* ‘какой’:

(1) – *А тѳ тѳдлин эн Кирей Ванькасѳ, кодлысь тай, ачыд висьталин, керкасѳ совхозыд нѳѳблѳма?* (Афанасьев 2005: 23). ‘А знал ли ты Кирей Ваньку, у которого, ты сам говорил, совхоз дом купил?’.

(2) – *Кѳнѳсь ѳнѳ найѳ, кодьяскѳд пуктѳма тайѳ садѳйслы первой пуйсѳ? Кѳнѳ еджыд юрсиа, яндысьсыс лѳз синьяса Яша Ракин, кодѳ мед-первой мортѳн сутикис татчѳ зыр?* (Изьюров 1954б: 52). ‘Где сейчас те, с кем посажены в этом саду первые деревья? Где светловолосый, со стеснительными глазами, Яша Ракин, который самым первым воткнул сюда лопату?’.

в) СПВП с придаточным предложением времени. В предложениях данного вида придаточная часть указывает на время совершения действия или проявления признака, о которых говорится в главной части сложного предложения. Придаточные времени присоединяются к главному предложению с помощью союзного слова *кор* ‘когда’ и выполняют функцию отсутствующего в главной части сложного предложения обстоятельства времени и относятся к сказуемому главного предложения:

(1) – *И мый жѳ тыдовтчис, кор кутѳсны корсьны помкасѳ?* (Юшков 1988: 145). ‘И что же выяснилось, когда начали искать причину?’.

(2) – *Кыдзи нѳ сы йылысь сернитны, кор абу весигтѳ тѳдсаѳсь?* (Козлова 1993а: 80). ‘Как же об этом говорить, когда мы даже незнакомы?’.

В некоторых случаях придаточные предложения времени раскрывают содержание обстоятельств времени, выраженных наречиями *сѳк*, *сѳки* ‘тогда’, *сѳтчѳдз* ‘до того времени’ и т. д.:

– Внук эм, а зять абу, – дзескөдліс тайё думыс Семен Михайловичёс. – Мый кута висьтавыны сэк, кор Сеня кутас юасьны аслас бать йылысь? (Напалков 1988: 181). ‘Внук есть, а зятя нет, – эта мысль не давала покоя Семену Михайловичу. Что же буду говорить тогда, когда Сеня начнет спрашивать о своем отце?’.

Иногда придаточные предложения времени уточняют обстоятельство времени главного предложения:

– Думайт мыйкё гажабёс да тешкодьёс. Вёвлі гажавыс да тешкодьёс дзоля дырйыйд, кор гачтёгыд на котралін?.. (Шахов 1985: 232). ‘Думай о чем-то веселом и смешном. Было веселое и смешное в детстве, когда еще без штанов бегал?’.

г) СПВП с условными придаточными предложениями. В предложениях данного вида придаточные указывают на условие, от которого зависит осуществление того, о чем говорится в главной части сложного предложения. Условные придаточные предложения относятся ко всему главному предложению и присоединяются к нему при помощи союза *кё* ‘если’:

(1) – Ставён кё кутам Управлениеын пукавыны, коді кутас тані уджавны, Арсений Никифорович? (Лыжоров 1954а: 110). ‘Если все будем в Управлении сидеть, кто будет здесь работать, Арсений Никифорович?’.

(2) – Кыдзи нё ме велёда, Вениамин Михайлович, ачым кё ог кууж? (Огнев 1993: 20). ‘Как же я буду учить, Вениамин Михайлович, если сам не умею?’.

(3) – Кутиём нё тэ мужик, гётыртё кё он пёръявы? (Шахов 1985: 273). ‘Какой же ты мужик, если жену не обманываешь?’.

д) СПВП с придаточными предложениями цели. В предложениях данного вида придаточные части указывают на цель того, о чем говорится в главном предложении и присоединяются к нему при помощи союзов *мед* (*медым*) ‘чтобы, пусть’:

(1) – Но мый, мөдөдлам вертолет, мед мерайтасны, ёна-ё тишыкёма сынёдыс? – Викториялысь юалис Иван Федосеевич (Козлова 1993б: 86). ‘Ну что, отправим вертолет, пусть замерят, сильно ли испортился воздух?’.

(2) – Тэ, тыдалё, нарошинё кёсьян меным лек вёчны, татчөдз локтөмыд, медым став уджалысьяс аддзылісны? – скөрлунсё өда кутёмён шуис Виктор Алексеевич (Шахов 1980: 165). ‘Ты, по-видимому, нарочно хочешь сделать мне плохо, сюда пришел, чтобы все работники увидели?’ – едва сдерживая злобу, сказал Виктор Алексеевич’.

е) СПВП с придаточным предложением причины. В предложениях данного вида придаточные части указывают на причину того, о чем говорится в главном предложении и соединяются с ним при помощи союза *мый* (в данном случае ‘за то, что; коль’):

(1) – *Водзёс косодан верёсыдыльсь, мый веськыда олё?* (Юшков 1988: 355). ‘Мстишь мужу за то, что живет правильно?’.

(2) – *Огё пёрёддой дай, паса пожём кё колё.*

– *Оз нё косьмы, мый пыдаё тишупёмьд да?* (Юшков 1988: 150). ‘Давай не свалим, если с зарубкой сосна нужна. – Разве не высохнет, коль на такую губину сделал зарубку?’.

ж) СПВП с придаточным предложением сравнения. В предложениях данного вида придаточные части поясняют содержание главного при помощи сравнения: сопоставляются два сравниваемых явления, при этом одно называется в главном предложении, а другое – в придаточном. В таких предложениях используются союзы *бытьё* ‘будто, как будто’, *ыштёкё* ‘как будто’, *кыдзи* ‘как’:

(1) – *Мыйла ёня йёзлён лудё киньс лёкторсё вёчны, ыштёкё абу нин таладор олысья?* (Юшков 1988: 26). ‘Почему у современных людей руки чешутся что-то плохое сделать, как будто уже не здешние жители?’.

(2) – *Мыйла кыскё найёс лёк вылас, кыдзи тай зонпосниёс ва гуранё?* (Юшков 1988: 26). ‘Почему их тянет на что-то плохое, как мальчишек в грязную лужу?’.

з) СПВП с уступительным придаточным. В предложениях данного вида придаточные части указывают на условие, вопреки которому совершается или не совершается то, о чем говорится в главном предложении. Уступительные придаточные предложения присоединяются к главному при помощи союза *коть* ‘хотя’:

– *Омёля ёмой асьсё, Филиппсё, манитё Домнаыс, коть эськё и гётыра и котыра со ачыс?* (Напалков 1988: 35). ‘Разве мало его самого, Филиппа, привлекает Домна, хотя вот сам и женат, и детей имеет?’.

В тех случаях, когда придаточные с союзом *коть* ‘хотя’ предшествуют главному, в нем могут быть союзы *но* ‘но’, *а* ‘а’, *да* (в значении но), усиливающие противопоставление главного и придаточного. Усилительно-уступительное значение имеют и придаточные предложения, в которых союз *коть* ‘хотя’ сочетается с частицей *эськё* ‘бы’, имеющей в данном случае значение ‘и’:

– *Валентина шуис, гортад пё срочнёя корёмойсь...*

– *Да, ситуация... – Михаил Константинович довкйёдлышитс дженььд голяя юрнас. – Коть эськё талун жё и эм кырсьышит гортад, да кыдзи мунансё? Самолет вылё билет менам босьтёма путевка помасян лун кешлё...»* (Торопов 1988: 273). ‘Валентина сказала, мол, домой срочно вызвали... – Да, ситуация... – Михаил Константинович покачал головой на короткой шее. – Хоть сегодня же и рвани домой, да как поедешь-то? Билеты на самолет у меня куплены на день окончания путевки...’.

Иногда уступительное придаточное предложение присоединяется к главному предложению посредством союза *да* (в значении хотя):

– *И мыйла ме тэнб ог тбд, вежон чбж нин велбдчим да?* (Огнев 1993: 28). ‘И почему я тебя не знаю, хотя учились уже неделю?’.

и) СПВП с придаточным предложением места. В конструкциях данного вида придаточные указывают на место или пространство, где совершается действие, указанное в главном предложении или поясняет значение обстоятельства места, выраженное наречиями *сэтбн* ‘там’, *тані* ‘здесь’, *сэні* ‘там’ и примыкает к главному при помощи союзных слов *кытбн* ‘где’, *кбні* ‘где’, *кытысь* ‘откуда’ и др.:

– *Бара тай горшлуныд пановтіс, – дивитіс батысь. – Отчыд, буракб, блдбді нин-а!*

– *А позбб нб сиасьны, кытбн кодлбнкб сиасьбма нин?* (Юшков 1988: 50). ‘Опять же жадность опередила, – пристыдил отец. – Однажды, кажется, предупреждал уже!– А разве можно ставить силки там, где чьи-то уже расставлены?’.

СПВП с придаточным предложением места в коми языке употребляются редко.

В современном коми литературном языке крайне редко встречаются вопросительные сложноподчиненные предложения усложненного типа, имеющие несколько придаточных:

– *Да тэ гбгбрвоан-б, мый вермас лоны, ставсб кб тайбс отлаавны да партийной ногбн видлаавны?* (Шахов 1980: 163). ‘Да понимаешь ли ты, что может быть, если все это объединить и рассмотреть по-партийному?’.

В данном примере наблюдается последовательное подчинение: к главному предложению подчинено первое, первому – второе:

В коми языке также встречаются сложные вопросительные предложения смешанного типа, состоящие из подчинения и сочинения одновременно:

Бара дзескаммис лолыс. Ббрсьыс локтысь кб кодкб вблі, позис на сбткышитны дась ббдя вылысь, а тані код водзын кутан? (Юшков 1988: 99). ‘Опять стеснило дыхание. Если бы сзади кто-то был, можно было выругаться, а здесь перед кем будешь?’.

Данное вопросительное предложение состоит из двух частей, которые соединены сочинительной связью с помощью союза а ‘а’, при этом первая часть – сложноподчиненное с придаточным предложением условия.

– *Сюсь тай кылан! – нерышитіс Егор. – Пу тай пбрдан да видзбдлан, абубб тиака ли табак увья, а тэ мортыскбд сідзи?* (Юшков 1988: 146). ‘Умник нашелся, говорю! – подразнил Егор. – Дерево же свалишь и посмотришь, не поражено ли грибок, нет ли гнилых сучьев, а ты с человеком так?’.

Это вопросительное предложение состоит из двух частей, которые объединены сочинительной связью с помощью союза а ‘а’, при этом первая часть – сложноподчиненное с изъяснительным придаточным предложением, связанным с главным посредством частицы -б ‘ли’.

– *Кыдзи думайтанныд, лоас-ё вайёддöма ва туйён Рудникöдз став грузё, кодёс ми аддзылим кывтигён да кодй мöдас на сюравны водзё, али суас тöв?* (Юхнин 1984: 45). ‘Как думаете, будет по водной дороге до Рудника перевезен весь груз, который мы видели, когда плыли вниз, и который будет попадаться дальше, или зима настигнет?’.

В данном примере к главному соподчинены два однородных изъяснительных придаточных предложения, соединенные с помощью союза *али* «или», при этом к первому изъяснительному придаточному соподчинены два однородных определительных придаточных.

Анализ фактического материала показал, что СПВП с изъяснительными и условными придаточными предложениями являются наиболее распространенными из числа сложноподчиненных вопросительных предложений в современном коми литературном языке. Немного реже встречаются СПВП с определительными, временными, сравнительными, уступительными, очень редко – СПВП с придаточными цели и места.

III. Бессоюзные сложные вопросительные предложения (БСВП).

Данный вид вопросительных предложений состоит из двух или более предикативных частей, которые соединены друг с другом по смыслу, интонацией, порядком расположения частей, а не при помощи союзов или союзных слов. Между предикативными частями в БСВП могут быть различные смысловые отношения, аналогичные тем, которые наблюдаются между предикативными частями в ССВП и СПВП. В современном коми литературном языке БСВП можно разделить на две группы: БСВП с однотипными предикативными частями и БСВП с разнотипными предикативными частями.

БСВП с разнотипными предикативными частями в смысловом отношении близки к сложноподчиненным вопросительным предложениям. Между компонентами таких конструкций существуют различные отношения: пояснительные, объектные, условно-следственные, причинно-следственные и другие. Первый компонент в таких предложениях обычно содержит основную часть высказывания, а второй – поясняет, раскрывает суть первого компонента:

– *Чукыль сайсяньыс ракетаяс шыблалам – неужели эн казав, эн вермы дзёбсьыны?* (Шахов 1985: 262). ‘Из-за поворота ракеты пускаем – неужели ты не заметил, не смог укрыться?’.

БСВП с однотипными предикативными частями в смысловом отношении близки с ССВП с соединительными и противительными союзами. Обычно они выражают временные отношения (последовательность или одновременность событий, явлений):

(1) – *Комедь книгаыд эз на зшты, эн на печатайт?* (Шахов 1985: 305). ‘Книга с комедией еще не завершена, ты еще не напечатал?’.

(2) – *Чепöльта вай асьтö, скöрман он?* (Юшков 1988: 56). ‘Давай тебя ущипну, разозлишься, нет?’.

Встречаются также предложения с сопоставительно-противительными отношениями:

(1) – *Мый сэсса вбчан, сэтишмддыс воан да. А кыт нб эськб локтин, эг тай нб казявлы кок туйтб?* (Юшков 2001б: 10). ‘Что потом сделаешь, коль дойдешь до такого. А где же ты пришел, твоих следов-то я не заметила?’.

(2) – *Муртса на удитин гортсьыд воны, гажтбм нин босьтис?* (Торопов 1988: 281). ‘Только еще успел из дома приехать, уже скучаешь?’.

В коми литературном языке имеются также БСВП усложненной структуры, которые употребляются крайне редко. В них второй компонент представляет собой по структуре не простое предложение, а сложное, состоящее из двух или более частей:

(1) – *Сийб эз муштбмт Паладьбс, нывбабалбн пбсь ки-кокысь шонавлис сьблбмыс, но вермис-б Галябс вежны Паладь?* (Напалков 1988: 112). ‘Он не испытывал неприязни к Паладье, от теплого женского тела согревалось его сердце, но могла ли Паладьа заменить Галину?’.

(2) *Но сэсса, виччысьтбг, бара на дойдб батбб вбсна шог: выль костюмыс бшало, а ачыс нб збыль али мый некор нин сэсса оз ло?..*(Торопов 1988: 125). ‘Ну, а потом, неожиданно, опять причиняет боль тоска по отцу: его новый костюм висит, а его самого неужели действительно уже никогда не будет?’.

В первом примере вторая часть БСВП состоит из сложносочиненного предложения с противительным союзом *но* ‘но’, во втором примере – из сложносочиненного предложения с противительным союзом *а* ‘а’.

В коми языке встречаются также БСВП, в которых бессоюзное соединение сочетается с союзным:

Пыр думайтсис: кытысь Игорлы татшбм карактерыс, мыйла асьсб омблтны лэдзб, мыйла гбтырыс водзын кывтбм нембс кодб? (Шахов 1985: 301). ‘Все думалось: откуда у Игоря такой характер, почему позволяет себя унижать, почему перед своей женой как бессловесное животное?’.

Сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные вопросительные предложения, употребляются и в коми-пермяцком языке:

(1) *И быдпырся, кбр туй вылын мыччысьлыс солдат, Степанколбн дрбгнитлис сьблбмыс: А вдруг айб? Конечно, надея вблб учбт, но мыйыс оз овлы?* (Минин 1974: 141). ‘И каждый раз, когда на дороге показывался солдат, у Степанко взрагивало сердце: А вдруг отец? Конечно, надежды было мало, но чего не бывает?’.

(2) – *Адззан, Трошенев, кызд ния волькбтбны миянбс?* (Лихачёв 1974: 10). ‘Видишь, Трошенев, как они нас побили?’.

(3) – *Мун, мун, волькыт туй тэныт... А ми бы эд делом локтбм тэ дынб; бзимтб ой покатсис вузалбн ни?* (Лихачёв 1974: 10). ‘Иди, иди, ровной до-

роги тебе... А мы ведь по делу к тебе пришли: озимые с северного склона продал уже?».

Таким образом, сложные вопросительные предложения в коми литературном языке являются менее распространенными, чем простые вопросительные предложения. Они наиболее употребительны в качестве несобственно-вопросительных предложений: рефлексивных и риторических предложений, и менее - собственно-вопросительных предложений. Анализ сложных вопросительных предложений показал, что в коми литературном языке союзные структуры преобладают над бессоюзными, при этом наиболее частотны СПВП.

2.4. Цепочки вопросительных предложений

В текстах художественной литературы широко распространены синтаксические конструкции, состоящие из целого ряда (двух и более) разнотипных вопросительных предложений. Это так называемые цепочки вопросительных предложений. Они обладают экспрессивностью, эмоциональностью, встречаются как в диалогах, так и при выражении внутренних размышлений, раздумий. Вопросительные предложения присоединяются друг к другу преимущественно по смыслу: содержание второго продолжает и развивает содержание первого. Цепочки вопросительных предложений могут быть собственно-вопросительными:

(1) – *Мый шедöма? Сьöла али дозмör?..* (Безносиков 1995: 64). ‘Кто попался? Рябчик или глухарь?’.

(2) – *Кодсö босьтан аслыд? – юасьö сэся. – Кысьяссö али сюръяссö?* (Торопов 1988: 36). ‘Что себе возьмешь? – спрашивает. Камысы или рога?’.

Данные вопросительные конструкции могут быть и несобственно-вопросительными. В коми литературном языке часто встречаются цепочки рефлексивных вопросительных предложений, в основе которых лежит временная неинформированность коммуниканта о смысле событий, о чувствах, мыслях, состояниях и действиях третьих лиц:

(1) *Нестеровлы дум вылас усис эрд вылын сетöм клятвайс, и эз ло лöсьыд сьöлöмыслы. «Кыдзи висьтавны Валя йылысь? Кыдзи примитас татишöмторсö Милада? Али ёнджыка кутас эскыны, али помöдз воитас эскöмсö? Либö чöв овны? Сэки ме лоа трус, Адам Кöсьталён внук – и лоа трус!» – думайтис Геня* (Напалков 1988: 80). ‘Нестерову вспомнилась данная на поляне клятва, и стало нехорошо на сердце. «Как рассказать о Вале? Как примет такое Милада? Или больше станет верить, или окончательно потеряет доверие? Или промолчать? Тогда я буду трусом, внук Адама Кости – и буду трусом!» – думал Геня’.

(2) *А сэся меным, виччысьтöг, быттёккö сьöлёмöдз чунгыштö: «А кодъяс нö мөдъясыс быдмасны, кор став пожöмсö, öтитöг, пöрдөм?*

Кор весиг рѳд вылас некод тані оз коль? Кыдзи нѳ мукѳдьясыс вермасны быдмыны нинѳм абусьсыс?» (Торопов 1988: 150). ‘А потом неожиданно как нож в сердце: «А что же на смену вырастет, когда все до единой сосны срубим? Когда даже на семена здесь ничего не останется? Как же другие из ничего смогут вырасти?»’.

Распространены цепочки (или периоды) вопросительных предложений и в диалогах персонажей драматических произведений. Здесь они также характеризуются особой экспрессией, и каждое последующее вопросительное предложение служит для уточнения предыдущего:

(1) *(Ольга (стрѳга)) Кыдзи тэ эн? Тэ кодї? Бригадир али нѳ пешка? Коммунист али нѳ кулѳм лов? Гашкѳ, и менѳ кутан тишѳктыны, рекорднѳй урожайяс быдтѳм пыдди, василѳкьясыс венѳкьяс кыны?* (Дьяконов 1990: 89). ‘(Ольга (строго)) Как ты там? Ты кто? Бригадир или же пешка? Коммунист или неживая душа? Может быть, и меня будешь просить, вместо вырашивания рекордного урожая, венки из васильков плести?’.

(2) *(Тима) Омѳль лѳѳ?.. Кодлы? Меным?* (Савин 1982: 53). ‘(Тима) Плохо будет?.. Кому? Мне?’.

(3) *Надя. Бур вѳтъяс, дояр!*

Проня. А? Мый? Надя? (Дьяконов 1990: 222). ‘(Надя) Приятных снов, дояр! (Проня) А? Что? Надя?’.

Как видно из приведенных выше примеров, именно концентрация большого количества вопросительных предложений в малом объеме текста приводит к росту экспрессивности, раскрывающей эмоциональное состояние коммуниканта в момент разговора. В первом и втором примерах – это негодование, в третьем – испуг.

Цепочки (периоды) вопросительных предложений встречаются и в коми-пермяцком языке:

(1) *А кыдз мунан чѳжжыка? Кыдз кайны эта ердѳм Косогор вылѳ? И мыйлѳ природа чужтїс сэтїѳм керѳссесѳ, и мыйлѳ колѳ кайны сьѳкыт грузѳн сэтїѳм быд керѳс вылѳ, кѳр унаись бурджык бы вѳлі сьѳкыт грузнас лѳдзчыны улѳ?* (Баталов 1974: 117). ‘А как быстрее пойдешь? Как подняться на этот проклятый косогор? И почему природа создала такие горы, и почему на такие горы необходимо подниматься с грузом, когда намного лучше с тяжелым грузом спускаться?’.

(2) *Паймыштѳм Галочка чепѳссьиштїс кухня ладорѳ, но кыис казятѳѳс зѳнкаыс кїѳ.*

– *Галочка! Мый тэкѳт сэтїѳмыс? Мый увья тэ обижайтчан ме вылѳ? Мыйѳн ме тэѳ обидитї? Эз разь позь меным висьтавны сїѳѳ, мый эм? И ме разь сэтѳн виноват, что тэ ѳнѳдз нем эн казья?* (Фадеев 1991: 97). ‘Растерянная Галочка побежала к кухне, но рука ее нечаянно оказалась в руках парня. – Галочка! Что с тобой такое? Почему ты обижаешься на меня? Чем

я тебя обидел? Разве нельзя было мне сказать, как есть? И я разве виноват в том, что ты до сих пор ничего не заметила?'

Таким образом, цепочки (периоды) вопросительных предложений, характерные для рефлексивных вопросов, типичных для внутреннего диалога, обладают большим объемом, распространенностью в плане структуры, в то время как для цепочек вопросительных предложений, используемых в диалогах, свойственны краткость и более высокая степень экспрессии, которая обусловлена концентрацией вопросительных предложений на небольшом объеме текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование различных типов вопросительных конструкций в языке коми художественной литературы показало, что анализируемые синтаксические единицы обладают значительным семантическим, функциональным и структурным разнообразием.

Данные конструкции по коммуникативной направленности можно разделить на собственно-вопросительные и несобственно-вопросительные. Собственно-вопросительные предложения выполняют первичную функцию – выражают запрос какой-либо информации и требуют обязательного ответа, в то время как несобственно-вопросительные реализуют вторичную функцию, невопросительную: побуждение к действию, установление контакта и т.д.

К собственно-вопросительным предложениям относятся верификативные, в том числе удостоверительные и предположительные, а также специальные и альтернативные.

В коми литературном языке выявлено два вида верификативных вопросительных предложений: удостоверительные и предположительные. Характерной чертой этих синтаксических единиц является обращенность ко второму лицу. Удостоверительно-вопросительные предложения используются в случаях, когда коммуникант абсолютно не владеет ситуацией и ему необходимо убедиться в реальности какого-либо события. В предложениях данного подтипа могут использоваться вопросительные частицы *-õ* ‘ли’ или *-a* ‘а’, вводно-модальные слова, чаще всего это слово *гашкõ* ‘может быть’.

Предположительно-вопросительные предложения используются в случаях, когда коммуникант, задавая вопрос, предполагает вероятность того, о чем спрашивает, так как он уже владеет какими-то сведениями о запрашиваемом факте. Нами выделено три вида предположительно-вопросительных предложений: предложения, которые не имеют в своем составе лексико-грамматических показателей и определяются только в контексте; предложения, оформляемые при помощи модальных частиц *кõ* *нин*, *кõ-а* ‘вроде’, усилительной частицы *и* ‘и’, отрицательных глаголов *он*, *оз*, *эз* ‘не’ и вопросительной частица *-õ* ‘ли’; предложения, включающие в свой состав

вводно-модальные слова *дерт* ‘конечно’, *тыдалӧ* ‘по-видимому, видимо’, *гаишкӧ* ‘может быть, вероятно’.

Специальные вопросительные предложения выражают запрос, направленный на получение сведений определенного свойства, и требуют развернутого ответа, при этом в нем должны содержаться новые сведения о предметах, признаках и обстоятельствах. В коми литературном языке употребляются различные семантические виды специальных вопросительных предложений:

1) выявляющие субъект или объект действия, они образуются с помощью вопросительных местоимений *кодӧ* ‘кто’, *мый* ‘что’ в разных падежах и числах;

2) выявляющие разнообразие обстоятельства действий или событий:

а) обстоятельства места, они образуются с помощью слов *кӧнӧ*, *кӧнъя* (*кӧн*), *кодарын* ‘где’, *кытчӧ* ‘куда’, *кытӧн* (*кытӧнӧ*) ‘где’, *кытысь*, (*кысь*), *кысянь* (*кытӧсянь*) ‘откуда’, *кытчӧдз* ‘докуда’, *кытикӧ*, *кыт* (*кытӧ*) ‘где’, *кодарӧ* ‘какой, который (из двух)’;

б) обстоятельства времени, образуются с помощью слов *кор*, *кодыр*, *коръя* ‘когда’, *корсянь* ‘с какого времени’;

в) обстоятельства причины и цели выясняются с помощью слова *мыйла* (редко *мыйлакӧ*) ‘почему, зачем’;

г) обстоятельства способа состояния действия выясняются с помощью слов *кыдзи* (*кыдз*), *кыдзикӧн* ‘как’, *кутиӧма* ‘как’, в качестве вопросительных слов также могут употребляться сложные адвербиальные местоимения *кыдзи-мый*, *кыдзи-мый* ‘как, каким образом’;

3) вопросительные предложения, выясняющие атрибутивные свойства предметов и процессов, образуются при помощи слов *кутиӧм*, *мыйсяма*, *мыйся* ‘какой’, *кодсӧ*, *коднансӧ* ‘какую, которую из’;

4) вопросительные предложения, выясняющие количественные характеристики, образующиеся при помощи слов *мыйта*, *мый мында* ‘сколько’, *кымын* ‘сколько’;

5) вопросительные предложения, выясняющие процесс или действие, образуются при помощи вопросительных местоимения *мый* ‘что’ в сочетании с глаголами *вӧчны*, *керын* ‘делать’ в разных формах времени.

В коми литературном языке довольно часто встречаются специальные вопросительные предложения с двумя, реже с тремя вопросительными словами.

В альтернативных вопросительных предложениях коммуникант дает возможность адресату выбрать один из двух потенциальных вариантов ответов, вторая часть чаще всего имеет усеченную форму. Отсутствие в предложениях данного типа разделительных союзов является особенностью коми языка. Это исконная коми форма вопросов данного типа. Союзы *али* ‘или’, *либӧ* ‘либо’ в таких конструкциях появились позднее под влиянием

русского языка. Ответы на альтернативные вопросы даются, как правило, полные. Обычно это повествовательное предложение, соответствующее одной из частей вопроса. Ответы типа «да» или «нет» логически невозможны. Часто альтернативу друг другу составляют стоящие рядом вопросительные предложения.

К несобственно-вопросительным предложениям относятся императивные, контактоустанавливающие, риторические, рефлексивные, встречные предложения и переспросы. Их структура идентична собственно-вопросительным предложениям, при этом они не способны актуализировать значения, связанные с реализацией первичной функции вопросительной формы.

В произведениях коми художественной литературы широко распространены императивные вопросительные предложения. Данный вид вопросительных предложений служит для выражения побуждения к какому-либо действию. Нами выделено два подтипа императивных вопросительных предложений: общевопросительные и частновопросительные. Императивные общевопросительные предложения выражают побуждение к совместному действию с пригласительным характером, его совершение зависит только от желания адресата. Широко употребляются императивные общевопросительные предложения с вводным словом *гашкӧ* 'может быть, может', которые также одновременно с побудительным имеют субъективно-модальные значения желательности, неуверенности, предположительности.

Императивные частновопросительные предложения используются для выражения категорического побуждения к совершению или прекращению действия. В предложениях данного подтипа употребляются вопросительные слова *мый* 'что', *кытчӧ* 'куда', которые, частично теряя семантическую полноту, приобретают сходство с модальными частицами.

Контактоустанавливающие вопросительные предложения целенаправленно воздействуют на психоэмоциональное состояние адресата и служат для привлечения его внимания и установления с ним контакта. В коми литературном языке функционируют четыре подтипа предложений, используемых для установления общения.

Контактоустанавливающие вопросительные предложения с семантикой приветствия употребляются вместе с приветствием или вместо него для усиления доброжелательности: традиционно коммуникант стремится узнать о состоянии дел, здоровье и жизни адресата. Для них характерны семантическая опустошенность и отсутствие дополнительных субъективно-модальных, эмоционально-оценочных значений. Обязательным условием употребления таких предложений является равноправие адресанта и адресата по социальному положению.

Контактоустанавливающие вопросительные предложения с семантикой идентификации употребляются для установления контакта и выражают

спонтанную реакцию коммуниканта на внезапное появление адресата и являются перепроверкой информации о его появлении. В структуру таких предложений всегда включается имя собственное, называющее адресата.

Контактоустанавливающие вопросительные предложения с эмотивной семантикой, кроме контактных, имеют и эмоционально-оценочные значения, характеризующие отношение адресанта к адресату. В функции предиката в таких предложениях употребляется глагол второго лица прошедшего времени со значением появления или прибытия, а эмоционально-оценочные значения выражаются через включенное в структуру предложения существительное с положительной или отрицательной семантикой.

Контактоподдерживающие вопросительные предложения используются для привлечения внимания адресата к себе или теме беседы, они семантически опустошены и содержат в себе только коммуникативную информацию.

В произведениях коми художественной литературы распространены два типа несобственно-вопросительных предложений, постановку вопроса в которых сопровождают различные коннотативные значения. Таковыми являются риторические и рефлексивные вопросительные предложения.

Характерной чертой риторических вопросительных предложений являются эмоциональная окрашенность, сильная экспрессивность и субъективность. Их функцией является фиксирование внимания на проблеме и выражение внутреннего состояния коммуниканта. Риторические вопросительные предложения бывают как утвердительные, так и отрицательные, при этом положительные по форме вопросы обозначают отрицательные по значению высказывания, а отрицательные – положительные. Для них характерно наличие дополнительных эмоционально-оценочных значений сомнения, радости, сожаления, удивления, восторга и т. д. Встречаются риторические вопросительные предложения, которые являются устойчивыми выражениями: *Мый эськӧ вот татчӧ шуан?* ‘Что здесь скажешь?’, *Мый нӧ эсься вӧчан?* ‘Что поделаешь?’ и т. д.

Рефлексивные вопросительные предложения представляют собой вопросы к самому себе, размышления субъекта на волнующую его тему. Основными коннотациями в них являются неуверенность, грусть, сомнение, печаль, уныние, сожаление, ожидание, безысходность, намного реже – счастье, радость, восторг; в произведениях коми литературы преобладают рефлексивные вопросительные предложения с коннотациями тоски, безысходности, грусти, неуверенности.

Встречные вопросительные предложения и переспросы – это вопросы-реакции, часто встречающиеся в диалогах. Встречные вопросительные предложения – это ответы, заключенные в форму вопроса, содержащие в себе положительную или отрицательную оценку коммуниканта на услышанное от собеседника. В них, как и в риторических вопросительных предложениях,

положительные по форме вопросы выражают отрицательные по смыслу высказывания и наоборот. В коми литературном языке встречные вопросы чаще всего выражают отрицательные оценки. Переспросы служат для проверки правильности восприятия вопроса, заданного адресантом, а также для заполнения пауз.

Структурные типы вопросительных предложений в произведениях коми художественной литературы также отличаются разнообразием. Вопросительными могут быть слова-предложения, простые предложения, разновидности сложных конструкций – сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные, а также цепочки предложений.

Вопросительные слова-предложения могут выражаться как неполными, так и нечленимыми предложениями. Неполные предложения могут быть выражены вопросительными местоимениями или любыми знаменательными словами, в то время как нечленимые вопросительные предложения – словами со значением утверждения / отрицания или вопросительными частицами, а также вокативными предложениями.

Вопросительные простые предложения могут быть как двусоставные, так и односоставные. В качестве вопроса употребляются все типы односоставных вопросительных предложений, за исключением обобщенно-личных. Частота употребления вопросительных двусоставных и односоставных вопросительных предложений приблизительно одинакова.

В составе союзных сложных вопросительных предложений встречаются как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения. Наиболее употребительными являются сложноподчиненные вопросительные предложения с изъяснительными и условными придаточными. Что касается сложносочиненных вопросительных предложений, то здесь преобладают предложения с противительными отношениями, в то время как с соединительными и разделительными встречаются намного реже.

Среди бессоюзных сложных вопросительных предложений наиболее распространенными являются БСВП с разнотипными предикативными частями, а БСВП усложненной структуры встречаются крайне редко.

В языке коми художественной литературы широко распространены синтаксические конструкции, состоящие из целого ряда (двух и более) вопросительных предложений, квалифицируемые как цепочки вопросительных предложений. Данные синтаксические конструкции особенно характерны для рефлексивных вопросительных предложений.

Анализ фактического материала показал, что использование вопросительных предложений с определенной семантикой и структурой обусловлено стилистическими и жанровыми спецификами текста. Наибольшее многообразие типов вопросительных предложений можно обнаружить в диалогах, которые максимально приближены к разговорной речи и сохраняют ее инди-

видуальные особенности. И, наоборот, в художественных монологах наиболее распространены рефлексивные и риторические вопросы, выражающие внутренние размышления персонажа или его оценку окружающей действительности.

В целом вопросительные конструкции придают художественному произведению динамичность, живость, яркость, отражая национальную специфику языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алямкин Н.С. Интеграционный подход к изучению предложения в мордовских языках: структурный и коммуникативный аспекты // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 191–194.

Андреева С.В. Типология конструктивно-синтаксических единиц в русской речи // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 32–45.

Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи. Система, зоны употребления, функции. М.: КомКнига, 2006. 192 с.

Арсланова М.С. Структурные и функционально-семантические типы вопросительных предложений в современном башкирском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 02. Стерлитамак, 2006. 180 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2005. 576 с.

Бабайцева, В.В. Рематическая рамка не...ли (ль) как маркер медитативной семантики // Избранное 1955–2005. М., Ставрополь, 2005. С. 446–447.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990. 205 с.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Гамбург, 1995. 200 с.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Москва – Гронинген, 2002. 168 с.

Белашапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Блох М.Я. Коммуникативные типы предложений в аспекте актуального членения // Иностраный язык в школе. 1976. № 5. С. 14–23.

Блох М.Я. Коммуникативная синтаксическая парадигматика и логический аспект высказывания // Структура и функция синтаксических единиц в германских языках / Межвуз. сб. науч. тр. Горьковского гос. пед. ин-та им. Горького. Горький, 1983. С. 3–12.

Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 408 с.

Британ И.Б. Вопросительные предложения в авторской речи художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20. Краснодар, 2005. 180 с.

Валимова Г.В. Синонимия вопросительных предложений // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов-на-Дону, 1978. С. 23–31.

Венде Кулло. О роли интонации в опознавании вопроса в эстонском языке // Советское финно-угроведение. 1969. № 3. С. 161–165.

Власян Г.Р. Вопросительные предложения в свете теории речевых актов // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 6. С. 125–127.

Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10. 02. 22. Йошкар-Ола, 2001. 35 с.

Воробьева Е.Н. Вопросительное предложение и контекст // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 1. С. 49–52.

Гальперин И.Р. Грамматические категории текста (опыт обобщения) // Известия АН СССР, серия литературы и языка. 1977. Т. 36. Вып. 6. С. 522–538.

Григорьева В.С. Речевое взаимодействие в прагмалингвистическом аспекте на материале немецкого и русского языков: учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 80 с.

ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения. Ижевск, 1970. 252 с.

Долгова А.П. Вопросительные предложения и средства выражения вопроса в чувашском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: 10. 02. 06. Чебоксары, 1999. 23 с.

Драздаускене М.-Л. Лексические особенности речи в контактоустанавливающей функции // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 1974. № 5. С. 56–64.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: УРСС, 1958. 404 с.

Жинкин Н.И. Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 22–34.

Засыпкин В.П. Неполные и односоставные вопросительные предложения в диалогической речи во французском и испанском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 05. М, 1998. 170 с.

Игушев Е.А. Современный коми язык. Синтаксис: Учебное пособие. Сыктывкар, 1980. 101 с.

Калинина А.А. Утверждение и отрицание в вопросительном предложении // Русский язык в школе. 2007. № 5. С. 63–68.

Калинина А.А. Утверждение и отрицание в вопросительно-предположительных предложениях // Филологические науки. 2008. № 2. С. 108–116.

Канафьева А.В. Риторические высказывания с семантикой утверждения // Русский язык в школе. 2011. № 4. С. 59–64.

Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 159 с.

Колядёнков М.Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 2. Синтаксис. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1954. 326 с.

Колядёнков М.Н. Структура простого предложения в мордовских языках (Предложение и его главные члены): Автореф. дис...-ра филол. наук. М., 1956. 28 с.

Корж В.И. Грамматическая природа и принципы классификации сложноподчиненного предложения с вопросительной установкой // Вопросы семантики и синтаксиса сложного предложения: Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский госпединститут, 1986. 124 с.

Краснова Т.А. Классификация и восприятие удмуртских вопросительных предложений // Вестник удмуртского университета. Серия: История и филология. Ижевск, 2009. Вып. 1. С. 87–92.

Кузнецов А.В. Речевой этикет народов Волго-Уралья. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 320 с.

КЯ 1998 – Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнева. М.: Изд-во «ДиК», 1998. 608 с.

Лудыкова В.М. Ёнія коми кывлӧн синтаксис. I юкӧн. Кывтӧчас да прӧстӧй серникузя. Сыктывкар, 1993. 97 с.

Лудыкова В.М. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в коми языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей. Ижевск, 2000. С. 114–121.

Лудыкова В.М. Модальность коми инфинитивных предложений // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации. Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. Ханты-Мансийск, 2009. С. 86–89.

Майтинская К.Е. Венгерский язык. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Ч. III: Синтаксис. 375 с.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 440 с.

Матвеева С.А. Вопросительные предложения и его стилистические функции в публицистике А.И. Герцена // Вопросы синтаксиса русского языка. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. Т. 125. Кн. 4. С. 182–275.

Медникова Э.М. Целевая направленность речи и семантика языка // Вестник Московского университета. Филология. 1970. № 1. С. 52–60.

Орлова М.Н. О принципах классификации вопросительных предложений // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966. С. 118–122.

ӨКК – Өнія коми кыв. Морфология /Дасьтöма филологияса кандидат Г.В. Федюнёва кипод улын. Сыктывкар: Коми небöг лэдзанин, 2000. 544 с.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. 272 с.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996. 464 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. 454 с.

Платоненко Н.М. Неполные вопросительные предложения в современном немецком языке: автореф. дис...канд. филол. наук: 10. 02. 04. Пятигорск, 1989. 16 с.

Поройкова Н.И. О типах речевого общения и их отношении к адресату речи // Русский язык для студентов-иностранцев. Вып.19. М.: Русский язык, 1980. С. 24–28.

Почепцов О.Г. Семантика и прагматика вопросительного предложения (на материале английского языка): автореф. дис ...канд. филол. наук: 10.02.04. Киев, 1979. 24 с.

Распопов И.П. Вопросительные предложения // Русский язык в школе. 1958. № 1. С. 34–37.

Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.

Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 15–22.

Раутскайте-Драздаускене М.-Л.А. Можно ли объективно выделить речь в контактоустанавливающей функции? // Вестник Московского университета. Филология. 1969. № 6. С. 80–85.

Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос. Осло, 1972. 880 с.

Ромбандеева Е.И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М.: Наука, 1979. 156 с.

РГ 1980 – Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 714 с.

Савваитов П.И. Грамматика зырянского языка. СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1850. 168 с.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.

Сидоров А.С. Твердый порядок расположения слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1947 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 110.

Сидоров А.С. Синтаксис коми языка. Учебник для педвузов. Сыктывкар, 1952 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф.1. Оп. 11. Ед. хр. 167.

Сидоров А.С. Синтаксис коми языка. Ч. I–III. Сыктывкар, 1950 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Д. 133, 135, 136.

ССРЯ 2009 – Синтаксис современного русского языка: учебник для студ. высш. учебн. заведений под ред. С.В. Вяткиной. СПб.: СПбГУ; М.: Академия, 2009. 346 с.

СКЯ 1967 – Современный коми язык. Ч.2. Синтаксис / Под ред. Н.Н. Селькова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 284 с.

Стаханова И.Г. Вопросительные предложения со значением побуждения в современном русском языке: дис...канд. филол. наук: 10.02.01. Л., 1984. 193 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 800 с.

Усенкова Э.В. Средства выражения модальных значений в нганасанском языке в сопоставлении с селькупским языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20. Томск, 2002. 22 с.

Федотова В.П. Очерк синтаксиса карельского языка / Академия наук СССР. Карел. филиал. Ин-т языка, лит. и истории; ред. Г.М. Керт. Петрозаводск, 1990. 156 с.

Фирбас Я. Функции вопроса в процессе коммуникации // Вопросы языкознания. 1972. № 2. С. 55–65.

Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. М.: Изд-во ИКАР, 2002. 236 с.

Фридман Л.Г. Вопросы грамматики текста. Ставрополь, 1978. 101 с.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. Ч. 2. 292 с.

Хлепотько А.С. Вопросительное предложение и его функции в речи (на материале французского языка). автореф. дис...канд. филол. наук: 10. 02. 05. М., 2008. 22 с.

Цыплякова О.Ю. Вопросительное предложение // Мордовские языки. Энциклопедия. Саранск, 2012. С. 46–47.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. М.: УРСС, 2003. 424 с.

Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи: Сб. науч. статей. М.: РГГУ, 2004. С. 19–37.

Шатуновский И.Б. Общие (полные) вопросы в русском языке // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е.В.Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 897–926.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 379 с.

Шендельс Е.И. Отрицание как лингвистическое понятие (на материале немецкого языка) // Уч. Зап. Московского гос. пед. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1959. Т. XIX. С. 104–110.

Шмелев А.Д. Классификация предложений по цели высказывания и функциональная стилистика // Русский язык в школе. 1993. № 3. С. 86–92.

Шутов А.Ф. Роль порядка слов в развитии гипотактических отношений в удмуртском языке // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (филологические науки). Саранск, 2000. С. 322–324.

Юфкин Ю.С. К проблеме категории вопросительности в мокшанском языке // Актуальные вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 61–68.

Юфкин Ю.С. Некоторые структурные особенности вопросительных предложений в мокша-мордовском и удмуртском языках // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. статей. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1990. С. 94–101.

Iso 2005 – Iso suomen kielioppi. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2005. 1704 s.

ИСТОЧНИКИ

- Артеев П.Г. Кык висьт // Войвыв кодзув. 2005. № 11. С. 46–52.
- Афанасьев Е.С. Вежласяна поводдя // Войвыв кодзув. 2005. № 10. С. 5–25.
- Бабин В.Л. Няня Ване // Войвыв кодзув. 2006. № 8. С. 22–33.
- Бабин В.Л. Визя шор // Войвыв кодзув. 2007. № 4. С. 18–29.
- Баталов В.Я. Шапка-пожум // Пармаын асыв. Бӱрйӱм коми-пермяцкӱй проза. Кудымкар: Пермскӱй кн. изд-во, Коми-Пермяцкӱй отделение, 1974. С. 169–252.
- Безносиков В.И. Чужан сиктын олам-вылам. Висьтъяс, повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 168 с.
- Белых Н. Ов, дитяӱй, ов! // Войвыв кодзув. 1991. № 1. С. 6–37.
- Габов И.Н. Машӱ // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӱд воясӱ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С. 292–325.
- Гонев Н. Вӱр-ва йылысь висьтъяс // Войвыв кодзув. 2004. № 4. С. 46–53.
- Гонев Н. Вотчысьяс // Войвыв кодзув. 2009. № 4. С. 17–22.
- Гончаров И.А. «Бужӱд» романысь юкӱнъяс // Войвыв кодзув. 2007. № 12. С. 28–38.
- Горчаков Г.Д. Орӱдӱм олӱм // Войвыв кодзув. 2007. № 12. С. 29–47.
- Доронин 1987а – Доронин П.Г. Вотчина юклӱм // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӱд воясӱ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С. 118–125.
- Доронин 1987б – Доронин П.Г. Рӱзӱреннӱ // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӱд воясӱ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С. 125–143.
- Дьяконов Н.М. Свадьба приданнӱйӱн. Пьесаяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 288 с.
- Иванова 1993а – Иванова В.И. Пӱлӱс бока кӱвдум // Дзирья ӱшинь дорын. Висьтъяс. Повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 103–114.
- Иванова 1993б – Иванова В.И. Сӱтӱра вареннӱ // Дзирья ӱшинь дорын. Висьтъяс. Повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 96–103.
- Изьюров 1954а – Изъюров И.В. Поезд муӱ войвылӱ // Коми писательяслӱн рассказъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 61–68.
- Изьюров 1954б – Изъюров И.В. Сад // Коми писательяслӱн рассказъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954 С. 50–61.

Изьюров 1954в – Изъюров И.В. Ытва дырйи // Коми писательяслӧн расказъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 68–80.

Изьюров И.В. Том олӧмӧй, том гажӧй. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. 228 с.

Изьюров И.В. Судзӧд меным ӧшкамӧшка. Повесть, висътъяс, казътылӧмъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1975. 168 л.б.

Ильина А. Марья баблӧн шуд. Висът // Войвыв кодзув. 2008. № 9. С. 49–55.

Ильина А. Муслун арлыд // Войвыв кодзув. 2009. № 12. С. 42–58.

Коданев И. Сьӧкыд туйын // Коми писательяслӧн расказъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 144–160.

Козлова 1993а – Козлова Е.В. Депутатӧ // Дзирья ӧшинь дорын: Висътъяс, повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 75–83.

Козлова 1993б – Козлова Е.В. Нимтӧм ю // Дзирья ӧшинь дорын: Висътъяс, повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 83–89.

Козлова Е.В. Озьякерӧсанӧй // Войвыв кодзув. 2007. № 8. С. 3–32.

Колегов Е.В. Ловья гира // Ытва дырйи: Коми висът 20–30-ӧд воясӧ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С. 63–65.

Куратова Н.Н. История урок // Войвыв кодзув. 2009. № 5. С. 3–39.

Ларев А. Гажтӧм вальс. Ӑня олӧмысь серпас // Войвыв кодзув. 1990. № 1. С. 42–64.

Лихачев М.П. Виль туйӧт // Пармаын асыв. Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар: Пермскӧй кн. изд-во, Коми-Пермяцкӧй отделение, 1974. С. 7–41.

Лобанов Н. Олӧмыс помасьӧ // Войвыв кодзув. 2012. № 9. С. 18–24.

Лыюров 1954а – Лыюров А.А. Водзын любовь // Коми писательяслӧн расказъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 98–127.

Лыюров 1954б – Лыюров А.А. Катшасинъяс // Коми писательяслӧн расказъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 81–98.

Лыюров А.А. Вунӧдлыгтӧм серпасъяс: Повестьяс да висътъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 176 с.

Макаров А. Виль нянь // Коми писательяслӧн расказъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 128–143.

Макарова Е. Джынъя шуд // Войвыв кодзув. 2006. № 9. С. 13–24.

Мальцев Н. Ниа пулӧн вожъяс // Войвыв кодзув. 2007. № 2. С. 44–62.

Мартюшева Л.С. Вика-Виктория // Дзирья ӧшинь дорын: Висътъяс, повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 115–122.

Минин И.А. Паныт уйис тӧлис // Пармаын асыв. Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. Кудымкар: Пермскӧй кн. изд-во, Коми-Пермяцкӧй отделение, 1974. С. 87–166.

Напалков В.Е. Томъяс: Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 216 с.

- Напалков 2005а – Напалков В.Е. Утка туй // Войвыв кодзув. 2005. № 1. С. 6–34.
- Напалков 2005б – Напалков В.Е. Утка туй // Войвыв кодзув. 2005. № 11. 3–26 л.б.
- Напалков В.Е. Войся ангел // Войвыв кодзув. 2010. № 9. С. 27–47.
- Ногиев И. Кык висьт // Войвыв кодзув. 2007. № 4. С. 3–14.
- Обрезкова Н.А. Русскиня // Войвыв кодзув. 2005. № 8. С. 44–47.
- Обрезкова Н.А. Но и бабаяс // Войвыв кодзув. 2009. № 4. С. 23–36.
- Огнев Л.С. Сиктса учитель // Дзирья őшинь дорын: Висьтъяс, повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 3–4.
- Огнев Л.С. Висьтъяс // Войвыв кодзув. 2017. № 4. С. 38–53.
- Остапова М. Енсянь козин // Войвыв кодзув. 2009. № 6. С. 18–25.
- Павлова Н. Тэ талун кутшөмкө мод нога... // Войвыв кодзув. 2007. № 2. С. 22–23.
- Полугрудов А.В. Висьтъяс // Войвыв кодзув. 2017. № 4. С. 8–19.
- Полякова Э.И. Ваньö йлысь висьтъяс // Войвыв кодзув. 2009. № 4. С. 60–77.
- Попов С.А. Егор Ненев // Коми писательяслөн рассказяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 15–25.
- Попов А.В. Вежа кытш // Войвыв кодзув. 2000. № 4. С. 34–55.
- Попов А.В. Йиркап // Войвыв кодзув. 2001. № 10. С. 20–42.
- Попов 2005а – Попов А.В. Гусятор // Войвыв кодзув. 2005. № 4. С. 6–37.
- Попов 2005б – Попов А.В. Челядьдыртö он бергöд // Войвыв кодзув. 2005. № 7. С. 20–32.
- Попов 2007а – Попов А.В. Гөтрась, пиö, гөтрась // Войвыв кодзув. 2007. № 5. С. 7–34.
- Попов 2007б – Попов А.В. Гөтрась, пиö, гөтрась // Войвыв кодзув. 2007. № 7. С. 10–35.
- Попов А.В. Баба гожөм // Войвыв кодзув. 2010. № 8. С. 30–59.
- Пунегов П. Паськыд туй вылын // Коми писательяслөн рассказяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 161–184.
- Рочев 2007а – Рочев Е.В. Кöрысь тэрыбджык. Сыктывкар: Издательство «Эскöм», 2007. 112 с.
- Рочев 2007б – Рочев Е.В. Тундраса кутш // Войвыв кодзув. 2007. № 5. С. 50–60.
- Рочев Е.В. Висьтъяс // Войвыв кодзув. 2017. № 5. С. 57–80.
- Рочев 1954а – Рочев Я.М. Ветеран // Коми писательяслөн рассказяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 26–36.
- Рочев 1954б – Рочев Я.М. Ыджыд овмöсын // Коми писательяслөн рассказяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 36–41.
- Рочев Я.М. Кык друг: Роман. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 392 с.

- Савин В.А. Вабергач. Пьесаяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. 368 с.
- Селиванова А. Кальта Толь // Войвыв кодзув. 2012. № 5. С. 48–63.
- Столповский П.М. Уклад рёма туй // Войвыв кодзув. 2001. № 12. С. 6–46.
- Тарабукин А.А. Катя // Дзирья őшинь дорын. Висьгьяс, повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 141–145.
- Тарабукин 1993а – Тарабукин А.А. Командировкаџ // Дзирья őшинь дорын. Висьгьяс, повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 145–149.
- Тарабукин 1993б – Тарабукин А.А. Кылан, Вась // Дзирья őшинь дорын. Висьгьяс. Повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 166–168.
- Тарабукин 1993в – Тарабукин А.А. Морт ним // Дзирья őшинь дорын. Висьгьяс. Повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 155–162 л.б.
- Тимушев 2005а – Тимушев Э.А. Кык висьт // Войвыв кодзув. 2005. № 1. С. 38–45.
- Тимушев 2005б – Тимушев Э.А. Съџд кокора // Войвыв кодзув. 2005. № 7. С. 12–17.
- Торопов И.Г. Тянлы водзџ овны. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 624 с.
- Торопов И.Г. Ме верма, батьџ: Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 336 с.
- Фадеев Т.П. Олџм лун. Рассказзэс да повесттез. Кудымкар: Пермскџй кн. изд-во. Коми-Пермяцкџй отеленнџ, 1991. 352 с.
- Федоров Г.А. Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 445 с.
- Федоров Г.А. Кыа петігџн. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. 356 с.
- Федоров Г.А. Кыа петігџн. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 544 с.
- Федоров Г.А. Востым. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. 384 с.
- Фџдоров Г.А. Шуштџм кад // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-џд воясџ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С. 229–254.
- Чисталев В.Т. Трипан Вась // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-џд воясџ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С. 44–53.
- Шадрин И.А. Дџма // Пармаын асыв. Бџрйџм коми-пермяцкџй проза. Кудымкар: Пермскџй кн. изд-во, Коми-Пермяцкџй отделение, 1974. С. 45–84.
- Шаманов А.А. Доброволецьяс // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-џд воясџ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С. 326–343.
- Шахов П.Ф. Олџмыс сџмын заводитчџ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 104 с.
- Шахов Б.Ф. Визув паныд: Кык повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 176 с.
- Шахов П.Ф. Мыйла олам. Очерк, повестьяс, пьеса, висьгьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 368 с.
- Шахов П.Ф. Кыдзи тянлы овсџџ? // Войвыв кодзув. 1990. № 11. С. 8–42.
- Шестаков М.И. Пџжар // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-џд воясџ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 352 с.

Ширяев В.А. Бергөдчис // Коми писательяслӧн расказъяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1954. С. 191–201.

Шомысова А.А. Важӧ ветлӧм // Войвыв кодзув. 2009. № 6. С. 5–15.

Шомысова А.А. Тӧдмав менӧ // Войвыв кодзув. 2011. № 11. С. 17–40.

Юхнин В.В. Алӧй лента. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 456 с.

Юхнин В.В. Тундраса бияс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 472 с.

Юхнин В.В. Биа нюр. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2007. 80 с.

Юшков Г.А. Ловья лов. Повестьяс да висътьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 528 с.

Юшков Г.А. Кыськӧ тай эмӧсь: Пьесаяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 256 с.

Юшков Г.А. Рӧдвуж пас. Роман. Повесть. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 432 с.

Юшков Г.А. Коми бал // Войвыв кодзув. 1993. № 12. С. 3–21.

Юшков 2001а – Юшков Г.А. Ӧтувтӧм гижӧдъяс. Т. 1. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. 656 с.

Юшков 2001б – Юшков Г.А. Ӧтувтӧм гижӧдъяс. Т. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. 656 с.

Юшков 2001в – Юшков Г.А. Ӧтувтӧм гижӧдъяс. Т. 3. Сыктывкар: Коми кн. изд-во 2001. 704 с.

Юшков 2001г – Юшков Г.А. Ӧтувтӧм гижӧдъяс. Т. 4. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. 736 с.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
Понятие о вопросительном предложении	5
Исследование вопросительных предложений в финно-угорском языкознании	8
Классификация вопросительных предложений	10
Глава 1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КОМИ ЯЗЫКЕ	18
1.1. Принципы выделения собственно-вопросительных и несобственно-вопросительных предложений в современном коми литературном языке	18
1.2. Собственно-вопросительные предложения	19
1.2.1. Верификативные вопросительные предложения	20
1.2.2. Специальные вопросительные предложения	28
1.2.3. Альтернативные вопросительные предложения	34
1.3. Несобственно-вопросительные предложения	37
1.3.1. Императивные вопросительные предложения	37
1.3.2. Контактустанавливающие вопросительные предложения	42
1.3.3. Риторические вопросительные предложения	51
1.3.4. Рефлексивные вопросительные предложения	54
1.3.5. Встречные вопросительные предложения	59
1.3.6. Переспросы	62
Глава 2. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	
2.1. Вопросительные слова-предложения	66
2.2. Простые вопросительные предложения	71
2.3. Сложные вопросительные предложения	76
2.4. Цепочки вопросительных предложений	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	88
БИБЛИОГРАФИЯ	94
ИСТОЧНИКИ	100

Для заметок

Научное издание

Наталья Ивановна Гуляева

**ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ЯЗЫКЕ КОМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ФУНКЦИИ, СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА**

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Подписано в печать 26.11.2019.
Уч.-изд. л. 5,8. Усл. печ. л. 6,28. Тираж 300. Заказ № 19-9871.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с готового
оригинал-макета в соответствии с качеством предоставленных материалов
167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

